

ГЛАФУР ГУЛЯМ

1968

Annotation

Гафур Гулям (1903–1966) — выдающийся поэт Узбекистана, один из зачинателей узбекской советской литературы. В своих стихотворениях и поэмах, отмеченных ярким талантом, проникнутых национальным колоритом, он сумел широко и убедительно отобразить коренные перемены в жизни узбекского народа как следствие Октября и социалистического преобразования страны. Произведения Гафура Гуляма чрезвычайно популярны, его имя окружено всеобщей любовью.

Настоящее издание знакомит русского читателя с избранными произведениями замечательного мастера узбекской поэзии.

-
- [Гафур Гулям. Стихотворения и поэмы](#)
 - [ПЕВЕЦ НАРОДНОЙ НОВИ](#)
 - [СТИХОТВОРЕНИЯ](#)
 - [В ЧЕМ КРАСОТА?](#)
 - [ЖЕНИТЬБА](#)
 - [ЗИМА И ПОЭТЫ](#)
 - [НА ПУТЯХ ТУРКСИБА](#)
 - [ГОТОВ СТАТЬ ЗНАМЕНОСЦЕМ](#)
 - [АЛКОГОЛЬ](#)
 - [ХЛЕБ](#)
 - [НУРМАТ И САВРИ](#)
 - [УЗБЕКИСТАН](#)
 - [ТАШКЕНТ](#) («Ташкент построен в лучшей части света...»)
 - [ВОСПОМИНАНИЕ О КОМСОМОЛЬСКИХ ГОДАХ](#)
 - [КОНЬ](#)
 - [САД](#)
 - [НЕ МАРСИЯ](#)

- [УЗБЕК-НАМЕ](#)
- [ПОЭЗИЯ И МЫЛО](#)
- [МАВДЖУДА](#)
- [ИТОГ](#)
- [ПРОВОДЫ](#)
- [ЗИМА](#)
- [ЖДУ ТЕБЯ, СЫН МОЙ](#)
- [ТЫ НЕ СИРОТА](#)
- [ЖЕНЩИНА](#)
- [ПРОЩАНИЕ](#)
- [КЛЯТВА](#)
- [МОЯ ЗОЛОТАЯ ЗЕМЛЯ](#)
- [ВРЕМЯ](#)
- [БОЛЬШОЙ ПРАЗДНИК КАЗАХСКОГО НАРОДА](#)
- [РАЗУМ И ПЕРО](#)
- [НЕ ЗАБЫТЬ НИКОГДА](#)
- [СНЕГ ИДЕТ](#)
- [ТАШКЕНТ \(«Заря на темный небосвод живу ю краску льет...»\)](#)
- [ПЕРВОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ В НОВОМ ГОДУ](#)
- [СЕМЬСОТ ТРИДЦАТЬ ДНЕЙ](#)
- [СОЛНЦЕ](#)
- [СЛОВО ЧЕСТИ](#)
- [ОБЫЧАИ ВЕСНЫ](#)
- [...НА УЗБЕКСКИЕ КРЫШИ](#)
- [АЛИШЕР](#)
- [ЧЕРНИЛЬНИЦА](#)
- [ЛЕТО](#)
- [ДИПЛОМ](#)
- [БЕСЦЕРЕМОННОСТЬ](#)
- [КОВЕР](#)
- [ОСЕННИЕ РАБОТЫ САДОВОДА](#)
- [ВОЛОСЫ](#)
- [ПОЕТ ПОЛЬ РОБСОН](#)
- [ДРУГ У ДРУГА УЧИМСЯ](#)
- [СТАРИКИ](#)

- [ВЕЛИКОМУ РУССКОМУ НАРОДУ](#)
- [КАПЛЯ МЕДА](#)
- [ДЕТЯМ](#)
- [ПРАЗДНИЧНОЕ ПИСЬМО](#)
- [БУМАГА](#)
- [МОЯ ОДНА СТРОКА](#)
- [ПОЭТ — ПОЭТУ](#)
- [МОЯ ПАРТИЯ](#)
- [ШКОЛЬНАЯ ВЕСНА](#)
- [НАМАНГАН](#)
- [ГРАНАТ](#)
- [РАЗГАДКА СНА](#)
- [К НАМ ПРИЕЗЖАЙТЕ ПОГОСТИТЬ, ДРУЗЬЯ!](#)
- [ДОЧЕРЯМ МОИМ — ШЕЛКОВОДАМ](#)
- [ПОЙДЕМ СО МНОЮ РЯДОМ](#)
- [СВЯЩЕННОЕ ВРЕМЯ](#)
- [ВОСПОМИНАНИЕ О ДРУГЕ](#)
- [ПРЕДПРАЗДНИЧНЫЕ ДНИ](#)
- [ПЕРВОМУ КОСМОНАВТУ](#)
- [НАЧАЛО ЛЕТА](#)
- [ПЛАТА ЗА СОЛЬ](#)
- [БУКЕТ МИРЗАЧУЛЯ](#)
- [УЧИМСЯ ДУМАТЬ](#)
- [ЦВЕТНИК](#)
- [ВОДИТЕЛЯМ «ГОЛУБЫХ КОРАБЛЕЙ»](#)
- [НУ И ЧТО Ж...](#)
- [СЧАСТЛИВЫЕ СТРОКИ](#)
- [СИЛА ОДНОГО ПРИВЕТСТВИЯ](#)
- [ВЫМПЕЛ](#)
- [БЫВШЕЙ МОЕЙ ЛУНОЛИКОЙ](#)
- [ВИШНЯ](#)
- [УЧЕНОМУ ПРИЯТЕЛЮ](#)
- [ПОБЕЛЕЛИ ВОЛОСЫ ТВОИ](#)
- [ТВОЙ ГОЛОС — ЭХО НАШИХ ДНЕЙ](#)
- [МЕТАНИЕ ЯБЛОКА](#)
- [РОДИНЕ](#)

- [ПОЭМЫ](#)
 - [КУКАН](#)
 - [Часть первая КУКАН-БАТРАК](#)
 - [Часть вторая КУКАН-КОЛХОЗНИК](#)
 - [ВЫШИВКА](#)
 - [ЮЛДАШ](#)
 - [СВАДЬБА](#)
 - [ДВА АКТА](#)
 - [ДВА ВОСТОКА](#)
- [ПРИМЕЧАНИЯ](#)
- [СЛОВАРЬ](#)
- [ОСНОВНЫЕ ИЗДАНИЯ СТИХОТВОРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ГАФУРА ГУЛЯМА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Гафур Гулям. Стихотворения и поэмы

ПЕВЕЦ НАРОДНОЙ НОВИ

1

В 1930 году двадцатисемилетний Гафур Гулям писал:

Эх, почему
 не пришлось мне родиться
вместе с поколением
 бойцов-партизан?!
И мне,
 на коне бы,
 летящем как птица,
мчаться с ними
 в бой-ураган...

(«Готов стать знаменосцем»)

Многие из сверстников поэта рядом с отцами и старшими братьями отстаивали завоевания революции: вспомним Гайдара, Павку Корчагина — Николая Островского. Но в Туркестане — вчерашней колонии, только что пробудившейся от тысячелетнего сна, подобная судьба выпала немногим. Однако если не на огненных дорогах гражданской войны, то и в «мирные» годы, когда победу добывали в классовых битвах, отыскать свое место в первом ряду борцов за революционную новь родной узбекской земли было непросто. Гафур Гулям сумел стать одним из таких знаменосцев. Именно этим он снискал любовь и уважение как современников, так и потомков.

Гафур Гулям (Гафур Гулямович Гулямов) родился 10 мая 1903 года в Ташкенте. Семья жила в махалле

(квартале) Курган-Таги в Шейхантаурской части «Старого города», по тогдашнему административному делению. «Старого» — значит, населенного местными жителями, насчитывавшего долгие века существования, в отличие от «нового», появившегося в конце прошлого столетия. «Старый город», пережив революцию, войны, землетрясение 1966 года, исчезает с лица земли только сегодня. Нет больше квартала, улицы и того дома, где родился поэт. Среди современных многоэтажных зданий по-прежнему ютится лишь подновленный островерхий мавзолей святого шейха Хавенди-Тахура, давший в былые годы название этому району. Древность и новизна не просто соседствуют — взаимопроникают, соперничают в архитектуре, в быту, нередко в духовном складе и мышлении людей.

Отец поэта, Гулям-мирза Ариф, горожанин уже не в первом поколении, владел за чертой города небольшим «клином» пахотной земли, за счет урожая с которого семья, по-видимому, и существовала. Занимался ли отец только земледелием — Гафур Гулям в свои зрелые годы затруднялся сказать, тем более что отец ушел из жизни, когда мальчику исполнилось всего девять лет.

Существенно другое: Гулям-мирза Ариф был не только грамотным человеком («мирза» — прозвище, означающее: «писец», «грамотей»), но и знатоком классической поэзии Востока. Человек от природы одаренный, он сам написал немало стихов (правда, не печатал их). Поэзию любила и его жена Ташбиби — она нередко импровизировала, складывала стихи, иные из которых запечатлелись в памяти сына. Дом Гулям-мирзы Арифа посещали местные поэты. Родной дядя Гафура пользовался как стихотворец некоторой известностью (под псевдонимом «Мирза» он издал книжку своих произведений). А еще раньше, судя по рассказам старших, здесь бывали гостями прославленные поэты, уроженцы Ферганской долины:

Мукими, Асири, Фуркат, Мухи... Детство Гафура Гуляма прошло, таким образом, в среде, проникнутой литературными интересами, что в немалой степени предопределило его духовный склад и устремления в будущем. Неудивительно, что мальчик, едва достигнув десятилетнего возраста, овладел грамотой настолько, что свободно читал классиков восточной поэзии — Навои, Хафиза, Саади. Следует заметить, что вообще в крупных городах того времени, в среде сколько-нибудь обеспеченной, уровень грамотности был по традиции сравнительно высоким.

С преждевременной кончиной отца материальное положение семьи резко ухудшилось, весь уклад ее жизни был нарушен. Единственным кормильцем сделался старший брат, сам несовершеннолетний, а у него на руках — мать и четверо сирот. Именно эти годы, от 1912-го и до первых пореволюционных, оказались в жизни Гафура Гуляма самыми тягостными и мрачными. Он пытался учиться — сперва в мактабе (низшей мусульманской школе), затем в русско-туземном училище. К слову сказать, таких училищ на территории нынешних Средней Азии и Казахстана было немного, с незначительным контингентом учащихся, но знания они давали прочные, и прежде всего знание русского языка (учениками и учителями были как представители местных национальностей, так и русские). Из числа их выпускников многие впоследствии прославились как общественные деятели — борцы за Советы, мастера литературы и искусства, педагоги. Хорошее знание русского языка вынес из училища и Гафур Гулям, хотя закончить курс обучения ему помешала нужда. Чтобы помочь брату прокормить семью, Гафур, совсем еще подросток, берется за любую работу, подчас непосильную. Не только в городе — поиски заработка уводят его далеко от родного дома. Пришлось ему тогда изведать столько горького, что запомнилось до

конца дней. Вот еще одно «слагаемое» натуры будущего поэта — сиротское полуголодное отрочество, тяготы, унижения. Юноша постигал жизнь с «низов», с изнанки, на своей трудной доле познал волчьи законы мира эксплуататоров и эксплуатируемых, притом нашел в себе силы не сломиться, не уронить достоинство. Испытания закалили его, заставили повзрослеть до срока, научили распознавать добро и зло.

Революция, поначалу не внеся существенных перемен в жизненный уровень бедняков «Старого города», открыла перед ними новые горизонты. Гафур Гулям, перепробовав уже с десятков профессий, поступает наборщиком в типографию. Поступает с благоговейным чувством — ведь он знает волшебную силу печатного слова, к «сотворению» которого приобщается сам. Еще с детских лет он пробовал писать стихи, вполне традиционные как по форме, так и по содержанию, несовершенные, однако получившие одобрительные отзывы отца и дяди-поэта. Теперь же, в типографии, Гафур набирает строки революционных декретов, статьи, зовущие к переустройству жизни. Все, что происходит во взбудораженном революцией Ташкенте, расширяет кругозор юноши, побуждает его искать свою судьбу. По совету наставника, типографского рабочего Абдурахмана Саиббаева, Гафур записывается на только что открывшиеся курсы учителей и уже 23 марта 1919 года проводит в новой советской школе свой первый урок. За месяц до этого Гафура Гуляма принимают в комсомол.

Период работы учителем — до середины 20-х годов — оказался для будущего поэта коротким, но знаменательным. Новая школа учила детей и взрослых далеко не только грамоте. Это был своего рода фронт, где революционная новь в тяжелых, зачастую не бескровных битвах преодолевала все то, что в душах людских посеял и укоренил старый строй, основанный

на неравенстве, угнетении, забитости трудовой массы. Так и понимали свою жизненную роль первые советские учителя, среди которых, рядом с безусыми юношами, трудились наиболее честные из интеллигентов былого времени, — назовем хотя бы Хамзу Хаким-заде Ниязи, выдающегося поэта и замечательного педагога.

В начале 20-х годов, когда со всей остротой встала проблема борьбы с беспризорностью, в Ташкенте начали создаваться специальные школы-интернаты. Организовать одну из них поручили Гафуру Гуляму. Ведь он на собственном опыте знал, что такое сиротство, голодное и бесприютное. Однажды, как позже вспоминал сам поэт, к ним в интернат привезли новичков. Ночью, оберегая сон ребятишек, натерпевшихся лиха, и размышляя над их судьбой, уже не горестно-сиротской, какая выпала ему, молодой учитель сложил стихотворение «Дети Феликса» (работу по ликвидации беспризорности в стране возглавлял Ф. Э. Дзержинский). Это произведение, правда не увидевшее света, Гафур Гулям считал первым, открывающим зрелый период его поэтического творчества.

Второе стихотворение — «В чем красота?» — было написано тогда же, в 1923 году, его напечатал учительский журнал. Путь в литературу был проложен.

В последующие годы Гафур Гулям на руководящей профсоюзной и комсомольской работе, он активный пропагандист в массах всего нового, что принесла им революция. Вся его деятельность проходит в гуще трудовых людей, с их заботами и чаяниями, горестями и радостями. Отсюда, от сопричастности всему, что составляет народную жизнь, все сильнее стремление осмыслить ее в главном и выразить поэтическим словом. Стихи Гафура Гуляма появляются в печати одно за другим. В это время он постоянный сотрудник газет и журналов то в Самарканде (тогдашней столице

Узбекистана), то в Ташкенте, то в Фергане. Годы эти были также периодом напряженной литературной учебы у мастеров слова — не только узбекских, татарских, но прежде всего у русских, чьи произведения Гафур Гулям узнал и полюбил еще в детстве. Своими главными, любимыми учителями он всегда называл Горького и Маяковского, влияние которых на его творчество в самом деле громадно. От внимательного чтения стихов и прозы русских собратьев по перу Гафур Гулям естественно перешел к переводу их на родной язык. И это, как для многих и многих его коллег, стоявших у истока национальных советских литератур, явилось и превосходной школой литературного мастерства, и высоким примером писательского служения народу, воплощения передовых общечеловеческих идеалов.

Все же именно журналистика долго оставалась той стихией, которой Гафур Гулям отдавал всего себя, можно сказать, без остатка. По заданиям газет и журналов он в 20—30-е годы исколесил весь Узбекистан, нередко приезжал в соседние республики. Его стихотворения, в которых он, преодолевая классические каноны, пролагал новые пути узбекской поэтики — об этом ниже, — зачастую были откликами на события реальной жизни. Откликами иногда фактографическими, гораздо чаще — глубоко осмысленными и прочувствованными, на уровне зрелых, широких обобщений. Это была поэзия гражданственная, остроактуальная в самом возвышенном смысле слова.

В начале самостоятельной жизни не получив сколько-нибудь завершеного образования, поэт упорно, систематически работал над собой, так что уже в молодые годы поражал всех, кто с ним общался, богатством и глубиной разносторонних знаний, прежде всего в области гуманитарных наук. Выразительный портрет Гафура Гуляма той поры дает (в предисловии к

сборнику его стихов, изданному в Москве в 1971 году) видный украинский писатель Иван Ле, в начале 30-х годов — инженер-ирригатор, командированный в Узбекистан. Гафуру Гуляму поручили сопровождать группу специалистов в поездке по республике. «Нас, строителей, была группа в несколько человек, — писал Иван Ле, — и в ташкентском губкоме пообещали: кто-нибудь, знающий эти места, да притом еще и русский язык, будет прикомандирован к нам на время поездки. Этот кто-нибудь оказался юношей лет на семь или восемь моложе меня, и, по правде сказать, его первое появление меня слегка разочаровало: неужто не могли отыскать кого посолидней? Парень был высок, строен, с удлинненным, красивым, внимательным лицом и большими тяжело-пристальными глазами, смотревшими из-под очков. Он представился звучно и решительно:

— Гафур Гулям! — и сразу деловито и увлеченно заговорил о поездке... Он хорошо, хотя и с сильным акцентом, говорил по-русски, и минут пять спустя я поймал себя на том, что беседую с ним тоже увлеченно и совсем запросто, как со старым знакомым. В его лице, в его эмоциональной напористости, во всем, что он говорил, обнаруживалось нечто значительное и покоряющее... И говорил он удивительно ярко, на каждом шагу вставляя в речь пословицу или образный оборот, поражавшие своей меткостью...

— Мне кажется, — сказал он вдруг посреди разговора... — мне кажется, товарища инженера надо познакомить не только с землей, но и с хозяином той земли — с народом, с наманганскими узбеками. Были в Намангане? Старинный город... город-кишлак... Настоящий Узбекистан!

Мы, конечно, выразили полную готовность к такому знакомству. Но кто нас будет туда сопровождать? Да конечно он сам, Гафур!.. Мы почувствовали себя

смущенно... надо ведь и совесть иметь: у человека своих дел хватает.

— И свои дела успею сделать! — сказал Гафур решительно. — Все надо успевать...

Позже, за годы многолетней дружбы, я понял, что в этом и сказался весь Гафур: всегда готовый безрасчетно, казалось бы, тратить себя, свое время и силы, на какие-то общие и общественные дела, на нескончаемое общение с людьми. Впрочем, так ли уж „безрасчетно“? Нет, он, бесспорно, знал, что все это даст ему потом громадную творческую отдачу, и ничто сделанное для жизни не пропадет даром: жизнь возвратит ему сторицей, сотнями золотых строк...»

Результаты напряженного, плодотворного труда не замедлили сказаться. В 1931 году вышел из печати первый сборник стихов Гафура Гуляма под характерным для того времени названием «Динамо», год спустя — второй, «Живые песни». Из числа поэм, задуманных и созданных автором в 30-е годы, первая — «Кукан» — была издана в 1934 году. Немногим раньше в периодической печати начали появляться переводы его стихов на русский язык.

В это же время Гафур Гулям, уже признанный поэт, становится одним из организаторов литературной жизни Советского Узбекистана. Он участвовал в работе I Съезда советских писателей в Москве, где встречался и беседовал с М. Горьким. В числе тех, кто руководит и направляет в республике литературный процесс, воспитывает смену старшим его участникам, Гафур Гулям остается до конца своих дней.

30-е годы были для него полны неустанной и разнообразной работой в различных жанрах литературного творчества. Оставаясь автором стихотворений и поэм, он все чаще обращается к прозе и драматургии; будучи по-прежнему активным в публицистике, значительно расширяет диапазон

переводческой деятельности — переводит не только с русского и через русский, но также с языков братских народов. Как смолоду повелось, много ездит, все чаще — за пределы Узбекистана. Расширяется круг друзей, дома растет семья. В расцвете творческих сил и деятельности Гафур Гулям вместе с народом встретил войну.

Вместе с народом, разделяя с ним невероятные тяготы — а в глубоком тылу их с избытком хватало на всех, — поэт прошел эти суровые и грозные годы, по своему обыкновению живо и горячо-откликаясь на события, в которых с наибольшей полнотой отразилось лицо эпохи, черты народного характера. Наделенный отзывчивой, сострадательною душой, Гафур Гулям всегда готов прийти на помощь людям даже малознакомым, нуждается ли человек в куске хлеба или в добром слове участия. Сотни свидетельств тому сберегает поныне память его современников. Весной 1942 года он в составе делегации тружеников Узбекистана приехал на фронт, где с чтением стихов выступал перед бойцами нередко прямо на передовой, в окопе или блиндаже. Военные впечатления, раздумья о судьбах большой Родины и ее разноплеменных сынов, сражающихся с врагом, обогатили творческую палитру узбекского поэта, усилили социальное, гражданское звучание его стихов.

В предпоследний год войны Гафур Гулям с семьей поселился в двухэтажном доме с просторным садом, что на улице Арпа-Пая — как раз там, где былой «старый» город соприкасался с «новым». В просторечии район этот до сего дня именуют по названию ворот в городской стене, давно уже скрытой: Беш-Агач. Здесь-то и принимал поэт в последние два десятилетия жизни многочисленных гостей — не только из соседних кварталов и пригородных кишлаков, но теперь уже чуть

ли не со всех концов света^[1]. Рассказывают — а гулямовский «фольклор» богат и красочен — калитка в дом поэта всегда, для знакомых и незнакомых, оставалась незапертой. Подобно тому как была всегда открытой навстречу людям душа Гуляма, — черта, одна из доминирующих в его натуре:

Мой садик — ваш! Пусть только скрипнет
дверца!

На грядках зелень мяты, кинзы, перца.

Вот свежая вода, вот полотенце,

а вот открытое вам настезь сердце!

И в сад, и в сердце вас пущу, друзья!

(«К нам приезжайте погостить, друзья!»)

Сам хозяин, однако, не засиживался дома; невзирая на возраст и слабеющее здоровье, в круг его поездок теперь включились не только Москва, Баку или Казань, но и Прага, Каир, Герат. Всюду — на трибуне ли международного форума борцов за мир, в заводском цеху, в беседе с дотошными репортерами с Запада — Гафур Гулям оставался «полпредом» поэзии родного Узбекистана, глашатаем культуры великой Советской страны. Поездки в пределах Союза и особенно за рубеж давали богатую пищу для размышлений на тему об интернациональной дружбе народов.

Гафур Гулям скончался 10 июля 1966 года, едва перешагнув свой шестидесятитрехлетний рубеж. Это были тяжелые дни — Ташкент все еще сотрясали толчки разразившегося весной землетрясения, ставшего бедствием для города и тысяч его жителей. Поэт, превозмогая уже подступавший роковой недуг, неустанно обращался к согражданам со словами ободрения. Не только со страниц газет или по радио — пешком ходил по разрушенному городу, приветливым

словом поддерживая пострадавших друзей либо просто первых встречных. Многим помогли в эти горькие минуты теплое участие поэта, его несокрушимый оптимизм, его неиссякаемый — гулямовский — юмор.

...Таким и запомнили его сограждане. И таким он оживает перед читателем на страницах книг, которые сегодня трудно счесть и назвать, изданных в разных концах мира на десятках языков.

2

Жизнь поэта запечатлена в его творениях. Справедливо и обратное: все, что вышло из-под его пера, так или иначе порождено и продиктовано действительностью, участием поэта в жизни народа, своей эпохи.

Гафур Гулям — плоть от плоти трудовых слоев узбекского народа, каким этот народ был в период решающего перелома его жизненных судеб. Большой художник слова, наделенный прозорливостью и глубиной исторического мышления, он сумел увидеть и с громадной впечатляюще силой отобразить то, что было главным, характерным именно в этот период для народа, чье прошлое и настоящее он постиг в совершенстве.

Оттого-то, по сути, во всем, что создал в поэзии Гафур Гулям, заложено как бы смысловое ядро, первооснова, из которой вырастает система образов произведения, пучки мыслей и чувств, которыми поэт вдохновляется и которыми он стремится взволновать, воодушевить, «заразить» читателя. Такой первоосновой является антитеза: «прежде и теперь», «старое и новое», что для поэта (и в сознании его, и в сфере эмоциональной) почти всегда синонимично понятиям «рабство и свобода», «зло и добро», «темное и

светлое», даже так: «мертвое и живое». Ясно, что в жизни — а значит, и в поэзии, если она ее порождение и образное продолжение, — далеко не все определяется такой двучленной формулой-схемой. И однако же, правдиво отображая сложнейшие, подчас причудливые переплетения нового и старого, доброго и злого, светлого и темного, живого (хотя идущего из глубины веков) и мертвого (но притворяющегося новым) в реальной жизни и в человеческой психике, Гафур Гулям никогда не путал эти коренные нравственно-исторические категории, всегда ясно определял свою собственную позицию в противоборстве между ними. Органичная, всепроникающая гражданственность, идейность, преданность целям революции, гуманизма и раскрепощения человеческой личности — таковы основополагающие черты поэтического творчества Гафура Гуляма.

В детские годы он пытался подражать поэтам прошлого. Очень рано ощутив потребность выразить в стихах то, чем жил народ сегодня, он почти сразу понял: старые, привычные поэтические формы для этого не годятся. Гафур Гулям был в узбекской литературе не первым, кто пришел к такому выводу. Традиция обновления формы и содержания узбекской поэзии к началу XX века уже складывалась: назовем социально-политическую и бытовую сатиру Мукими, публицистические стихотворения Фурката, наконец новаторские стихи Хамзы — пламенного революционера в жизни и в литературе. Прямыми продолжателями прежде всего Хамзы были Гафур Гулям^[2] и его сверстники — Айбек, Хамид Алимджан, Уйгун. Заслуга этой плеяды поэтов состоит в том, что они пошли дальше своих учителей, на чей опыт, особенно вначале, неизменно опирались, значительно расширили тематику узбекской поэзии, обогатили ее новыми

формами, которые вырабатывались сплошь и рядом под влиянием современной им русской поэтики. Вот почему они, наряду с Хамзой и вслед за ним, по праву считаются основоположниками, зачинателями узбекской советской поэзии.

Отказ от старого, утверждение нового в тематике и приемах стихосложения здесь, как это нередко бывает, принимали полемический характер. Возьмем первое же опубликованное стихотворение Гафура Гуляма — «В чем красота?». Внешне оно ничем не напоминает, скажем, газель — образец классического малого жанра старой поэзии. По содержанию же это — утверждение эстетического кредо тех, кто отверг традиционные понятия о красоте и убежден: прекрасно то, что на пользу человеку, народу, строящему новую жизнь:

Красота в волокне
и в тяжелом зерне!
Знай, прекрасен в стране
труд, достойный наград!

Обратим внимание, во-первых, на структуру этого короткого, но характерного для поэта стихотворения. Оно строится как диалог с воображаемым оппонентом. В дальнейшем Гафур Гулям широко и многообразно использует такой прием. Почти в каждом его произведении присутствует «я» — он сам; нередко за этим «я» стоит образ целого народа на протяжении веков своего исторического существования. Не менее часто «я» — конкретный живой человек, иногда носящий имя самого поэта, в реальной бытовой обстановке; порой он и обращается к себе же («...точку ставь, Гафур Гулям»). Много раз используется диалогическая форма — в стихах беседуют, спорят «я» и «он», «я» и «ты». Бывает, что присутствует только

лишь второе лицо диалога: «ты» (абстрактный оппонент, читатель или же — что совсем не исключение — реально существующий герой, названный по имени, со своим конкретным «адресом»); значит, «я» — тут же рядом. Такая манера сообщает авторской речи особую доверительность, создает у читателя — или слушателя в ту пору, когда грамотность еще не распространилась достаточно широко, — впечатление достоверности и убедительности того, что поэт утверждает либо опровергает. В этом и отражение той близости к своей читательской аудитории, органической слитности с нею, которые так характерны для Гафура Гуляма, выходца из трудовой массы, всегда ощущавшего с ней крепчайшую связь. И еще одно существенно: «я» в его стихах никогда не сужается до партикулярной обыденности или чисто индивидуальных переживаний. В малом, частном поэт неизменно видит и вскрывает проявление общего, важного для многих, для народа и целой страны. Такова еще одна грань его творческого своеобразия.

О чем и как писать? Поставив перед собой этот вопрос в начале пути, он неизменно возвращался к нему на протяжении всей жизни. В стихотворении «Зима и поэты», одном из ранних, которое Гафур Гулям включал во все свои последующие сборники, он бичует собратьев по перу, не умеющих или не желающих откликаться на запросы жизни, коснеющих в узком кругу привычных тем и образов. О своем понимании общественной роли поэта, о принципах творческой работы, которых придерживается сам и которые утверждает, он говорит в стихотворениях разных лет («Итог», «Разум и перо», «Время», «Чернильница», «Бумага»). Мудрость здесь порой неотделима от иронии (также самоиронии), а строки и строфы нередко превращаются в афоризмы:

Перо, пустой чуждайся фразы,
не отставай и не спеши!
Ты подчиняешься приказам
народа доблестной души.

(«Разум и перо»)

Это было сказано уже в 1945 году, как своеобразное подведение итога почти четвертьвековой работы на передовых рубежах борьбы за социализм. Один из ярких памятников такой работы — большое стихотворение «На путях Турксиба», относящееся к 1930 году.

В качестве корреспондента республиканской прессы Гафур Гулям не однажды и подолгу бывал на этой — одной из первых — великой стройке социализма, цель которой — соединить стальным путем Сибирь и Среднюю Азию, чтобы максимально расширить и укрепить экономические связи между ними. Увиденное своими глазами и пережитое поэт осмыслил в исторической перспективе, противопоставив далекое прошлое, с его грабительскими походами завоевателей, передвижениями полуголодных кочевников, — настоящему, когда на той же самой земле идет всенародная битва за хлеб и культуру для вчерашних бедняков. Такое противопоставление определяет пафос этой вещи, и свое время уникальной в узбекской литературе, не имевшей себе подобных по глубине осмысления событий, по новизне стилистического строя и содержания. «На путях Турксиба» — это абсолютное отрицание канонов старой поэтики, с ее арабско-персидской метрикой (арузом, основанным на чередовании кратких и долгих слогов, чуждым узбекскому языку), устоявшейся строфикой, системой рифмовки, традиционными образами. Здесь поэт использует типичную для народных песен метрику

«бармак» — силлабическую систему разностопного стиха, обогащенную признаками тоники, с регулярными ударениями в строке. Глубокая рифма, как эхо отзывающаяся из строфы в строфу (различных по количеству стихов), создает впечатление четкой музыкальной организованности всего произведения. Для стихотворения характерны смелые, непривычные для прошлого образы (хотя и основанные на народном мироощущении: паровоз уподобляется легендарному скакуну-тулпару и т. п.), широкое использование неологизмов. В целом оно несет на себе явственный отпечаток внимательной и настойчивой учебы прежде всего у Маяковского.

Образно-поэтическое осмысление далекого прошлого в сопоставлении с настоящим — идейный стержень многих произведений Гафура Гуляма. Это относящиеся к 30-м годам «Узбекистан» и «Узбек-наме» (то и другое — вводные разделы больших произведений, причем «Узбек-наме» — введение к стихотворному письму, основная часть которого написана Айбеком, Маджиди и другими узбекскими поэтами), послевоенные «Большой праздник казахского народа», «Слово чести», «Алишер», наконец поэмы, речь о которых у нас впереди.

Для поэта естественно, опираясь на эрудицию, на глубоко укоренившиеся навыки исторического и философского мышления, абстрагироваться от окружающей реальности, сопоставлять в стихах образы и сцены, разделенные многими столетиями. Но так же естественно для него, выросшего в среде простых тружеников, «распоряжаться» в стихах бытовыми деталями, картинами родной земли, речевыми средствами, привычными для дехканина или горожанина с его специфически национальным мировосприятием. В этом — народность Гафура Гуляма, прочная связь с той землей, которая породила его и

вскормила. Можно назвать десятки стихотворений (таких, как «Мавджуда», два стихотворения о Ташкенте, «Сад», «Старики», «Осенние работы садовода», «Букет Мирзачуля», «Наманган»), в которых особенно ощутима такая связь, запечатленная в образах и пейзажах Узбекистана, выписанных с искренней любовью, способных вызвать глубокое сопереживание у читателя инонационального.

Поэт умеет горячо любить — и умеет ненавидеть все темное и злое, антигуманное (порождение навсегда ушедшего «вчера»). Обличая и ниспровергая, он использует богатый арсенал выразительных средств, от сдержанно-горькой усмешки («Нурмат и Саври») до гневного сарказма, насмерть разящего тех, кто выступает в жизни олицетворением зла (образы эмира и басмаческих главарей в стихотворении «Готов стать знаменосцем»; арабского полководца Кутейбы, огнем и кровью насаждавшего ислам, — в «Узбек-наме»), Беспощаден Гафур Гулям и к тем, кто расхищает народное добро («Хлеб»), кто заражен вредными пережитками былого («Алкоголь»).

В стихотворениях, подобных двум только что названным, снова заявляет о себе «школа Маяковского»: поэт сознательно ставит свой талант на службу народу, активно включается в борьбу за социализм. Без обиняков сказано об этом в стихах под примечательным названием «Поэзия и мыло» (они обращены к рабочим мыловаренного завода):

От грязи вы чистите тело всегда,
я — душу от пакостей старых.
Вот в этом и есть разделенье труда
поэтов и мыловаров.

Любовь и ненависть — естественные человеческие чувства, особую силу обретающие в обстоятельствах противоестественных, в пору бедствий, тягчайшее из которых — война. «Военные» стихи Гафура Гуляма приобрели чрезвычайно широкую популярность прежде всего потому, что в них поэт сумел с непревзойденной яркостью выразить и всенародную любовь к воинам — защитникам жизни, детей, домашнего очага, и любовь каждого отдельного человека к тому родному, единственному, который ушел в огонь битвы, откуда не всем суждено возвратиться.

Великая Отечественная война обострила и высветлила чувство братства между советскими людьми, ощущение единства исторических судеб у народов нашей Родины. Из многих проявлений этого единства Гафура Гуляма с особенной силой привлекло то, что Узбекистан, далекий от фронта, сделался прибежищем для тысяч советских людей, кого война лишила крова. Немало таких обездоленных принял Ташкент, особенно — детей, осиротевших либо разлученных с родителями. Их целыми эшелонами, порой в холодных, разбитых вагонах, привозили сюда, обессиленных от голода, искалеченных, выгружали прямо на путях... И вот — о великое чудо братства! — сотни ташкентцев, всех возрастов и национальностей, спешили прямо на вокзал, чтобы взять на воспитание одного из этих ребятишек, а то и двоих, троих. До сей поры в республике славны имена супругов Шаахмеда Шамахмудова и Бахри Акрамовой (ныне уже покойных), которые усыновили и удочерили четырнадцать эвакуированных мальчиков и девочек разных национальностей. Притом сумели вырастить, вывести в люди! Гафур Гулям, чуткий ко всему, что становится знаменем времени, был прекрасно осведомлен обо всех этих событиях. Он сам встречал «сиротские эшелоны» на вокзале, навещал семьи, приютившие

детей. Итогом всего увиденного и осмысленного явилось знаменитое стихотворение «Ты не сирота», в котором с пронзительной силой звучат мотивы любви к детям (вспомним детские впечатления поэта, затем его работу учителя, воспитателя в интернате для бывших беспризорных), братства разных народов, скрепленного общей бедой, наконец — мотив глубочайшей ненависти и презрения к фашизму, губителю всего живого, светлого и доброго. Стихотворение строится излюбленным у Гафура Гуляма приемом обращения к ребенку, который вдали от родного дома обрел новых родителей:

Разве ты сирота?..
Успокойся, родной!
Словно доброе солнце,
склоняясь над тобой,
материнской,
глубокой
любовью полна,
бережет твоё детство
большая страна.

Стихотворение, в переводе Светланы Сомовой напечатанное в «Правде» 27 апреля 1942 года, приобрело широчайшую известность и в тылу, и на фронте, где оно оказывало духовную поддержку людям, в перипетиях войны потерявшим своих детей. Известны случаи, когда именно стихотворение Гафура Гуляма натолкнуло таких обездоленных родителей на мысль искать, путем переписки, своих детей в Узбекистане — и поиски увенчивались успехом.^[3]

Необходимо подчеркнуть, что тема детства — счастливого или несчастливой — проходит через все творчество Гафура Гуляма, набирая особенную силу в

последние десятилетия жизни поэта. По своему обыкновению, отталкиваясь от конкретного, реального факта (порой наблюдая за своими же собственными детьми), он размышляет о взаимозависимости между общественными условиями и судьбой детей, о том, какие качества следует родителям воспитывать в ребенке, на живых примерах, часто в шутливой форме, преподносит уроки нравственности самим детям. Не считая множества собственно «детских» стихов Гафура Гуляма, издаваемых для юных читателей и на родном языке, и в переводах, укажем в качестве иллюстрации вошедшие в сборник: «Детям», «Моя одна строка», «Школьная весна», «Учимся думать».

В годы войны, чутко улавливая и отражая как бы «разлитую» в народе тоску по мирному труду на мирной земле, Гафур Гулям мечтает о времени, которое обязательно придет, потому что война завершится нашей победой:

Клянемся честью, скоро над врагом
последний, смертоносный грянет гром.

Жизнь закипит, не будет литься кровь,
страна цветущим садом станет вновь.

(«Прощание»)

Тема вдохновенного труда во имя расцвета и могущества Родины стала одной из доминирующих в творчестве Гафура Гуляма послевоенной поры. Стихотворений, посвященных этому, — десятки, даже если говорить только о переведенных. Может быть, одно из самых впечатляющих — «Водителям „голубых кораблей“», где подчеркнуто выделяется еще и сегодня актуальный для Востока мотив равенства мужчины и женщины в труде, в общественных и семейных делах.

Это и другие подобные стихотворения содержат живые картины природы Узбекистана. Они служат и оптимистическим фоном повествования, и незаменимым компонентом сюжета: земля с ее плодами — результат труда человека, героя стихотворений и поэм. Характерно, что Гафур Гулям умеет создать и органически включить в повествование также картину природы, непривычной для него самого, к примеру, пейзаж русской зимы (стихотворение «Зима»).

На послевоенные годы приходится ряд стихотворений, развивающих и углубляющих тему интернациональной дружбы народов, — тему, которая всегда оставалась особенно дорогой и близкой сердцу поэта. Таковы, к примеру, «Друг у друга учимся», «Поэт — поэту», «Гранат», «Поет Поль Робсон». В двух первых Гафур Гулям размышляет о том, сколь многогранно и плодотворно братство народов Советской страны, которые охотно делятся и многовековым опытом, и богатствами земли, чтобы еще увереннее шагать в будущее. «Гранат» — стихотворение иного плана: заклеив преступления колонизаторов-империалистов, поэт любит дарами родной природы, которые он рассыпает перед друзьями из разных стран мира, и выражает уверенность в том, что «станет земля — наш чудесный гранат — планетой дружбы и братства!» Картина же концертного выступления прославленного негритянского певца Поля Робсона оборачивается гневным обличением человеконенавистнического расизма, при этом как рефрен звучит оптимистическая строка: «И в хижине дядюшки Тома настанет рассвет!»

Чуждый всякой национальной ограниченности («цвет кожи, раса — звук пустой»), поэт преисполнен гордости за славные страницы истории своего родного народа — узбеков, за их исконные добрые качества — трудолюбие, гостеприимство. При этом он без пощады

высмеивает тех, кто по невежеству или с расчетом принижает достоинство народов Востока — носителей древней культуры (стихотворение «Слово чести»). И неизменной остается его горячая любовь к русским братьям, как общенародное чувство всех трудящихся-узбеков:

Ты добр, ты истинно велик,
ты человек стократ!
О, как ты дорог мне, родной
брат русский, старший брат!

(«Великому русскому народу»)

Чувства любви и доверия поэт испытывает к любому из народов — к соседям, с кем связывает общность исторических судеб (таджики, казахи), и, конечно, к тем, кто веками томился под гнетом колониализма и обрел свободу в жестокой борьбе, ценою тяжких потерь (народы Индии, Африки). Стихи Гафура Гуляма, пронизанные такими мотивами, собранные воедино, могли бы составить своеобразную хрестоматию интернационализма, помогающую укоренить это благородное чувство в сердцах молодых читателей.

Столь же органичной, отвечающей всему строю его мыслей, чувств и устремлений, вырисовывается в стихах Гафура Гуляма тема Ленина, Коммунистической партии. К образу Ленина, к той роли, какую сыграли учение вождя и его деятельность в судьбе узбекского народа, Гафур Гулям обращается неоднократно на протяжении всей своей жизни. Со свойственной ему способностью представить далекое — близким и родным, личным, он находит проникновенные слова, чтобы символически оттенить неразрывную связь Ильича с простыми тружениками:

...Словно солнце, на пастушьих
старых курпачах,
как родной, сидел он с нами,
пищу нашу ел.
Пил кумыс, шутил, смеялся...

(«Моя партия»)

Это — легенда, которая могла родиться в среде тех же пастухов; поэт словно подслушал их мысли. В других стихотворениях он придерживается исторической истины, напоминает о том, что именно на узбекской земле построено и возвращено по мысли Ленина, по ленинским декретам. Он не забывает и о том, что Ленин — друг всех угнетенных, которые десятилетиями с надеждой взирают на выпестованную им партию, на страну, где ленинские идеи претворены в жизнь:

Клянусь водой, насущным хлебом,
живым биением сердец,
клянусь родной землей и небом —
нам дорог Ленин, как отец.

И это чувство так высоко!
И то, что здесь я говорю,
от имени всего Востока
я вновь стократно повторю.

...Не потому ль такая сила
живет в созвучье этих слов,
что их писали не чернила,
а кровь бессмертная бойцов?

(«Клятва»)

Сила стихов самого Гафура Гуляма — в том, что они словно бы впитали в себя кровь и пот многих тысяч бойцов и тружеников, для которых поэт всегда оставался родным, притом теснейшую с ними связь и свою ответственность перед ними он не переставал ощущать от первой до последней из созданных им певучих и грохочущих, пламенных и нежных строк.

3

В поэтическом наследии Гафура Гуляма важное место занимают поэмы. Оговоримся: отнесение к жанру поэм каждого из помещаемых здесь шести произведений этого раздела представляется отчасти условным, что подтверждает практика издания их как в оригинале, так и в русском переводе. Так, «Свадьба» и «Два Востока» не однажды публиковались под рубрикой «Стихотворения», для чего есть резон: они прежде всего лишены сюжета в обычном понимании этого термина.

Более всего признаков собственно поэмы — у первого из шести произведений Гуляма. Оно озаглавлено по имени главного героя «Кукан». Эта вещь задумана автором как своего рода антитеза дастану — классическому на Востоке произведению литературы либо фольклора с романическим или героическим сюжетом. Жанровая форма дастана, где стихи перемежаются прозой, иногда рифмованной, ритмизованной, — застывшая, с традиционными сюжетными ходами и приемами характеристики действующих лиц, стилем повествования о событиях (поединок богатырей, свидание влюбленных и т. п.), составляющих обязательные компоненты привычной фабулы. Новаторство Гафура Гуляма, который все же использует в поэме ряд особенностей фольклорного

характера, заключается прежде всего в выборе жизненного материала, старой литературе категорически противопоказанного. Кукан — бедняк из бедняков, к тому же от природы робкий, нерешительный. Мало того: отец на смертном одре завещал ему: «Что невдомек, не делай наугад, Спроси у тех, кто знатен, кто богат, — у бая, у муллы...» Почитать старших — непреложный закон. Осиротевший Кукан, следуя советам «доброжелателей», обнищал вконец. Но вот в селе организуется колхоз. Соседи Кукана, более живые и смелые по натуре, быстро поняли, что только в коллективе — спасение для бедняков. Кукана тоже зовут в колхоз, иные откровенно высмеивают его за недоверчивость и пассивность. Но... «Вступив, не навлечешь ли божий гнев? Не запятнаешь ли грехом души?» Задача автора — раскрыть именно этот процесс преодоления героем самого себя, забитого и робкого перед гневом божьим и авторитетом богачей. Фольклорный элемент в поэме Гафура Гуляма явственно ощутим в описаниях того, какие злоключения переживает Кукан, слушая и исполняя советы бая, муллы; здесь юмор — лукавый, притворно-жалостливый, идущий не от дастана, а скорее от плутовской сказки. Но колебания Кукана перед вступлением в колхоз, сцена собрания дехкан, где сталкиваются защитники и враги коллектива, — эти сцены выдержаны в реалистических тонах, автор в них следует правде жизни.

Поэма состоит из двух частей — «Кукан-батрак» и «Кукан-колхозник». Такая структура сложилась в окончательном варианте произведения. Первоначально Гафур Гулям написал одну — первую — часть, в финале которой Кукан не только переломил себя и, решив идти в ногу с односельчанами, вступил в колхоз, но и преобразился духовно.

Раздумывая над своим творением, а более всего над судьбами сотен и тысяч таких, как его герой Кукан, — фигура вымышленная, но обобщившая в себе черты многих дехкан-бедняков в начальный период коллективизации узбекского села, — автор пришел к выводу, что финал поэмы — облегченный (сродни благополучной развязке фольклорных произведений), не отражающий сложности явления. В результате после первой части, за которой осталось наименование «Кукан-батрак», была создана вторая. В ней автор еще дальше уходит по пути реалистического изображения героев и событий. Он вводит в повествование себя — излюбленный им, неизменно выигрышный прием — как якобы давнего знакомого Кукана. Получив от него письмо, автор-повествователь приезжает в колхоз, где встречает своего героя, в самом деле совершенно изменившегося внешне и, главное, внутренне. Колхоз процветает, все вокруг дышит изобилием, спокойной уверенностью в завтрашнем дне. Но из долгой беседы с Куканом, из его бесхитростного повествования о пережитом перед читателем раскрывается сложный путь становления и утверждения нового в экономике и в сознании людей. Поэма Гафура Гуляма, таким образом, отвечала актуальным запросам времени; ее по замыслу и по социальной значимости следует поставить в один ряд с «Поднятой целиной» М. Шолохова и со «Страной Муравией» А. Твардовского. Она помогала тысячам колхозников, вчерашних батраков и бедняков, осознать себя, осмыслить переживаемое всею страной и каждым из них в отдельности.

Тематически близки поэме о Кукане, хотя и отдалены от нее хронологически, «Два акта» и, в известной степени, «Свадьба». Первая вещь построена по принципу контрастного сопоставления: старик Хайдар-чокки («козлобородый») рассказывает сначала о том, как у них, бедняков, в старое время «законным

порядком» оттягали землю в пользу амина — местного чиновника, оказывавшего дехканам «благодетения» (и за это пускавшего их по миру). Таков первый «акт». Вся обстановка, детали повествования выдержаны в мрачных, гнетущих тонах. Затем тот же Хайдар ведет речь, о втором «акте», в наши дни, — об утверждении за колхозниками (потомками тех, кого сделали нищими амин и духовный судья — казн) права на вечное владение землей. Вместе с рассказчиком и слушателями ликует сама природа. Поэтический талант автора, превосходное знание им народной жизни, психологии дехканаина сообщают этой вещи, несложной по замыслу, покоряющую привлекательность и действенность.

«Свадьба» — по существу облеченные в стихотворную форму рассуждения автора о том, какой должна быть новая, советская семья, как следует строить отношения между супругами, какую роль в семейной жизни будет играть их совместный труд в коллективе. Повествование очень живое, насыщенное образами; в доверительных тонах автор как бы разговаривает с героем и героиней, будущими мужем и женой, накануне их свадьбы. Значимость произведения в том, что оно преподает «азы» семейной этики в условиях нового строя, основанного на принципах коллективизма и равенства женщины с мужчиной, используя доходчивую форму, заражая читателя пафосом утверждения нравственных идеалов. Проблемам того круга, какие затронуты в «Свадьбе» — необходимости искоренить старые, антигуманные воззрения на женщину и на семью, — Гафур Гулям уделял много внимания во все периоды творчества. Вспомним стихотворение «Женитьба», датированное 1928-м годом, и более позднее, уже упоминавшееся, широкое стихотворное полотно «Водителям „голубых кораблей“». Умение наставлять современников без

дидактической навязчивости, в форме доброго совета, освещенного лукавым юмором, — сильная сторона и личности, и поэтического дарования Гафура Гуляма.

Еще одно произведение из раздела поэм — «Вышивка» — проникнуто сарказмом, который в арсенале художественных средств поэта занимал тоже не последнее место. С одной стороны, автор прославляет тружеников (в данном случае ремесленников-горожан), скромных и непритязательных, самозабвенно кропотливых в создании предметов, которые украшают быт человека, с другой — развенчивает праздных щеголей, паразитирующих на труде первых. Поэт считает этих бездельников живым воплощением привычки заноситься, чваниться внешностью, костюмом, показной удалью, — привычки, укорененной в сознании людей былым общественным неравенством и всесилием богатых. От такой вредной заносчивости, прочно связанной с тунеядством, поэт предостерегает молодежь своего времени, в качестве положительного примера выдвигая образ заводского рабочего, трудолюбивого паренька.

«Юлдаш» — сравнительно небольшое произведение с несложным, но содержательным сюжетом, который в какой-то мере перекликается с сюжетом дастанов и сказок авантюрно-приключенческого типа. В облике центрального персонажа, дехканского мальчика по имени Юлдаш, сконцентрированы черты многих его сверстников со сходной судьбой. С некоторыми из них Гафур Гулям тесно общался в период работы в школе и в интернате для сирот. Верный своим творческим установкам, он выводит в поэме себя — в качестве эпизодического, безымянного персонажа, который в интернате служит поваром. Юлдаш в минуту басмаческих грабежей и насилий над мирными

дехканами потерял родителей, немилостивая судьба привела его в ряды беспризорных:

Озорней
и грязней
паренька не найти.

О, как просто в те годы
было сбиться с пути!

В повествовании о проделках Юлдаша той поры, в чертах его внешнего и внутреннего облика проступают контуры не только реальных воспитанников молодого Гафура Гуляма, но и любимого героя его повести «Озорник» (о ней ниже), в которой много автобиографического. Вспомним, что и сам поэт в годы отрочества оказался на грани безысходного сиротства и беспризорщины. В поэме он ставит задачу: раскрыть перед читателем картину того, как социальные условия, созданные революцией, дают возможность выправиться человеческим судьбам, даже серьезно исковерканным жизнью. Юлдаш в результате облавы попадает в детский дом, где сама атмосфера человечности, доверия, заботы о подростках врачует его душу и помогает приобщиться к труду. В дальнейшем Юлдаш — рабочий на большом заводе; автор (повествователь) потерял его из виду и пользуется сведениями якобы уже из третьих рук. Отец Юлдаша не смирился с потерей сына и, после долгих поисков, нашел его в Самарканде, в казарме национального кавполка Красной Армии. Оказывается, Юлдаш успел повоевать с басмачами, награжден орденом (гипербола, навеянная фольклором, имеющая целью создать у читателя радужный эмоциональный настрой). Счастливый финал поэмы естествен и убедителен, поскольку автор в

главном следует логике развития реальных событий и характеров.

Несколько слов о большом стихотворении «Два Востока». Это как бы итог, обобщение мыслей и высказываний поэта о двух диаметрально противоположных по своей сути периодах политической жизни народов Востока — до и после Октябрьской революции. Причем Гафур Гулям рассматривает Восток как единое целое, как часть человечества, со своей спецификой природы и быта, психического склада, исторических судеб и т. д. Одна половина этой своеобразной общности людей — Восток советский — уже вступила на новый путь свободного развития. Поэт выражает уверенность: освобождение от оков колониализма самой историей предуготовано в недалеком будущем и другой половине — Востоку зарубежному. Излишне указывать, насколько верным оказалось пророчество выдающегося мастера слова. В этом еще одно свидетельство глубины исторического мышления, в высокой степени ему присущей.

4

Читателю даже небольшого сборника стихотворений и поэм Гафура Гуляма полезно иметь хотя бы общее представление о других сторонах его деятельности в сфере родной культуры. Прежде всего, он не только поэт, но и прозаик, автор целой серии рассказов (главным образом сатирических), а также больших повестей, из которых выделяются «Нетай» (имя-прозвище узбекской девочки, осиротевшей и удочеренной семьей русского рабочего) и «Озорник», отмеченные печатью выдающегося таланта, вобравшие в себя — в гораздо большей степени, детальней и красочней, чем поэтические произведения, — и

автобиографический материал, и тот быт, который определял судьбы современников. Обе повести (вторая адресована юному читателю), пользующиеся в Узбекистане громадной популярностью, переведены на русский и на другие языки. Менее известны «Ядгар» и «Дневник лентяя». В целом слава выдающегося мастера узбекской советской прозы, одного из ее зачинателей, Гафуром Гулямом вполне и бесспорно заслужена.

Его перу принадлежат драматизированные поэтические произведения, а также — что закономерно для той роли, какую он играл у себя в республике, в ее общественной и культурной жизни, — громадное количество публицистических статей, выступлений, интервью и т. п. Публицистика Гафура Гуляма, подобно его поэзии, художественной прозе, при яркой эмоциональности насыщена глубокими мыслями о времени, о судьбах человека и целых народов. Большую ценность представляют высказывания Гафура Гуляма на темы художественного творчества, где он, опираясь на богатейший опыт своих сподвижников и свой собственный, проявляет глубокую заботу о подготовке и воспитании литературной смены.

Здесь необходимо упомянуть о деятельности Гафура Гуляма — ученого-филолога. Не вдаваясь в подробности, укажем, что больше всего сделал он для изучения и популяризации творчества замечательного поэта-демократа Мукими. Гафур Гулям подготовил и опубликовал две крупные работы о жизни и поэзии Мукими, очистил в глазах массового читателя его облик от вредных напластований — результата антинародной и антинаучной «деятельности» националистов, врагов узбекской культуры. Много сделал Гафур Гулям и для изучения наследия великого Навои, для выяснения фактов его биографии. Наконец, следует упомянуть о литературоведческом аспекте статей и выступлений поэта. Его заслуги в этой области были отмечены еще в

1943 году, когда он был избран действительным членом Академии наук Узбекистана.

Поистине грандиозны, прежде всего в количественном отношении, в широте диапазона, достижения Гафура Гуляма — переводчика прозы и поэзии. Представление о них способен дать уже простой перечень авторов и произведений, переведенных им. Обстоятельный анализ этой стороны деятельности поэта, плодотворной и высокоталантливой, пока не проведен. Важно отметить, что больше всего переводил Гафур Гулям с русского языка, а среди переводимых авторов на первом месте стоят Маяковский и Горький. С особой гордостью указывал поэт, что ему принадлежат первые узбекские переводы «Буревестника» и «Песни о соколе». С большим успехом переводил он также многие произведения Пушкина и Лермонтова.

Перечислим, следуя автобиографическим заметкам самого Гафура Гуляма, языки, с которых он переводил. Кроме русского, это украинский (стихи Шевченко), грузинский (поэма Руставели, стихи Г. Леонидзе), таджикский (Абулькасым Лахути), азербайджанский, татарский, туркменский, персидский.

Остается добавить, что чрезвычайно много произведений разных жанров, самых различных зарубежных литератур поэт перевел с русских изданий, точнее через русский язык (практика таких переводов, с языка-посредника, достаточно распространена и дает положительные результаты, определяемые, впрочем, как и всегда, степенью литературной одаренности переводчика). Опять же выразителен простой список переводившихся Гафуром Гулямом авторов: Иоганнес Бехер, Антал Гидаш, Эми Сяо, Ленгстон Хьюз. Здесь же должны быть упомянуты великие драматурги Запада — Шекспир, Лопе де Вега, Бомарше. Список этот неполон, как указывал сам поэт. Одним из выдающихся

достижений Гафура Гуляма в этой области по праву считается его перевод шекспировского «Короля Лира».

Таков — в самых общих чертах — плодотворный, не обесцениваемый временем вклад Гафура Гуляма в строительство социалистической культуры узбекского народа, которому пути приобщения к накопленным человечеством духовным ценностям открыла революция.

Родина отметила эти заслуги орденами и медалями. В 1946 году за книгу стихов «Иду с Востока» поэту была присуждена Государственная премия СССР, в 1970 году — за посмертно вышедший сборник «Итог» (1967) — Ленинская премия. В связи с 60-летием (в 1963 году) Гафур Гулям был удостоен — первым после Хамзы — высокого звания народного поэта Узбекистана.

* * *

Я певец трудящегося люда,
сын великой солнечной страны.
В гордой книге
о советском чуде
строчки три и мной сочинены.

(«Узбекистан»)

О своем труде Гафур Гулям всегда отзывался с неизменно присущей ему скромностью. Подлинную же оценку его личности и творчества давно уже вынес самый широкий читатель в родном для поэта Узбекистане и далеко за его пределами. Переведенные на множество языков, изданные массовыми тиражами, его стихи и поэмы несут людям правду о советском Востоке, становятся фактором культуросозидающим, формирующим общественное сознание, особенно в

странах Востока зарубежного, недавно обретших свободу.

О Гафуре Гуляме, о его яркой жизни и многогранной деятельности на литературной ниве уже напечатаны и еще будут написаны статьи, исследования, книги. Наш разговор мы завершим высказыванием большого поэта, которому также был свойствен глубоко философский подход к явлениям духовной культуры, — словами Николая Семеновича Тихонова, приведенными А. Акбаровым в его книге «Гафур Гулям. О жизни и творчестве народного поэта Узбекистана» (Ташкент, 1974):

«Поэзия Гафура Гуляма — это мир, где новое властно завладело жизнью, где совсем по-иному, чем в старые годы, предстает родная земля и совсем другой ходит по этой земле человек...

В этом богатом мире, пронизанном двойным светом, светом азиатского могучего солнца и светом коммунистического знания, живет поэзия Гафура Гуляма...

Будут еще, придут новые сильные поэты будущего, но голос Гафура Гуляма как провозвестника этого грядущего звучал и как боевая труба, и как песня мира и любви...

Молодым поэтам всегда будет чему поучиться у Гафура Гуляма, от его высочайших гражданских качеств до самых сокровенных движений человеческого сердца».

Александр Зырин

СТИХОТВОРЕНИЯ

В ЧЕМ КРАСОТА?

«Красота без прикрас —
в блеске девичьих глаз,
в речи, звучной, как саз...»
Нет! Подумай-ка, брат,
век у этой красы,
как у летней росы,
промелькнет за часы...
Жизнь прекрасней стократ!

Красота — в волокне
и в тяжелом зерне!
Знай, прекрасен в стране
труд, достойный наград!

1923

Перевод П.Шубина

ЖЕНИТЬБА

Жениться, не зная, не видя — на ком,
не значит ли душу держать под замком,
не значит ли ночью идти наугад?

Не то же ли самое это, — ответь, —
что в спешке халат негодяя надеть?!
Беду принесет тебе этот халат.

Вдруг люди, приняв тебя за него,

расправятся из-за халата того
с тобой? Объясняйся потом...

Не значит ли это — не зная пути,
в степи человека к несчастью вести?
Подумай, товарищ, о том.

Ты молод, правдив. И не слушай старух.
Любовь разве можно проверить на слух?
Будь к ней ты не слеп и не глух!

1928

Перевод В.Соколова

ЗИМА И ПОЭТЫ

*За последний месяц в отдел
литературы и искусства редакции
«Кзыл Узбекистан» поступило 103
стихотворения, озаглавленных «Зима»,
«Снег».*

Похоже, что нынешняя зима
так и не соберется в дорогу.
Похоже, что вся земля на себя
надела белую тогу.

Всё в жертву зиме принесено:
все темы и все надежды.
У всех поэтов — «Снег» да «Зима».
Всё скрыли снега одежды.

Вот хут наступил, а за ним хамаль.
Пошли трактора по пашням.

А души лириков наших спят,
укрытые снегом вчерашним.

Вороны уж каркать забыли.
К чему орать им одно и то же?
Поэты справляются с этим и так.
Их совесть, видно, не гложет.

Трава уж выросла. Хлеб взошел. А тут всё зима.
Ну право,
Друзья, пожалейте ворон, прошу!
Оставьте им их забаву.

1929

Перевод В.Соколова

НА ПУТЯХ ТУРКСИБА

Очень стар,
незапамятно стар
этот путь...
Здесь Руми Искандар,
кровопийца Чингис,
И Джучи-ягуар,
и Тимур,
всё живое губя,
крови требуя,
крови требуя,
как буран горячи,
поднимая мечи,
пронеслись,
нанося за ударом удар.
Очень стар,
незапамятно стар

этот путь...
Здесь народ-каландар,
миллионы рабов и сирот,
открывая со стоном
почерневший от горя и голода рот,
обреченные,
немощные и униженные,
через выжженные
просторы земли,
спотыкаясь, в оковах прошли,
насекомым подобно, в пыли проползли,
хлеба требуя,
хлеба требуя,
как за муки единственный дар.
Очень стар,
незапамятно стар
этот путь...
Сколько вер,
провозя свой товар,
Кун Фуцзы,
толпы лам и ислам,
караванами
по солонцам и барханам,
воскликая во славу бурханам
и в бубны бряцая,
жертвы требуя,
жертвы требуя,
здесь, вот именно здесь
прошли с обещанием рая
и с угрозой неслыханных кар.
Здесь поставил один
на оплечьях
гор окраинных
башен убор.
А другой — вывел свода шатер
не из камня,

а из черепов человеческих.
Третий, бешено яр,
пожирая простор,
как пожар или мор,
пролетел
и полмира кладбищем простер
от волны Далай-Нора
по далекий Памир.
Власти ради своей,
славы ради неистовствуя,
все они,
все они
здесь прошли вереницами хмар...
Очень стар,
незапамятно стар
этот путь...
Порождение древнего мрака,
хищник,
окровавленной короной
венчанный,
по единому знаку
руки его
страны
дыханьем сжигал аждахар, —
от Пекина и Ханки до Рума и Киева
и от Ганга до камских булгар,
поднимая знамена,
гремя в барабаны,
здесь прошел
и пропал,
сгинул, как наваждение чар.
Очень стар,
незапамятно стар
этот путь...
Даль безмолвней лазурных озер,
над которыми спит ветерок, как чабан

близ пасущихся мирно отар.
Ведь не каждое утро
 хромая собака
 или бешеный волк
 будут лаять и выть,
и в ответ —
 барабаны греметь среди мрака
и свирепую конницу в битву будить.
Эту ширь самый грозный поход,
 словно в озеро брошенный
 камень,
 всплеснет
и на миг горизонт всколыхнет...
 И уснет,
 смокнет
 тех берегов крутояр...
Очень стар,
 незапамятно стар
 этот путь...
И теперь некий новый батыр,
но не царь,
 ужасающий зверствами мир,
не грабитель земель,
 не губитель культур,
а строитель,
 разбивший насилья скрижаль,
сокрушивший владычество ханов и бар,
тот, что вывел народы из тюрем и нор
 на свободный цветущий простор,
на которого смотрит с надеждой весь мир,
 весь земной
 им разбуженный шар,
здесь со славой прошел,
 символ освобожденья, —
 серп и молот
подняв над землей...

Очень стар,
 незапамятно стар
 этот путь...
Но отныне на нем лишь один властелин —
 богатырь,
тот, что слил воедино
 Туркестан и Сибирь
и бескрайнюю ширь —
 от далекого Улан-Батора
 до Москвы и бухарских
чинар —
в пашни, в пастбища и в сады превратил.
Очень стар этот путь...
Но теперь по нему,
 грохоча во сто пар
своих победоносных колес,
мчится зычноголосый
 колосс-паровоз,
извергая дыханием пламя и пар,
 как скакун легендарный тулпар,
вместо шпал
 суеверий каноны топча,
в даль вонзая, как два огневых меча,
 два могучих луча
 своих фар.

Очень стар,
 незапамятно стар
 этот путь...
Но теперь по нему —
 от людей обездоленных
 Индостана и Афганистана —
поздравления и пожеланья побед,
 вдохновенный привет
от миллионов
 наших друзей
вслед стальным караванам

к нам летят
 из-за океанов
 и пустынь, что мертвее Сахар....
 И теперь по нему,
 по пути, что так стар,
 где усталый навьюченный нар
 сквозь жару, и снега, и степной ураган,
 через марева фата-морган,
 от колодца к колодцу
 под звон бубенца
 по пустыне,
 качаясь, шагал месяца,
 вереницей летят эшелоны,
 мчатся хлеб, и железо, и лес, и руда
 днем и ночью, как неотвратимый,
 бессонный
 в грудь врага устремленный удар,
 чтоб скорее покончить с врагом
 навсегда,
 чтоб исчезла беда навсегда без следа,
 чтоб не запахом крови и гари,
 а свободой дышали степные ветра,
 овеявая счастливые наши года,
 лишь порою в сказаньях
 о грозном «вчера»
 говоря, как домбра
 и дутар...

1930

Перевод В Державина

ГОТОВ СТАТЬ ЗНАМЕНОСЦЕМ

Эх, почему
 не пришлось мне родиться
 вместе с поколением
 бойцов-партизан?!
 И мне,
 на коне бы,
 летящем как птица,
 мчаться с ними
 в бой-ураган.
 И мне бы
 вброд
 с боевым эскадроном
 переходить ледяные воды.
 Отважным, как Фрунзе,
 лихим, как Буденный,
 биться за счастье народа...
 Вот Бухара —
 золотая чаша,
 слезами и кровью
 налитая всклянь.
 Эмир бухарский
 всех гадин гаже,
 жестокая,
 пьяная дрянь.
 Девушки наши — его невольницы,
 дети наши — его бачи...
 Мчится
 народная
 грозная конница,
 жаждой возмездия блещут мечи.
 За всех убитых рабочих —
 возмездие,
 за всех убитых крестьян —

возмездие.
За расстрелянных,
за повешенных...
Эх, почему
 не был с ними вместе я,
пылая злобой
 святой
 и бешеной?!

2

Эх, почему
 не пришлось мне родиться
с теми,
 что с ромбами
 на петлицах,
с теми,
 кто, с ветром
 в скорости споря,
гнали врага
 к Хазарскому морю?
И враг,
 получивший шах и мат,
враг,
хвастливый и наглый вначале,
теперь орал, как пугливый ишак:
 «Пропали!
 Пропали!
 Пропали!»
Асфандияр,
 беглец Джунаид,
 Абдулла — разбойник
беспутный...
Где укрыться?

Земля горит,
всюду волнение,
всюду смута.
Но не был я,
не был в ту грозную пору
Красной Армии
рядовым знаменосцем!
Ах, как погнали
английскую свору,
и всех курбаши,
и прочих японцев!..

3

Ладно!
Прошедшие десять лет
дали мне разум,
отвагу дали.
Я был слабосилен,
разут,
раздет.
Теперь я крепче стали.
И это кстати, —
для мощи страны
тысячи тысяч таких нужны.

Силу мою
воспитала Партия.
Она прозорливым
сделала парию,
гордым сделала
и могучим,
как Гауризанкар,
уходящий в тучи.

Сплотив для победы
сердца и души,
руки
в пожатье братском сплетая,
Вал Искандара
в прах разрушим,
вернем свободу народам Китая.
Хваленая роскошь
Соединенных Штатов
только для избранных —
для богатых.
На месте всех этих
«монте-карл»,
где бесятся с жиру
и травятся,
для тех,
кто кровью в боях
истекал,
построим
светлые здравницы.
В борьбе за победу
рассвета над ночью,
за то, чтоб свободу
увидеть воочию,
чтоб счастьем над миром сиять —
каждый крестьянин,
каждый рабочий
готов
знаменосцем
стать.

1930

Перевод В.Липко

АЛКОГОЛЬ

Алкоголь
заодно с цепями-веригами
феодальных законов
и капитала,
заодно с чугунным ярмом религии
вступил с нами в долгий
изнуряющий брак,
вошел в наш дом,
в нашу кровь,
в привычки,
как втершийся в доверие
враг.

Алкоголь, —
когда мы, став рабами,
к вину неотступно тянемся,
когда слаб человек,
и духом и телом разбит, —
одуряет наш мозг,
как смазливая девка-жеманница,
как распутная баба,
пролезает
и в душу
и в быт.

Алкоголь —
это чванство,
принимаемое за гордость,
это
дракон семиглавый ползет.
И каждая
 ядовитая
 драконья морда

всё живое хватает
и, чавкая, жрет.

Алкоголь —
дурное веселье
и смех некстати,
когда пьешь и пьешь
и почти не хочется есть.

Алкоголь —
это температура
высокая в разврате
и низкая,
когда затронута честь.

Алкоголь —
если стройка, что высится гордо,
с пьяных глаз
представляется хаосом
балок, досок и камней.

Алкоголь —
это с каждой рюмкой,
бессмысленно влитой в горло,
будто падаешь в реку
и, барахтаясь,
тонешь в ней.

Алкоголь —
это кто-то глотнул
веселящего яда,
одурманил сознание и разум:
и вот —
задохнулась больница
от дыма и чада,
поезд врезался в поезд,
взорвался завод.

Алкоголь
значит или прогул,
или в цехе — пьяная дрема.
Как в тумане — станок,
всё идет кое-как.
От такого в работе
ни сноровки не жди,
ни подъема.

В результате:
продукция низкого качества —
брак.

Слушай, общество!
Финиш пятилетки близок.
В двери стучится
завершающий год.
Убери с дороги алкоголизм.
Дружба с ним
к добру не ведет.
Для наших темпов
водка — преграда.

Мы преграды
разрушаем и сносим.
Слушай, общество,
обязательно надо
сократить
проклятые
пятью восемь.

Партия призывает:
«Строй, учись!»
К этому призыву
сердцами тянемся.
Мы за партию!
Мы за жизнь!
Нам

не нужны
пьяницы!

1930

Перевод В.Липко

ХЛЕБ

Эй, вы, жулики,
 обвешивающие нас на весах,
визжащие, как собака
 с ведром на хвосте,
вы, ишаны и муллы,
 выклянчивавшие капсан,
что дехкане платили вам
 в своей простоте!
Из дрянных рогаток
 вы горе-стрелки!
Знайте:
 кончились ваши
 даровые корма,
и любезные вам
 пауки-кулаки
ни зерна не получают
 в свои закрома.
Не страшны провокации ваши
 для нас!
Так закройте же
 ваши поганные рты!
Смотрит ненависть черная
 из ваших глаз
на поля
 неслыханной широты.
Опирается мягко горизонт на поля,

на тяжелых,
 весомых
 колосьев край.
Словно шкура тигра,
 отливает земля.
Хлеб —
как неба к земле
 золотой припай.
Словно ласточка,
 крылья широко распластав,
никуда не сворачивая,
 прямиком
Ветерок пролетает
 над разливами нив,
над колхозным током,
 над зерна островком.
Он, как сторож, осматривает
 колхозный хлеб.
Наше время суровое,
 враги вокруг.
Если ты не глух,
 если ты не слеп,
будь суров и решителен,
 не дремли, мой друг!
Как на шее девушки
 бус прекрасных цепь,
по пескам горячим
 караван бредет, —
это в край мой хлопковый
 через жаркую степь
груженных верблюдов
 брат-казах ведет.

Здесь комбайн глотает
 сразу гору снопов,
силой трактора

выполняя план,
без быков рабочих,
без тяжелых цепов,
подсекая под корень
весь кулацкий хлам.

В элеваторах,
к небу растущих ввысь,
мы сложили плоды
колхозных трудов,
к изобилию
мы всей страной поднялись,
мы считаем хлеб
в миллиардах пудов.

Слово «голод»
оставим мы
лишь в листах словарей,
но покуда —
будь бдительным:
обманчива тишь!

У хирмана на страже
встань, товарищ, скорей:
пусть
ишанам и муллам
достанется шиш!

Их дела
не пойдут уж больше на лад,
не дадим им
выманивать

хаккулло и капсан!
Мы за хлеб твой боремся,
рабочий Пулат,
мы за хлеб твой боремся,
колхозник Хасан!

1931

Перевод С. Болотина

НУРМАТ И САВРИ

Нурмат и Саври в своем доме живут,
и тесно им тут,
и скучно им тут,
но жить в коллективе — зазорно для них,
хоть мало дает им труд.

Сапожник Нурмат целый день в закутке
то с шилом в руке,
то с дратвой в руке.
И, отдых забыв, от зари до зари
по дому хлопочет Саври.

Не хочет кустарь-одиночка Нурмат
вступить как собрат
в рабочий отряд,
не хочет вмешаться в большие дела,
хоть сам своей жизни не рад.

Саври, пробудившись в каморке от сна,
немыта, грязна,
суется одна —
она постирать, приготовить обед,
убрать за коровой должна.

Ребенок в своей колыбельке кричит,
похлебка кипит,
корова мычит,
и волосы дыбом встают у Саври —
она точно ведьма на вид!

Едва она примус свой старый зажгла —
 застряла игла,
 и в комнате мгла,
и мечется снова по дому Саври,
на мир и на жизнь свою зла.

С досады Саври закурила чилим,
 и стелется дым
 по стенам сырым...
Что ж делать теперь ей? Кури не кури —
тоску не разгонишь, Саври!

А ночью воротится пьяный Нурмат,
 и стекла звенят,
 и слышится мат —
с веревки в испуге сорвется телок,
ломая гнилой палисад.

И муж избивает веревкой Саври:
 «Эй, черт подери,
 молчи, не ори!»
Неграмотны оба — ведь им, беднякам,
не снились во сне буквари!

Однажды вбежал он и крикнул: «Жена!
 Послушай, жена,
 плясать ты должна!
Здесь фабрика обуви будет теперь,
сегодня открылась она.

На фабрику эту с тобой мы пойдем
 и будем вдвоем
 сидеть за станком.
Довольно ютиться по жалким углам!
Бросай и кастрюли и хлам!

На фабрике много машин и станков —
лишь скажут нам: „Шов!“, —
а шов уж готов!
Не нужно глаза или руки трудить —
в машину вставляется нить!»

Неделя прошла, и уж в цехе Нурмат,
работать он рад
две смены подряд.
Из первой получки Нурмат, говорят,
жене покупает наряд!

В их доме приветливо, чисто, светло,
сверкает стекло,
и сердцу тепло,
и грамоте стала учиться Саври...
Хорошее время пришло!

«Шермат будет школьником в этом году,
Дильбар же в саду, —
я сам отведу!
Так, — молвил за ужином как-то Нурмат, —
приучим детей мы к труду!»

Теперь они дружны: забот у них нет,
в столовой — буфет,
готовый обед...
Нурмат и Саври уже не кустари,
теперь отдохнула Саври.

Заботы, заботы, сбивавшие с ног, —
кумган, котелок,
корова, телок.
Очаг не горит, а Саври перед ним
не курит свой дымный чилим.

И в жизни их словно развеялся дым:
Нурмат стал другим —
совсем молодым.
По праздникам он уж не бьет фонари,
не пьет, не ругает Саври.

На фабрике мастером стал он, да, да!
Ударник труда,
он первый всегда.
И в соревнованье он всех победил —
Саври своим мужем горда.

С работы веселый приходит Нурмат:
«Идут ли на лад
дела у ребят?»
Дильбар научилась уже лопотать,
и в школе отличник Шермат.

Нам в новую жизнь открывается дверь —
всё краше теперь,
всё наше теперь —
и радость, и смех, и сиянье зари,
всё наше сегодня, Саври!

1931

Перевод Т. Сикорской

УЗБЕКИСТАН

Видел я
бескрайние пустыни.
Видел я
волнение морей,
град весенний,

что в полете стынет,
и самум,
летающий всех быстрее.
Видел извержение вулкана,
и тайфун,
и взрыв грозы в горах,
я узнал сиротство
очень рано,
ночи одиночества
и страх.
Пережил
жестокостей немало,
окруженный вражеским кольцом,
стрелами исколотый,
бывало,
я встречал врага к лицу лицом.
Я дышал
орлиной полной грудью,
брал за перевалом перевал.
По пустыне знойной,
по безлюдью,
по горам горбатым
кочевал.
В старой тибетейке
и в чарыках
я проделал многоверстный путь,
чтоб в далеких реках
и арыках
посвежее воду зачерпнуть.

С палкой из тяжелого иргая,
с гордым сердцем
и пустым мешком,
по ущельям и горам шагая,
сколько стран я обошел пешком!

В раннем детстве
я играл
с котенком,
перепелок
бил
из озорства.
А позднее
кровь запела звонко,
от любви
кружилась голова.
Мне казалось:
и земля и небо —
всё
огнем мечты озарено.
Жизнью
и последним ломтем хлеба
я бы с милой поделился,
но
когти злобно разрывали тело
только что родившейся любви —
догорело
всё, что пламенело
и кипело
в молодой крови...
Охранял я по ночам
ворота,
в кузнице,
где горны горячи,
я работал
до седьмого пота,
я менял профессии без счета,
доводилось даже быть лунгчи.
На базаре продавал фисташки,
не давала мне судьба поблажки...
Но пришел я
к сути сокровенной

избранного мною ремесла.
И нашел я
место во Вселенной,
где весна навеки расцвела,
где закон
построен человечно,
где звучит
светло и безупречно
песни полнозвучная струна, —
это наша юная страна.

Родина
добра и дружбы стойкой,
разгромив жестокого врага,
занята
неутомимой стройкой,
ей покорны
степи и тайга.
Ей покорны
топи и снега.

Крепость
нашей всенародной веры
мы от всех изменников спасли.
Нашей силе нет числа и меры.
Мы сильнее
всех стихий земли.
Прошлого прогнившие основы
рушатся, шатаются, скрипят.
Видя мир
просторный,
светлый,
новый,
рыцари долла**a**ра плохо спят.
Глухо закипающим вулканом
гнев народов зреет изнутри.

Не удастся
лицемерным странам
заслонить
растущий свет зари.
Рабство,
одинокчество,
сиротство
мы уже забыли навсегда.
От бывшего мрака
и уродства
в сердце не осталось и следа.
Коммунизма светит нам звезда.

На горах,
в пустыне
и на море —
мы на вахте,
мы стоим в дозоре,
к Родине
живой любви полны.
В остром шлеме
вместо тюбетейки,
в шахте,
на далеком перешейке,
на несчетных рубежах страны
по ночам не спят ее сыны.
Каждое дыхание наше слито
в трепетное облако одно,
чувство с чувством
сплетено и свито
и вовек не может быть разбито,
сломано
или осквернено.

Я певец трудящегося люда,
сын великой солнечной страны.

В гордой книге
о советском чуде
строчки три и мной сочинены.
Цвет надежды для всего Востока,
для десятка подневольных стран,
расцвела и поднялась высоко
Родина моя —
Узбекистан.

1932

Перевод Л.Длигача

ТАШКЕНТ («Ташкент построен в лучшей части света...»)

Ташкент построен в лучшей части света,
он весь — в просторной синей чаше гор,
и в знойное сорокадневье лета
здесь ветром оmyвается простор.

Горюет солнце над чужой землею
и радуется, восходя у нас,
льет кроткие лучи живой рекою,
идет... помедлить хочет хоть на час.

Как свежи и как звонки реки наши —
Чирчик, Ахангаран, Анхор, Салар!
Долина блещет бекасама краше —
Ташкента моего душевный дар.

Как драгоценный яхонт, персик рдеет —
ждет, полускрыт серебряной листвою.
Свой праздник осень праздновать умеет
здесь, где поставлен город древний твой.

Ташкент — алмаз бесценный в перстне мира;
здесь кровлю угнетенные найдут,
здесь люди Азии, чье сердце сирот,
свой свет, свою надежду обретут.

Тоскует солнце над землею чуждой
и отдыхает сердцем, медля здесь,
и забывает горести и нужды,
расцвет наш видя — о грядущем весть.

Ташкент, ты — сердце Азии Срединной,
ты — наша жизнь, ты — будущего свет!
Ты — равноправный брат в семье единой,
и здесь национальной розни нет.

Не будь художником, не будь поэтом, —
за Родину, за жизнь, за честь ее
борись, трудись!

И будет вечным светом,
как лал, блистать достоинство твое!

1932

Перевод В Державина

ВОСПОМИНАНИЕ О КОМСОМОЛЬСКИХ ГОДАХ

Вот прошлых лет архив, вот юности заботы,
вот вечной гордости моей билет —
«четыре тысячи пятьсот двадцатый». Вот он,
заветный спутник ярких юных лет.

С билетом этим я ходил на баррикады,
начало жизни отразилось в нем,

той жизни, что, в боях ломая все преграды,
влюбившись в правду, шла прямым путем.

В нас мощь была сильнее, чем в грозном

аммонале,
в нас видело себя светило дня,
живые молнии у нас в глазах блистали,
огонь брал жар от нашего огня.

Кто скажет, что вот здесь, в строительство

гигантов

рук наших сила не влилась?
Желанья юности, горенье сердца, верность
и посейчас сопровождают нас.

Пусть волосы мои не станут гуще,
пусть по-отцовски борода седа,
ты, факел дней былых, и этих, и грядущих,
ты, комячейка, в памяти всегда.

Нет, молодость моя еще не отшумела.
Вот в молодых рядах идет, поет она.
Нам, шедшим в гордый бой за ленинское дело,
зарей рожденным, — молодость верна.

Она обуздывает бурные потоки,
заводы строит, в небесах парит.
Мы — первый комсомол, отважные потомки
Октябрьской славной мировой зари!

1933

Перевод В.Липко

КОНЬ

*Посвящается скакуну колхоза
«Коммунизм» Кокандского района*

По степи, края которой
с горизонтом обнялись,
мчится рыжий конь и ржаньем
оглашает ширь и высь.

Посмотри — летит, как птица,
слушай — ржанье, точно смех.
Будто хочет с ветром слиться,
будто слаще нет утех.

Слушай, слушай! Утро, солнце,
и над степью всё звучней —
ржанье серых, пегих, чалых
вольно скачущих коней.

Мчатся вихрем. Прочь с дороги!
Топот, цокот, точно гром.
Мыты, вычесаны, сыты,
отливают серебром.

Норовисты, диковаты,
не подступится чужак!
А резвее всех и краше
этот рыжий аргамак.

Если ты, расправив плечи,
в гущу боя мчишься, друг, —
слышишь во сто крат острее,
видишь на сто верст вокруг.

Если ж нет в тебе задора,

если в битве не таков,
то не смей касаться плеткой
этих бархатных боков.

Этот конь носил в сраженьях
смелого богатыря,
этот конь кидался в битву,
буйной яростью горя.

Но сейчас, когда в былое
отошла от нас война
и земля, раскрывшись, примет
не свинец, а семена,

этот гордый конь на поле
человеку верный друг,
рядом с трактором не пушку
тянет он, а мирный плуг.

1933

Перевод В. Липко

САД

Наша Родина прекрасна —
 розы, мак, полей атлас.
Голубое небо ясно,
 и сады ласкают глаз.
Наши девушки чудесной
 красотой чаруют вас,
и отвагою джигитов
 любовался я не раз.
Пред напором песни рьяным
 устоять могу ли я?

Алый мак росой наполнен,
как большая пиала.
Шаловливо обласкала
листья летняя чилла,
под котлами для варенья
пламя жаркое зажгла.
Над лозою виноградной
жадная жужжит пчела.
Перед виноградом рдяным
устоять могу ли я?

Если чувства пробудились
и уста к устам влечет,
если каждый палец милой
сладким кажется, как мед
если жарким поцелуям
второпях потерян счет,
если ветви, зеленея,
в вышине раскинут свод,
перед яблоком румяным
устоять могу ли я?

Всю живую прелесть сада
отражает твой зрачок.
Ты сама подобна саду:
губы — свежий лепесток.
С нежным персиком сравню я
золотой румянец щек,
очи схожи с виноградом,
стан походит на цветок.
Перед розой и тюльпаном
устоять могу ли я?

Сладко слышать смех веселый
и румяный видеть лик,

нашей Родиной взлелеян
 славных девушек цветник.
Я сказал бы: дружба с ними —
 освежающий родник.
Счастлив, кто к нему устами
 благодарными приник.
Перед юным гулистаном
 устоять могу ли я?

Солнце гроздя винограда
 золотило поутру.
Он у девушек похитил
 красок нежную игру.
Шувиргона сок багряный
 разрывает кожуру.
Виноградом спелым жажду
 утолить легко в жару.
Перед этим соком пьяным
 устоять могу ли я?

И с восторгом на рассвете
 я пойду в душистый сад.
Он горячим залит солнцем,
 урожаем он богат,
сердце дрогнет, затрепещет,
 как вздыбившийся Гырат.
Садовод неутомимый,
 будь благословен стократ!
Перед садом сияющим
 устоять могу ли я?

Этот сад, возвращенный нами,
 источает сладкий мед.
Здесь больной, вкусив шербета,
 исцеление найдет.
В час, когда мы отдыхаем,

утирая жаркий пот,
всем из полного кувшина
наливает садовод.
Перед дружеским стаканом
устоять могу ли я?

Над тобой шатер зеленый
шелестит сквозной листвой.
Всё твоё в саду —
румяный спелый плод и цвет живой,
Жизнь трудящихся подобна
полной чаше круговой.
Щедрой мерой воздается
им за подвиг трудовой.
Перед счастьем долгожданным
устоять могу ли я?

1934

Перевод В. Потаповой

НЕ МАРСИЯ

Друзья,
звучит не марсия,
не скорбный плач звучит,
то песня павшего в боях
среди парижских плит.

Пусть
не допета до конца
и в горле клетот стих, —
песнь коммунара, песнь бойца,
вошла в сердца других,

таких же
праведных борцов
одной земной судьбы.
Повел их Марсельезы зов
дорогами борьбы.

Вчера
газету он читал,
слова, как звенья бус,
слились в глазах, и — темнота.
Ушел от нас Барбюс...

Я знал легенды.
Люд простой
когда-то их сложил.
Казненный палачом герой
вставал и снова жил.

Он поднимался
не один —
сильнее всех смертей
вставало много рядом с ним
друзей-богатырей.

Не верю смерти.
Сгинь живей!
Подальше, смерть, держись!
Здесь точка жизни. А за ней
опять начнется жизнь!

Я слышу,
ветры говорят
нам о начале бурь.
И троны в щепки полетят
от наших метких пуль.

Былых эпох ненужный хлам
горит, как мошкара.
А пламя выше к небесам
восходит от костра.

Не верю смерти.
Всё светлей
чарующая высь.
Здесь точка жизни. А за ней
неугасима жизнь!

Склонив знамена в горький час,
молчим у гроба мы,
еще теснее становясь
вдоль траурной каймы.

Ты —
Революции солдат,
не гаснет жизнь твоя.
Сердца стучат,
сердца стучат,
Звучит не марсия!

1935

Перевод Р. Фархади

УЗБЕК-НАМЕ

(Пролог)

Твое подножье — громады гор,
замыслы гениев давних лет.
Чтобы в образ мне твой вместить простор,
красок у нас на палитре нет.

Как смысл глубочайший борьбы твоей
в скупых стихах уложу?
От земли к зениту, от солнца к земле —
твой путь...
Как о нем расскажу?

Быть может,
усилья Истории всей
мощи равны твоей.
Рулевой великого корабля,
громадного, как земля...
Партия Ленина,
чтобы тебе
достойную славу воздать,
я древний узел
былых наших бед
в поэме хочу развязать.
О том, что предками
пройден **о**,
что пережито давно.
О том, что как будто ушло
навсегда,
но не ушло от суда,
ибо, свободу и жизнь возлюбя,
мы познали самих себя.
Прекрасна моя родная земля,
плоды дарящая нам.
В арыках, желтая, словно мед,
течет вода по садам.

* * *

Как по весне над садами
наши гремят соловьи!
Прыгают — с камня на камень —
звонкие наши ручьи.

Если упорно трудиться,
вставши в предутренней мгле,
что ни посеешь — родится
на благодатной земле.

Скажешь: «Эдем расцветает —
плата за наши труды...»
Что же душа вспоминает
прошрое, бурю беды?

* * *

В берег бьет пунцовой гривой
сырдарьинская вода.
«Если девушка красива,
помни: ждет ее беда».

Так вот жертвой хищных
стала красота земли моей.
Рать за ратью наступала
всё жаднее и лютей.

Что цвело, что было юно,
всё растоптано, в крови,
от Сейхуна до Джейхуна
и долин Кашкадарьи.

Древний пращур насмерть бьется,
изнемог от тяжких ран.

И струей багряной льется
непокорный Зеравшан.

Что ты видишь в темных безднах
давних, смолкнувших веков?
Кости, ржу мечей железных,
гниль, обломки черепов.

Там, где серые барханы
сонно льются по степям,
шли захватчики хаканы,
море бедствий гнали к нам.

То не кровь ли отражалась
на вечерних облаках?
Ночь глухая не кончалась
в прошлых, проклятых веках.

Средь пустынь лежат руины
наших древних городов,
Глыбы пыльных плит старинных —
как надгробия веков...

Слышишь: там, из-за туманов
Туркестанского хребта,
низкий грохот барабанов,—
то Чингисова орда.

И над прахом страшных боен,
златом череп оковав,
Темучин — свирепый воин —
пил, вино и кровь смешав.

Все нас грабить были рады —
гунны, Чин, Юнан, Иран.
Шел на нас, не знал пощады,

Зулькарнайн,
от крови пьян.

Как дракон, объемля дали,
он дошел до Сырдарьи,
но отпор жестокий дали
и ему отцы твои.

Лишь развалины остались...
За грозой неся грозу,
здесь Иран, Туран сражались,
Афрасьяб, Рустам, Барзу.

И царю Бахраму Гуру
не промолвим мы похвал,
если с предков наших шкуру
он последнюю содрал.

Оттого и мятежами
повесть прошлого полна...
Помнит время:
встал над нами
вождь отважный — Муканна.

И в Багдаде сам наместник
пред восставшими дрожал,
ради воли, ради мести
цепь народ мой разорвал.

Муканна погиб,
пропало
всё, что мы спасли тогда.
И во мгле ночной
вставала
вражья злобная звезда.

Словно море, необъятна
 бездна темная судьбы!
На сто лет вернись обратно
 к страшным годам
 Кутейбы.

Тот — залитый кровью витязь —
 молвил, меч подняв кривой
«Покоритесь! Изогнитесь,
 словно месяц молодой!

Поклонитесь Мухаммаду!
 И за то святой Эдем
вам откроется в награду,
 а иначе — гибель всем!»...

* * *

Кутейба
 хоть по-тюркски и звался
 «Верблюжым седлом»,
но свободный народ
 непривычен ходить
 под ярмом.

Враг разрушил Байкенд,
 Самарканд, Бухару, Фергану.
Кровью залил, разграбил
 прекрасную нашу страну.

Он за каждую голову
 по сто дирхемов платил,
чтоб сердца утратить,
 из голов пирамиды сложил.

И в тенистых садовых аллеях
он, вместо плодов,
на могучих деревьях повесил
детей, стариков.

Чтобы золото прятать —
добычу кровавой руки —
шить велел он —
из человеческой кожи мешки.

Гибла древняя наша культура...
Рушилось всё.
Гибли сотни Сина
и тысячи Зебинисо.

И опять снаряжали враги
за походом поход.
И не выдержал натиска
вольнолюбивый народ.

Погибали защитники...
Таял оплот наших сил.
Говорят, Кутейбу приближенный
однажды спросил:

«Что ты скажешь,
когда твой черед подойдет умирать?»
— «Я три слова скажу:
„Убивать! Убивать! Убивать!“»

Кровь и ужас принес этот зверь
нашим мирным полям.
...Так вот волей-неволею
приняли предки ислам.

Только скоро с посулов его
 позолота сошла
и на души железная, тяжкая цепь
 налегла.

Нам веками внушали
 смиренье, покорность и страх.
Но великой надежды зерно
 не погибло в сердцах...

1936

Перевод В Державина

ПОЭЗИЯ И МЫЛО

*Посвящается рабочим мыловаренного
завода имени Мулланура Вахитова*

Ильич, наш учитель! Как много он
 смог свершить изменений на свете!
Ученье его, словно молний клинок,
 прорезало сумрак столетий.

Он рай на земле нам построить хотел,
 отбрасывал всё, что прогнило,
и в каждом из наших сегодняшних дел,
 его животворная сила!

Но землю от грязи еще до конца
 очистить страна не успела.
Грязь прошлого многим забилась в сердца,
 у многих — нечистое тело.

В такие сердца, как рентгеновский луч,

врезается зрение поэта,
и столько вскрывается мусорных куч
в лучах беспощадного света!

Телесную грязь же мы сводим на нет
водою, и мылом, и паром.
Но здесь уже прочь отступает поэт
и место дает мыловарам.

Меж нами и вами протянута нить,
мы Родиной призваны были,
чтоб душу и тело людское отмыть
от мусора, грязи и гнили.

От грязи вы чистите тело всегда,
я — душу от пакостей старых.
Вот в этом и есть разделенье труда
поэтов и мыловаров.

Чтоб Родина благоухала, как сад,
пускай ветерок легкокрылый
несет кишлаками стихов аромат
и запах душистого мыла!

1936

Перевод С. Болотина

МАВДЖУДА

Еще в твоей памяти горечь бывшего жива:
четыре сиротки и мать, молодая вдова,
всё время в труде, но на корку хватало едва.
Тебя вековая томила нужда, Мавджуда.

Вращался весь мир наподобие веретена:
голодные дни и унылые ночи без сна.
Судьба, точно пряжа, была и скудна и темна...
Как нити, мечты обрывались всегда, Мавджуда.

Челнок по основе летел, и худая рука
соседа была, как челнок, и суха и легка.
Бывало, следишь за работой ткача-старика —
и медленно тянется дней череда, Мавджуда.

Укутана в бархат богатого казия дочь.
За жалкую плату служить ей должна день и
ночь
вдова, чтоб детей прокормить и нужду
превозмочь.
Богатых и бедных извечна вражда, Мавджуда.

Всё это — печальная повесть минувших времен.
Теперь кипарисом свободы твой путь осенен.
Заботою партии, шелком октябрьских знамен
повиты твои молодые года, Мавджуда.

Навеки здоровья лишились и сна богачи.
Светило с небес на свободных бросает лучи.
В безводной пустыне забили живые ключи.
Зажглась над тобою свободы звезда, Мавджуда.

Ты ловкой рукою приводишь в движение станки.
Задорно сверкают в глазах у тебя огоньки.
Струится, как плавные волны свободной реки,
поток твоего молодого труда, Мавджуда.

Ткачиха искусна, красива, проворна, ловка.
Подруги ее разодеты в цветные шелка.
И песня о счастье звучит, широка, глубока.
Наполнены ею сады, города, Мавджуда.

Прядешь ты надежную нить небывалой длины,
но более прочною нитью сердца скреплены.
Ты — славная дочь трудовой обновленной
страны.
Республика наша, как ты, молода, Мавджуда.

В тебе отразилась великой Отчизны краса
и солнце ее, озаряющее небеса.
На выборах дружно тебе отдадим голоса.
Недаром Отчизна тобою горда, Мавджуда.

1937

Перевод В. Потаповой

ИТОГ

Звенит родник жемчужин вдохновенья,
Со времени Гомера не иссяк.
Миллиарды слов, закованные в строки,
Утешьте, подтвердите, что не зря
Живу, огнем поэзии горя.

Как Навои — взволнованная юность,
Как мысль Бедиля — зрелости пора.
Вся жизнь — поэма. Рифмы, ритм чеканный...
Но что хитрить! Уже недалеко
Финала неизбежная строка.

Ну что же, будем подводить итоги.
О чем писал я, что я воспевал?
Что, как рассвет, мне дали освещало,
Когда, родившись в сердце, как ручьи,
Текли стихи прозрачные мои?

«Любовь к отчизне, — отвечает сердце, —
Любовь и обещанье на заре:
Быть цельным, не менять своих воззрений
И так писать, чтоб хоры звучных строк
Вливались в души. Вот и весь итог».

1939

Перевод В. Липко

ПРОВОДЫ

Ты, жизнь моя, стала ясна, как алмаз.
Ты, жизнь моя, с солнцем навек подружись.
За всё, что ты сделала в мире для нас,
тебе я до смерти признателен, жизнь.

Под славной звездой все в нашем роду
рождались. Я эту звезду и пою.
Волна революции в Пятом году
качала, как мать, колыбельку мою.

В тот день, как столетье отпраздновал дед,
а внук его в школе за азбуку сел,
разнесся на весь возмутившийся свет
сигнал революции — Ленский расстрел.

Мой дед был рожден в год, когда из Москвы
бежал Бонапарт в потрясенный Париж.
Ты, дед мой, под саваном чистой травы
давно уж в объятьях безмолвия спишь.

(Джура, ты друзей рассмешил бы легко,
сказав им: «Уж внучек за книжкой сидит,

а дедушка в люльке спеленат лежит».
Молчи, что столетье меж нами легло.)

Случайность ли это? Глупцам ли на смех
рассказ мой о том, как мы начали жить?
Но нет, не случайность, — я знаю, нас всех
борьба нанизала на счастья нить.

В году двадцать третьем родился мой стих,
и сын мой родился в просторах земли.
В сознании детищ обоих моих
года проходили, пространства цвели.

Мой стих рос с тобою в родимом краю,
теперь ты стал взрослым, мой смелый солдат.
Пусть рядом с тобою в поющем строю
и стих мой шагает, как друг твой и брат.

Случайность ли это? Глупцам ли на смех
рассказ мой о том, как мы начали жить?
Нет, нет, не случайность, — я верю, нас всех
любовь нанизала на счастья нить.

Я помню, стихи для тебя я писал,
певучие строки вязал для тебя,
сидел на плече меньший брат твой Усар
и слушал стихи, свой кушак теребя.

Спросил меня: «Скоро ли Гитлер умрет?»
— «В день лучшего праздника в нашей стране».
— «А праздник когда?» — «А когда наш народ
фашистов раздавит в священной войне».

Всегда удивляться я буду, друзья,
случайностям нашей семейной судьбы.
В тот день, когда враг хлынул в наши края,

созрел мой Джура для военной страды.

Лети же, мой сокол отважный, вперед!
Тебе восемнадцать исполнилось лет.
Тебя наша партия в битву зовет.
Тебя осеняют знамена побед.

Я в возрасте Пушкина. Враг мой, держись!
Но здесь не дуэль, здесь возмездье и суд.
В дуэли — лишь смерть. А в борьбе нашей —
жизнь.
Свободу войска наши миру несут.

Усар, успокойся, — наш праздник придет,
и Гитлер умрет, и ненастье умрет.
На битву в священный поднялся поход
великий, свободный советский народ.

Окончится счастливо начатый бой,
с народом наш мудрый отец говорит.
Будь стойким и храбрым, мой сын, — над тобой
священное знамя Отчизны горит!

1941

Перевод В. Сикорского

ЗИМА

Стужа. Сорок два градуса ниже нуля...
Только! Из хрусталя на потоках мосты.
Ветры быстры, как свет. Снег летит с высоты
и, кружась, бесконечные кроет поля.
И под вьюгой гудят великаны леса.
Это русской зимы несказанной краса!

Лед на окнах — иглистые ветви арчи.
Струны перебирает в избе паренек,
и ворчит и клокочет с борщом чугунок,
поднимается хлеб, зарумянясь в печи.

Дом что полная чаша колхозный,
родной...

Это наша зима над счастливой страной!

Сруб колодца — подсвечник оплывшей свечи.
Вот и девушки шумно бегут за водой.
Наклонись и прислушайся к жизни самой —
чу, как песен весенних играют ключи!

Как весной, здесь любовь и зимою в
крови.

Это русский январь — покровитель любви.

За окном — сорок два. Пятилетний Олег
с горки катится мимо отцовских ворот.
В шубке, в валенках, стужа его не берет.
И смеется он весело, падая в снег.

Щеки — будто заря умывала сама.

Он — сын русского! Это — родная зима!

Минус сорок два градуса... Гитлер кричит:
«Отступленья причина — мороз и зима...»
Но причина — народ, мощь руки и ума!
И Советское Информбюро говорит:

«Вот — машина войны потеряла чеку,
и зима помогала, была начеку!»

Похвальбой о «победах» во всех кабаках
и себя и лакеев своих убеждая
и в объятиях у проститутки найдя
свое счастье, поганцы в смоленских снегах
замерзают сосульками тухлой воды.

И зима беспощадно заносит следы.

Хорошо бы, кичливо топорща усы,
грабить, красть без помех, обжираться и пить,
хорошо б на ночлеге костры разводить,
мазать салом гусиным беспечно носы...

Но ведь ясно, как в зеркале ясно сейчас,
что в России зима хороша не для вас!

Полководцы у нас закаленные есть,
в свою пору у нас и зима — генерал!
До зимы вы хвалились пройти по Урал,
а теперь вы боитесь голов не унести?

Ваше завтра — могила и вечная тьма.
Вам могильщиком будет такая зима.

Пред великим походом народа всего —
добродушной улыбки библейский потоп.
Я с копытцем водицы сравнил бы его,
затерявшимся среди заброшенных троп.

Это хуже потопа, беда для врага.
А зима наша и холодна и долга!

Минус сорок два градуса... Только! Как свет,
бурекрылая армия наша быстра.

Страшен гнев ее! Сталь ее шашек остра.

Ни пощады врагу, ни спасения нет.

Впишем пламенем в книгу истории мы
дни начала победы, дни этой зимы!

1942

Перевод В Державина

ЖДУ ТЕБЯ, СЫН МОЙ

На пути караванном, в седых ковылях
верблюжонок стоит... Караван его где?
Красный отблеск зари на усталых глазах,
слезы, слезы плывут, как круги по воде.

О, как он сиротлив и похож на меня,
неподвижного в серой дорожной пыли...
Солнце! Зоркое солнце! Лучи наклони,
об ушедших на битву мне вести пошли.

От Юпитера и до песчинок морских
нерушима твоя лучезарная власть,
и среди неоглядных сокровищ твоих
и ресница не может бесследно пропасть.

Прошлым летом, когда собирали инжир
и медовые дыни лежали горой,
и сиянье плодов заполняло весь мир, —
проводили мы сына любимого в бой.

В нем созрело достоинство предков моих.
Он, как я, горделив, младших братьев собрал,
обнял каждого, встал на пороге, затих
и к родимой земле поцелуем припал.

Он вернется, мой сын, победителем к нам,
он приедет! Окончена будет война!
К его черным, как ласточки крылья, бровям
не пристанет в пути и пылинка одна.

Но отец я! По древнему праву отцов
я тоскую без вести о сыне моем.
Жду его — чуть послышится цокот подков.
Жду его — чуть поднимется пыль за холмом.

И лишь только мелькнет чей-то конь впереди,

«Вот он едет!» — беззвучно себе говорю.
Неподвижно стою на широком пути,
неотрывно на запад багровый смотрю.

Вечерами, когда мы за пловом сидим,
многолюдная вся соберется семья,
только место твое остается пустым,
остается нетронутой доля твоя.

И бывает, усталая мать невзначай
по привычке протянет тебе пиалу, —
отвернусь я к стене. И остынет мой чай.
Мать уйдет и тихонько заплачет в углу.

Может, в небе твоя покатилась звезда,
может, в эту минуту далеко от нас
ты упал на снегу. И уже никогда
не откроешь веселых мальчишеских глаз...

В эту ночь, до зари не смыкая ресниц,
я Бедиля читал. И забылся в тоске.
И волшебная музыка тихих страниц
оживала, звучала в саду вдалеке.

Ветерок на заре, как дыханье твое,
пробежал по листам недочитанных книг.
и чистейшим, как ртуть, стало сердце мое,
стали мысли прозрачными, словно родник.

Взял я серп и садовые ножницы взял
и пошел по тропинке, что к саду вела.
И, увидев меня через низкий дувал,
вслед за мною невеста твоя побрела.

Пусть деревья в саду вырастают у нас,
пусть цветы распускаются, солнце лоя,

пусть слезинки, застывшие в сумраке глаз,
в ожерелье нанижет невеста твоя.

И победа придет! И когда поутру
я услышу, что едут джигиты домой,
ароматные персики все соберу,
положу их в корзину горой золотой.

И пойду босиком по намокшей траве
с неохватной корзиной янтарных плодов,
словно солнце неся на своей голове,
на дорогу — встречать долгожданных сынов?

Кушай персики, сын! Поспевали не зря,
круглобоки, румяны, покрыты пушком,
каждый персик — улыбка, и каждый — заря,
и росинки еще не просохли на нем.

К этим сочным плодам ты губами прильни,
как ребенок во сне к материнской груди,
только косточки эти смотри сохрани —
на родимой земле их опять посади.

И когда вы с подругой в саду молодом
под деревьями будете рядом сидеть,
тихо с матерью, оба седые, придем
на счастливые лица детей поглядеть.

1942

Перевод С. Сомовой

ТЫ НЕ СИРОТА

*Детям, осиротевшим в Великую
Отечественную войну*

Разве ты сирота?..

Успокойся, родной!

Словно доброе солнце,

склонясь над тобой,

материнской,

глубокой

любовью полна,

бережет твоё детство

большая страна.

Здесь ты дома,

здесь я стерегу твой покой.

Спи, кусочек души моей,

маленький мой!

День великой войны —

это выдержки день.

Если жив твой отец —

беспокойная тень

пусть не тронет его

среди грозы и огня.

Пусть он знает:

растет его сын

у меня!

Если умер отец твой —

крепись, не горюй.

Спи, мой мальчик,

ягненок мой белый,

усни.

Я — отец!

Я, что хочешь, тебе подарю,

станут счастьем

моим

все заботы мои.

...Что такое сиротство,
спроси у меня.
Малышом пятилетним
в десятом году
грел я руки свои у чужого
огня,
полуголый
таскал по дорогам
нужду.
О, как горек
сухой подаяния хлеб!
О, как жестки
ступени
чужого крыльца!
Я, приюта искавши,
от горя ослеп,
и никто
моего не погладил лица...
Испытал я,
что значит
расти сиротой.
Разве ты сирота?
Спи спокойно, родной...
Пока старый охотник —
кочующий сон —
на меня не накинул
волшебную сеть,
гордой радости —
чувства отцовского полн,
буду я
над кроваткой твоею сидеть,
над головкою
русой твоей, дорогой,
и смотреть на тебя,
и беречь твой покой...
...Почему задрожал ты?

Откуда испуг?
Может, горе Одессы
нахлынуло вдруг
иль трагедия Керчи?
И в детском уме
пронеслись,
громоухая
в пылающей тьме,
кровожадные варвары,
те, что тебя
не доби́ли случайно,
живое губя.
Может, матери тело,
родимой твоей,
с обнаженными ранами
вместо
грудей,
и руки ее тонкой
порывистый взмах —
предо мною
в твоих беспокойных
глазах?
Я припомню
смятенные эти глаза,
когда ринусь в смертельный,
решительный
бой.
За слезу,
что по детской щеке
проползла,
за разрушенный дом,
за пожар и разбой —
отомщу я врагам
беспощадной рукой!
Этот Гитлер —
ублюдок,

он не матерью — не знавший отца,
отщепенец понурый подлой гиеной рожден,
цену детства с глазами скопца —
Этот Гитлер — как может почувствовать он?
плотоядно тупые усы шевеля, навозный коричневый жук,
захотел,
чтобы свой предназначенный круг
по желанью его изменила земля,
чтобы людям без крова
по миру блуждать,
чтобы детям без ласки людской умирать.
Но земле выносить его больше невмочь!
...Спи спокойно, мой сын.
Спи спокойно, мой сын, Скоро кончится ночь!
Скоро утро придет, в нашем доме большом!
зацветут золотые тюльпаны и опять за окном
зарниц.
В нашей книге домовой — без счета страниц.
Будет памятна книга на все времена.
Сохранит твое имя навеки она!

...Улыбаешься ты,
и улыбка светла.
Не впервые ль
за долгие-долгие дни
на лице исхудавшем
она расцвела,
как фиалка
на тающем снеге весны.
И продрогший простор
словно сразу согрет
полусонной улыбки
внезапным лучом.
Это — скоро рассвет.
Это — белый рассвет.
Это — белый рассвет
у меня за плечом!

1942

Перевод С. Сомовой

ЖЕНЩИНА

Честь для женщины нашей — святая святых.
Там, где труд с нею дружен, нужда — со двора,
Славься, женщина, мой вдохновившая стих,
славься, женщина — мать, и жена, и сестра!

Мать... И, сердце в далекое детство маня,
хлопотуньи седой возникают черты.
Ты вынашивала, ты вскормила меня,
мир явила глазам и сознанию ты.

Долго ль в юность войти?.. Первой встречи вино
черных глаз колдовство и газелей поток...

Комсомолки, не смейтесь — не так уж давно
отшумел и Гафуровой юности срок!

Мы женились — жена оказалась щедра:
осыпала детьми, как богач серебром.
И спасибо жене дорогой — детвора
превратила в шумливый скворечник мой дом.

А иной и полюбит соседскую дочь,
да крупинку сурьмы ей купить — недосуг,
смотришь — всё прозевал! И в глазах — день и
ночь
паутину плетет сожаленья паук.

Вы — созвездье счастливое жизни моей,
неразлучные спутницы: мать, и жена,
и сестра, и дочурка — всё женщина! С ней
неразрывно душа моя сопряжена.

Без метлы запустенье и мерзость в домах:
поцелуев не знавший — подобен кроту.
Жизнь без женщины милой — пирушка
впотьмах,
и вино без нее опреснеет во рту.

Я скажу откровенно, всем сердцем любя:
без тебя и поэтом не стал бы Гафур,
потеряли б окраску цветы без тебя
и остался б от музыки звуков сумбур.

Мед несладким бы стал, несоленою — соль,
мир пришел бы, лишенный тебя, к тупику.
Камню только неведомы радость и боль,
а любовь на земле — одному ишаку.

Если мы тебя спутницей не назовем,

нам природа суровый свой вынесет суд.
Если жить и трудиться не будем вдвоем,
в прах рассыплется жизни священный сосуд.

Выше гор взнесены наши головы ввысь,
и не рушит их горе, не клонит их страх.
Видишь — молнии нашего гнева зажглись
в твердо сжатых руках и в орлиных бровях.

Ливнем слез может хлынуть на землю туман,
до макушки окутавший Гауризанкар.
Но небес не обрушит немецкий таран,
солнца в яму не сбросит Адольф-янычар!

Как огонь и как мышление наше и речь,
что вошли навсегда в человеческий мир,
как преданья, в которых навеки сберечь
мир сумел имена «Александр» и «Кир», —

так и наша борьба, жертвы, подвиги, кровь,
может быть, даже наши с тобой имена —
в сердце дальних потомков зажгут к нам
любовь,
обессмертят на вечные нас времена.

Натерпелись мы горя! Но дух наш окреп.
Нас в совместном труде закалила судьба.
Славься, честно добытый насущный наш хлеб,
славься, пот, за работою стертый со лба!

Древний миф об Адаме для нас — чепуха:
труд — не божье проклятие нам за грехи,
но уж если была у Адама соха,
то и Ева шагала у ручки сохи.

Ты не только мне Евой — Зулейхой была,

ты — Мария, Марьям, мать пророка Исы.
И не ты ль подлила в мои песни тепла,
воплощенная в облике Зебинисы!

Ты — Ширин. Ты со мною в борьбе и в труде.
Ты давала мне столько дерзання и сил,
чтоб канал прорубил я в гранитной гряде,
чтоб дракона свирепого я поразил...

1942

Перевод Л. Пеньковского

ПРОЩАНИЕ

Памяти товарища Ахунбабаева

Как сорванный цветок, как соловей,
покинувший гнездо среди ветвей,

ушел от нас наш дорогой отец,
ушел любимый всей страной отец.

Не плакал раньше я, но в этот час
сдержать не может слез никто из нас.

Ох, слезы, слезы... Нет, Юлдаш-ата!
Смерть — это не последняя черта.

От пышных рощ зеленой Ферганы,
с Фархадских гор, со всех полей страны

порой весны, когда звенит ручей
и всходит солнце над землей твоей,

твое дыхание, точно ветерок,
обвеет нас, коснется наших щек.

В совете каждом мудрых стариков,
в звучанье лучших строк моих стихов,

в неповторимых трелях Халимы,
в речах, клеймящих злые силы тьмы,

в призывах зря не тратить даже миг —
услышится твой голос, твой язык.

Рабочий, кончив день свой трудовой,
преломит хлеб, как бы делясь с тобой.

Мираб, пуская воду на поля,
увидит в ней, как в зеркале, тебя.

Колхозник не забудет о тебе —
немало значил ты в его судьбе.

В сердечной памяти твой вдохновенный труд
семнадцать поколений сберегут.

На площадях, твою увидев стать,
тебе поклоны будут отдавать.

Величье, справедливость, простота —
вот качества твои, Юлдаш-ата.

Ты эти качества большевика
нам завещал на многие века.

Наш первый президент! Гордясь тобой,
узбек гордится и своей судьбой.

Для друга — смех, приветливая речь,
для недруга — разящий насмерть меч.

Орел, в боях испытанный не раз,
ты молодым орлам давал наказ:

«Зажги огонь бесстрашия в груди,
ни одного фашиста не щади!

Землей, что Ленина следы хранит,
не должен овладеть злодей-бандит.

Пусть гордо, вечно реет над страной
святое знамя партии родной».

Отец, твое желанье, твой наказ
мы исполняем каждый день и час.

Твои ученики, твои сыны,
Мы рвемся в бой, как сталь раскалены.

Клянемся честью, скоро над врагом
последний, смертоносный грянет гром.

Жизнь закипит, не будет литься кровь,
страна цветущим садом станет вновь.

Тогда, гордясь, что победили мы,
поклонимся твоей могиле мы

и скажем: «Спи спокойно, аксакал.
Мы сделаем всё так, как ты желал.

То зданье, что не смог достроить
ты, достроим, воплотив твои мечты.

И Фергана и Самарканд опять
всё краше, краше будут расцветать.

Ташкент, одевшись в мрамор и бетон,
навек счастью будет озарен.

Поэты создадут поэмы те,
что грезилась тебе в твоей мечте.

И жизнь твоя алмазом в них блеснет.
Забыть тебя не может твой народ!»

Для нас, для блага Родины своей
ты жил в заботах до скончанья дней.

Всегда твердил: «Все нации страны
должны быть вечно дружбой сплочены».

Спокойно спи, отец. Клянусь душой,
мы выполним завет священный твой.

О, боль, о, скорбь! Юлдаш-ата угас!
Такой живой, сомкнул уста, угас.

С родным отцом нас разлучила смерть,
могучего орла сразила смерть.

Сердца горюют, слезы — через край...
Прощай, орел, отец родной, прощай!

9 марта 1943

Перевод В.Липко

КЛЯТВА

Клянусь водой, насущным хлебом,
живым биением сердец,
клянусь родной землей и небом —
нам дорог Ленин, как отец.

И это чувство так высоко!
И то, что здесь я говорю,
от имени всего Востока
я вновь стократно повторяю.

И это с той поры я понял,
когда, еще ярмо влача,
как вешний гром на небосклоне,
услышал слово Ильича.

Раскрепощающее слово!
Мужаем мы. За годом
год мы строим мир — прекрасный, новый.
И ныне Ленин — весь народ.

Не потому ль такая сила
живет в созвучье этих слов,
что их писали не чернилами,
а кровь бессмертная борцов?

Мы свергли древние преграды,
щитом свой светоч осеня,
и жизнь отдать за дело правды —
нет высшей доли для меня.

1944

Перевод В Державина

МОЯ ЗОЛОТАЯ ЗЕМЛЯ

Как вернувшийся с поля победы отец,
с дорогими подарками осень пришла.
С караваном верблюдов, с напевом домбры,
с одеяньями яркими осень пришла.

После трудной дороги распахнута грудь,
паутинки в кудрях иль седин серебро...
С хитрецей добродушной глядела она
на несчитанное, на земное добро.

Если летний скворец, прорезая простор,
прямо к солнцу взлетел над моей головой,
будет осень ясна и дарами щедра,
и щедроты ее пригодятся зимой.

Если старый пастух, охраняя стада,
слышит шелесты ранних осенних дождей,
то весенней порой много новых ягнят
златорунных пройдет по просторам степей.

Станут льдинками струи сентябрьской воды,
станут капельки пота ценней жемчугов,
если полные спелой пшеницы мешки
взгромоздятся до неба к созвездью Весов.

Над равниной тягучий плывет аромат,
закипает в котлах виноградный шербет.
Кто, шербета вкусив, выпил это вино,
проживет девяносто, не менее, лет.

А в тенистых беседках сокрыты листвой
и рубины, и яхонты, и янтари.
То сокровище, тающее на губах,
прохлаждается в утреннем блеске зари.

Это прячет под листья тугой виноград

сорок пять разноцветных сладчайших сортов.
Будь здорова, моя золотая земля,
осененная тихою сенью садов!

Говорят, что за яблоко только одно
изгнан был из эдемского рая Адам.
Дорогие собратья! Спешите гурьбой
к нашим красным, как вешние зори, плодам.

Сто пятнадцать сортов разных яблок у нас,
Розмарином, ранетом корзины полны.
Наше яблоко — символ великой любви,
в нем, прозрачном, грядущего зерна видны.

От предместий Ташкента до горных вершин
вижу хлопковый жемчуг среди свежей листвы.
Поле, полное белого хлопка, шумит
в бликах солнца, в сиянье большой синевы.

Изумрудными пальцами держит оно
золоченые чаши с кипящим вином,
в этих чашах дарующий силы нектар.
Мы его в честь победы, друзья, разопьем!

В честь того, что хорошей осенней порой
долг свой выполнил славный узбекский народ
и с полей по широким дорогам своим
караваны отборного хлопка ведет.

Будь здорова, моя золотая земля,
в изобилие своих многоцветных плодов!
Будь здоров, человек, счастлив будь, человек,
славься, мудрый народ мой, во веки веков!

Перевод С. Сомовой

ВРЕМЯ

*Капитан Хамидулла Хусанов подарил
мне часы*

Мгновенье! В твоих глубочайших просторах
и розы раскрытые, и жизнь мотылька.
И могут погаснуть в течение вдоха
те тысячи звезд, что горели века.

Из красного тяжкого золота скован,
качается маятник жизни часов.
Одно колебанье его золотое
рождает созвездия новых миров.

Вот юноша смотрит возлюбленной в очи,
мгновенье дано, чтоб ответ увидеть,
а миг, когда губы к губам прикоснутся, —
всей долгой супружеской жизни печать.

Раскрыта
судьбы золоченая книга,
сверкает своей многоцветной красой.
В ней труд, и любовь, и служение людям —
величье взволнованной силы земной.

Как в капле воды отражается небо,
так мира грядущее — в наших зрачках.
Победного века огромное солнце
несем на задымленных битвой руках.

Размерно звучанье кремлевских курантов,
наполнен событиями каждый их звон:
родился герой, новый город построен,

Когда мы взметнули
над черным рейхстагом
священное знамя победы своей —
мгновенная первая вспышка салюта
воздвигла бессмертное право людей.

И если ты хочешь, чтоб в гуле столетий
гремело бы имя твое по ветрам —
не жги храм Дианы вослед Герострату,
а строй человечества солнечный храм.

...Будь щедрым, мой кравчий!

Гафуру,
глоток многолетнего жизни вина...
Мгновенье огромно и неповторимо.
Живу я, и жизнь моя солнцем полна!

Перевод С. Сомовой

БОЛЬШОЙ ПРАЗДНИК КАЗАХСКОГО НАРОДА

Казахи, доблестный народ, вам шлет привет
узбекский брат,
над нами в веянье утра знамена алые горят.

В одну мы спаяны семью, одно дыханье нам
дано,
у нас теперь один котел, и пламя над котлом —
одно.

Джанляу разделяет нас, как скатерть в
праздничных цветах...
«Узбек-ака — мой кровный брат», — от сердца
говорит казах.

И расцветает на глазах, прекрасна, радости
полна,
как девушка в кругу подруг, казахов вольная
страна.

Благословляю твой расцвет, твой ум живой
благословен,
и озаряющий века народный той благословен...

Наполнен светом небосвод, и пламенеют
небеса,
и песни новые поют людей счастливых голоса.

Одни лишь старики порой о прошлом заведут
рассказ,
как жили мы в неволе злой, как богачи терзали
нас.

Но Ленин нас освободил и, дружных, нас повел

туда,
где озарила небосвод пятиконечная звезда.

И этот ровный, теплый свет смог растопить
седые льды, —
я слышу в голосе Куляш дыхание Амангельды.

Джамбул поет под звон домбры, и над горами
песнь летит, —
о русском брате эта песнь, она его благодарит.

У нас история одна, мы кровным связаны
родством,
и если древние тома мы перелистывать начнем,

о Казахстан, увидим мы, что наши судьбы
сплетены,
как эти книжные листы, граничат наши две
страны.

Но, возвещая новый день, для нас в один и тот
же час
звезда восхода в вышине огнем пурпуровым
зажглась.

В алтайских шапочках своих, слегка их сдвинув
набекрень,
прекрасны девушки твои, как Алатау в майский
день,

миндалевидные глаза полны ума и доброты,
румяны щеки и свежи, как яблоки Алма-Аты.

Я слышал их счастливый смех, — он словно
пенье родника.
Как сестры, мне они близки. Да будет жизнь у

них легка!

Вчера пустыня здесь была, об этом нам забыть
пора.

Земля сокровища таит, она богата и щедра.

Здесь золото, а там свинец, в огнях горит
Караганда.

Где мертвый шелестел песок, теперь сады и
города.

Как драгоценности в ларце, здесь в глубине
лежит металл,
как будто Менделеев здесь свою таблицу
открывал.

Светлее солнца самого казахский трудовой
народ,
стране дал миллиарды тонн пшеницы золотой
народ.

И в дни войны своих сынов благословил на бой
народ,
и, верный слову своему, победу празднует
народ.

О Казахстан, пускай всегда твои лазурны будут
дни.

Будь верен в дружбе, мудр и прост, святой
обычай сохрани!

Сегодня всенародный той, и праздник окрылил
меня, —

карабаира я взнуздал, неутомимого коня.

С Сабитом состязаться я хочу приехать на

айтыс,
там все акыны и певцы республик наших
собрались.

О нашей дружбе я спою, ее лучами я согрет,
казахским братьям в этот день Узбекистан
прислал привет!

1945

Перевод Т. Стрешневой

РАЗУМ И ПЕРО

Перо, пустой чуждайся фразы,
не отставай и не спеши!
Ты подчиняешься приказам
народа доблестной души.

Гераклу, связанному в яме,
подобен разум в путях тьмы.
Принес нам Ленин ясный самый
свет, озаряющий умы.

Ты наделен чудесной властью,
поэт, петь вольным языком.
Воспой же нам дорогу к счастью
и мудрый ленинский закон.

Когда с народом связь ослабла,
забудь о песнях и молчи.
Ищи в цветах полей и яблонь
от вдохновения ключи!

Не торопись, перо стальное, —

ты у народа в толмачах.
Я вижу небо над страной —
в горячих ленинских лучах.

Когда от жизни изобильной,
друзья, я смертью буду взят,
пусть над холмом моим могильным
перо, как знамя, водрузят.

1945

Перевод В. Луговского

НЕ ЗАБЫТЬ НИКОГДА

Поры грозовой не забыть никогда,
пылающий бой
не забыть никогда.

Друзей, чьи сердца закалила война, —
всех призванных в строй
не забыть никогда.

Глаза, словно уголь, в котором сверкнул
огонь золотой,
не забыть никогда.

Победу добудем! Но наших друзей,
что спят под землей,
не забыть никогда.

«Им вечная слава! Да здравствует жизнь!» —
наш клич боевой
не забыть никогда.

1946

Перевод Н. Ушакова

СНЕГ ИДЕТ

Бесшумно падает снежок —
гусиный пух летит кружась.
Природы зимний сон глубок,
снег на твои ресницы лег,
вдохнешь — и он слетит тотчас.

Ручей оделся звонким льдом...
Слегка прищурясь, смотришь ты:
светло и празднично кругом,
гонимы легким ветерком,
летят снежинки с высоты.

Белы сады, земля бела.
Забудь, что здесь луга цвели,
снежинки вьются без числа,
как будто снежная игла
снует вблизи, снует вдали.

Кидают наземь облака
жемчужинок летучий рой.
Оделись ветки лозняка
прозрачной, хрупкою корой.

Как через сито снег частит,
и каждый кустик, каждый склон
сверкает, искрится, горит,
мерлушкой белой опушен.

Иль это девушка, шая,
письмо возлюбленного рвет?

Нет, это первый снег идет,
сердца народу веселя.

И капель масла в молоке
желтеет солнца круглый глаз.
С летящей мглой земля слилась,
огранки правильной алмаз
дрожит и тает на руке.

Окно закрыли звезды мне,
их много,
им потерян счет...
Весь мир в серебряном огне.
Пишу стихи я.
Снег идет.

1946

Перевод Т. Стрешневой

**ТАШКЕНТ («Заря на темный небосвод живую
краску льет...»)**

(12 ноября, 6 часов утра, 1946 г.)

Заря на темный небосвод живую краску льет,
Венера, ясная звезда, светлеет поутру.
И воробьиныш на стрехе готовится в полет,
и в ранних хлопотах снует старуха по двору,
и ото льда вода в арыке синяя с утра,
и побелели кудри трав от инея с утра.

Суворовцев высокий дом с асфальта подобрал
свою разостланную тень, и вновь светла панель.
И фанфарист: «Подъем! Подъем!» — надувшись,

заиграл,
и Саша щеткой что есть сил шерстит свою
шинель.
В весенней утренней заре такая бодрость есть.
И в маленькой его груди кутузовская гордость
есть.

Лишь час назад начав свой путь на площади
Ходры,
трамвай прогрохотал перед крыльцом у нас.
И круглый месяц, чтоб заснуть тихонько до
поры,
с трибуны неба, побледнев, скатился и угас.
С «Текстиля» слышен бас гудка — настал
работы срок.
И шум Бозсу издалека доносит ветерок.

Как длинный черный караван меж солнечных
лучей,
плывет мазутный жирный дым, а хлебокомбинат
всю ночь без устали шумел, и от его печей
струится сытости, тепла и счастья аромат.
Угля трещат в печи торцы, уж хлебы подошли
В райпищеторге продавцы прилавки подмели.

Окутавший аэродром серебряный туман,
рыча, пропеллеры секут и режут на куски.
И самолетов косяки плывут из дальних стран.
Над изобильною землей пути их высоки.
«Снесите, соколы, от нас друзьям большой
салам.
Москва? Кавказ? В счастливый путь летите,
братья, к нам!»

Машины, раздвигая лбом сияющий рассвет,
гудят на весь Узбекистан, друг друга обходя;

и хлопок, бел, как горный снег, как яблоневый
цвет,
плывет меж стен, на облака немного походя.
Для сбора хлопка горожан на помощь ждет
кишлак.
Их провожают до полей Салар и Куркилдак.

Показывают три часа вокзальные часы,
с московской точностью состав доставил
паровоз.
И путники спешат узлы поставить на весы.
С прибытием, друзья! Экспресс вас хорошо
довез?
Широкогрудый город мой, встречай своих
гостей!
Дорожную усталость их водою смой скорей!

Напротив дома моего — специалистов дом.
За этим вот большим окном живет мой друг
Попов.
Минула ночь, а лампы свет не гас в проеме том.
Работе преданный, Попов ей жизнь отдать
готов.
Заря сквозь музыку в окно wpłyвает, заалев,
сегодня за ночь музыкант из нот соткал напев.

Почти по-заячьи пуглив у акушерки сон.
Дремоту робкую у ней забота гонит с век.
Раздался вдруг младенца крик, — о, как
прекрасен он!
Сегодня в ночь на белый свет родился человек.
С утра над городом плывет как бы далекий
гром,
и в общий хор свой голосок принес родильный
дом.

На улице поднялся шум. В чем дело? У Олмас, смеясь, чернила пролила шалуня Хадича; бегут учиться школяры, уже девятый час. Я и не спал еще, а ночь дотлела, как свеча. Дневное солнце поднялось на высоту копыя. И начинается пир труда рабочая семья.

Как поцелуя одного не хватит на всю жизнь,
так этот стих, что поцелуй, и сладостен и мал.
Но утра моего заря позолотила высь,
еще день жизни впереди, он только что настал.
Его сокровища трудом себе добуду я.
Писать стихи, писать стихи до ночи буду я.

Твоя заря, родной Ташкент, прекрасна для меня.
Как друг, ты примешь всё мое и мне свое
отдашь.
Теплей весны твоя зима, а ночь светлее дня.
Я не сменяю ни на что тебя, мой древний Шаш.
Узбекистана красота, веселья чаша ты.
Востока светлое окно, столица наша ты.

1946

Перевод П.Шубина

ПЕРВОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ В НОВОМ ГОДУ

Кем ты был,
 кем ты стал,
 чем богата душа твоя?
О сердце, дай полный отчет,
 ничего не тая!
Есть в крови твоей
 притязанье на первенство.

Радуга — твоя соперница.
Ты оспариваешь у нее
лучезарность,
сердце мое!
Как сияет, горит по весне
солнце в капле —
солнце во мне!
Благодатна сладость жизни!
Она
и в крупице соли
заклучена.
Ждет под снегом весну фиалка.
Спит земля, дыша тяжело,
спят снега на земле вповалку,
а ячмень, лишь станет тепло,
язычок свой вытянет,
влаги жаждая.
Всё и вся — бытие,
клеточка каждая.
Скрыта в атомах мощность вулканов злая.
В электрический волосок
тайну рек
вгоняет воля людская,
разноцветен
и одноцветный цветок.
Всюду жизнь — ее напряженье.
Сам покой — загадка движенья.
Среди размышлений,
полных радости
сокровенной,
тает ночь, —
я светлей не знавал ночей.
Излученьем действительности,
как ленте рентгена,

я пронизан весь
до мозга костей.
Триста биений сердца
до Нового года.
Жизни равно
биенье одно.
Каждый кирпич
нами созданного
мира свободы
—
это наша душа.
О мой мир,
за твое торжество
я отдам свое сердце.
Всё биенье его.
Новый год мы встречаем...
В эту ночь друзья
прилетели.
Старый год оставляет
Новому году на память
очень многое —
всё, что мы сделать успели.
Словно том недочитанный
с павлиньим пером
меж листьями.
Пирамиды, сфинксы...
Навои, Аристотель...
и
сонмы
древних песен —
не вечные образцы
достижений на нашей планете.
О дыханье современников,
ты лишь одно
способно

обновить на звезде нашей древней
тысячелетий! Воздух
О битва кровопролитная,
в которой мы
победили,—
испытанье терпения
и мужества
нашего
стана!
Знамя
каждой нашей дивизии
в силе
написать
кровью павших
тысячу новых
дастанов?
Фархадгэса огни —
как драконовых глаз
горенье,
как сверкающий водопад.
А берега Сырдарьи
—
словно том
из собрания
исторических
сочинений, —
приходи и читай
от зари и до новой зари.
Счастье истинное —
та земля, где родился ты,
где трудился
Мать, цветник, колыбель,
мастерская твоя, пот

со лба...
И могила твоя в день кончины твоей,
то, чем жил, чем
гордился, —
вот она,
мать-земля твоя...
Совесть твоя и
судьба?
На земле твоей
осуществлены
права,
составляющие гордость
каждого человека,
поднята высоко твоя голова.
Счастлив ты,
носящий
имя узбека.
Партии
спасибо!
Партия — источник света!
За нее бокал
поднимаю
этот!

1947

Перевод В.Соколова

СЕМЬСОТ ТРИДЦАТЬ ДНЕЙ

*Посвящается второй годовщине
Победы*

Нынче в пять, на рассвете,
в окно заглянула луна,

ложе ночи сполна
застелила серебряной тканью,
а собаки не лают... Кругом тишина.
Ночи,
жизни изнанка,
бытия половина вторая,
вы таким послужили подспорьем
нашим трудным и яростным дням!
А теперь
мы вдвойне
оценить вас сумели —
мы, не спавшие
тысячу триста ночей...
О, такое не снилось
и Шехерезаде!

Нынче спим по ночам.
Долгожданная наша Победа
простирает над нами
два светлых, могучих крыла,
осеняет и сны,
и творимые нами дела,
а бумага бела,
и нельзя не писать мне про это...
Тебе не в чем, земля, упрекнуть нас.
Два года прошло.
Мы ничуть не забыли
святое свое ремесло:
украшать этот мир!
И из крови, тебя запятнавшей,
вырастают тюльпаны,
и хлебом засеяно минное поле,
из недавних развалин,
белея,
встают города...

Навсегда.
Этот мир неделаим!
Убеждаемся снова и снова —
неделаим, как само это краткое слово.
Неделаим наш народ
в небывалом единстве своем,
солнца свет неделаим,
и вода в убегающих реках,
неделима отчизна
в душе человека,
неделима и песня,
которую все мы поем...
Неделаим этот воздух
и легкое это дыханье.
Только хлеб
для гостей
мы ломаем на дастархане!..

Словно свет на воде —
ожидание в нашей душе.
Но становится прошлым
медлительное сегодня,
долгожданное завтра
полновластно вступает в права,
вот уже и черешня поспела,
ей от роду — два,
мы ее посадили в том мае,
в день девятый...

И правда — два года прошло!

Сколько их впереди,
этих радостных лет созиданья!
Мы садовники мира,
но мужество в наших руках,
и история знает:

ссориться с нами — непросто.
Подоткните же полы,
рукава закатайте —
наступило великое время труда!
Наше мужество, наше единство
и наша земля —
вот на чем мы стоим,
вот где вечное наше богатство.

Нашей юной Победе — два года.
Они — как два светлых крыла,
осеняющих светом
творимые нами дела.
И бумага бела,
и нельзя не писать мне про это...

1947

Перевод А. Наумова

СОЛНЦЕ

Здоровый человек любит песню.

*(Из высказываний Ю.
Ахунбабаева)*

Эй, солнце, вместе мы встаем,
и от зари к заре
ты спутник мой. Давай дружить
на голубом дворе!

Сейчас умоюсь я, мой друг,
и выпью молока.
Пока я завтракаю, ты

не прячясь в облака.

В окошко загляни, склонись
над книжкою моей, —
в ней строки Ленина горят
светлей твоих лучей.

А после — в школу поскорей.
Там ждут уроки нас.
Через высокое окно
войдешь ты в шумный класс.

Ты на уроках нам свети.
Ты будешь с нами там,—
а это лучше, чем брести
по скучным небесам.

Звонок последний прозвенит —
и мы пойдем с тобой
играть в веселую игру,
а после — на покой.

Ты — за дома. А я — домой.
Но встреча впереди.
Ты завтра, друг мой золотой,
пораньше восходи!

1947

Перевод В. Сикорского

СЛОВО ЧЕСТИ

*(Ответ английскому лорду,
назвавшему нас племенем)*

Как велик мой народ!
О величии предков потомкам
говорят города,
что древнее седых пирамид,
полустертая надпись
на древнем хорезмском обломке
о преданиях нашей
земли говорит.

И когда в старину,
возводя минарет или насыпь,
наш мудрец логарифмом
рассчитывал прочности их,
предки черчиллей всяких,
что мнят себя высшею расой,
не умели еще сосчитать
даже пальцев своих.
И когда нашей тканью
свою наготу прикрывали
народы Востока,
то предки
сегодняшних «важных господ»,
эти все англосаксы,
не знали и не представляли,
что такое хлопчатник
и как он растет.

Но нигде, никогда
не кичились мы древнею славой,
хоть мы больше, чем те господа,
похвалиться б могли...
Братством наших республик
народ мой гордится по праву,
тем гордится, что сам он
хозяин родимой земли.

И вот эта свобода,
и дружба, и братство
не по нраву пришлись
джентльменам иным,
им не нравится мир наш
и наше богатство,
наша древность и молодость наша
не нравятся им.

Как они бы хотели
расправиться с нами,
заковать нас в оковы,
чтоб мы не поднялись опять,
и, как негра на хлопковом поле
в своей Алабаме,
им под ржанье шерифа
хотелось бы нас линчевать.
Но о чем бы врагам ни мечталось,
чего б ни хотелось,
хлопкороб не уронит кетмень,
что держать он привык.
Мы угроз не боимся,
мы заняты делом,
хоть и слышим вдали
поджигателей яростный крик.

Но не в силах их вой погасить
беговатские топки,
и колеса турбин от него
не замрут никогда.
Этот крик не заставит
сомкнуться коробочки хлопка,
всё мы видим,
всё слышим
и не прерываем труда!

Славься, наша Отчизна,
земля золотая,
в белой пене снегов,
в белой пене полей.
Славьтесь, люди труда,
мастера урожаев,
чье искусство
старинных преданий древней.

1948

Перевод Н. Гребнева

ОБЫЧАИ ВЕСНЫ

Чтоб написать стихотворенье о весне,
фиалки многих весен собирал я,
чтоб алых роз костры весной смеялись мне,
кусты колючие усердно прививал я.

К шиповнику привил ту розу я,
и вот сейчас над алыми цветами
запели два залетных соловья,
справляя свадьбу лунными ночами.

Что ж, таковы обычаи весны...
И тут меня два парня посетили.
Они, торжественны и смущены,
к себе в колхоз на свадьбу пригласили.

Две горлинки укрылись меж ветвей...
Меня чужие тайны не смущают,
не первый год под крышею моей
они гнездо заветное свивают.

Я каждой паре говорю: живи.
Благословляю каждое растение...
О Родина моя, земля любви,
весеннее мое стихотворенье!

1948

Перевод С. Сомовой

...НА УЗБЕКСКИЕ КРЫШИ

Взгляните на крыши узбекских домов!
На них семицветьем играет заря.
Знаменами маков покрыты они,
как флагами в праздничный день Октября.

И всюду на каменный пол мостовых
роняют серебряный пух тополя.
Верблюды линяют. Ягнята кричат.
Ковры клеверов расстилают поля.

Весна. И мальчишки веселой гурьбой,
как птицы, урюк облепили в саду.
Они наверху, средь ветвей, гомонят,
а я под деревьями тихо бреду.

О, как бы хотел я в охапку собрать
и сласть кок-султана, и маков настой!
Однажды прожив свое детство, навек
в душе сохранил я родство с детворой.

Мне память далекие годы хранит,
вздохнешь — и теплом наполняется грудь.
Но детства, вздыхай не вздыхай, как стрелы,
что выпустил, снова в колчан не вернуть.

Я, в молодость вечно влюбленный поэт,
не склонен к тому, чтоб о прошлом тужить,
и всё же хотел бы в советские дни еще раз
счастливое детство прожить.

1948

Перевод В. Журавлева

АЛИШЕР

Мы чествуем ныне в свободной стране
тебя, Алишер, гражданин и поэт.
Как львиное эхо, твой голос в горах
гремел, не смолкая, полтысячи лет.

Нам песни твои согревали сердца,
борьбу воспевали и славили труд.
Вскормленные грудью Отчизны, они,
как матери ласковый зов, не умрут.

Любовь с материнским впитав молоком,
узнав в ней и честь и Призвание свое,
ты песнями славил к Отчизне любовь,
к богатствам ее и красотам ее.

Страданье живому судьбой суждено, —
за счастьем — невзгода, за смехом — беда.
И были отпущены в жизни тебе
для счастья секунды, для горя — года.

Но счастьем твоим был бушующий ум,
как ливень обильный, могучий как смерч.
В лучах его света увидели мы

конец Тимуридов, их жалкую смерть.

Ты был точно лев на железной цепи,
вместилище мудрости, чести пример.
До звезд искрометных твой вздох долетал,
любовь кто посадит на цепь, Алишер?

Читаю, как в книге, гератский рассвет
по дням твоей юности, бурной, как гром,
и черную ночь Хорасанской страны
я вижу в ненастном закате твоём.

Мы творчество славим твое, Алишер,
богатое светом, как солнечный день.
У входа в светилище разума ты
свою положил золотую ступень.

Полтысячи лет отшумело. Но нам
дни жизни твоей, точно детство, близки.
А завтрашний день, будто сокол ручной,
следит за движением нашей руки.

Полтысячи лет прославляет узбек
тебя, Алишер, гражданин и поэт,
и будет от чистой души восславлять
еще и столетья и тысячи лет.

Великий учитель, провидец судеб,
отцом ты приходишь в наш праздничный дом,
газели твои наполняют сердца
любовью, и радостью, и торжеством.

Навеки в сознании сохранены
бессмертные строки — шах-бейты твои.
Они как нефрит в драгоценных серьгах,
как в рощах залиvistые соловьи.

Да, мы не из тех, кто не помнит родства,
в истории славен узбекский народ.
И если, враги, вы не верите нам —
прочтите хоть то, что писал Геродот.

Для вас — муравьиная куча Восток,
сподручнее так вам оружием бряцать.
Но правда истории бьет по рукам,
кто вздумал бы славу ее отрицать.

Исток человечества, старый Восток
был славен величием творческих сил,
соцветие гениев в небе ночном горит,
как созвездие вечных светил.

Раздвинулись шире просторы земли,
и вспыхнуло ярче сиянье зари,
когда на узбекское небо взошел
поэт Навои — как звезда Муштари.

Хотите Фархада увидеть — прошу
приехать в наш солнечный Узбекистан.
На стройках здесь каждый рабочий — Фархад,
к нам древних мечтаний пристал караван.

Тенистые здесь вам покажут сады,
и белый хлопчатник, и зреющий хлеб,
как счастья достигли Фархад и Ширин,
добром одарив Мирзачульскую степь.

Взгляни, Алишер, как мечтанья твои
достигли у нас завершенья поры:
свет тысячевольтовых ламп Ильича
светлее, чем свечи дворцов Байкары.

Взгляни, Алишер, как в боях и труде
клад дружбы великой нашел человек.
И ты не о нас ли в сказаньях мечтал,
провидел не наш ли сияющий век?

Герои в сраженьях, в искусстве, в труде,
любви бескорыстной и дружбы пример,
не мы ли живем в той чудесной стране,
которую видел в мечте Алишер?

Мы чествуем ныне единой семьей
тебя, Алишер, гражданин и поэт.
Рождая отзывное эхо в сердцах,
к нам песни твои шли полтысячи лет.

И видишь — дошли и вошли в наш дворец,
в мир дружбы народов, в наш день золотой.
Так здравствуй, наш добрый, наш солнечный век
и алое знамя над нашей страной!

1948

Перевод В. Журавлева

ЧЕРНИЛЬНИЦА

Когда-то Навои, воздав хвалу каламу,
забыл чернильницу... Но в темноте ночной,
о черноглазая, прищурившись упрямо,
ты скромным зеркальцем блистишь передо
мной.

Хочу, чтоб капелька в тебе любая стала
горящей, словно кровь отважного бойца.
Ты славу громкую моим стихам стяжала,

сама ж молчальницей осталась до конца.

В любом моем труде есть и твоя частица,
ты, помогая мне, ночами не спала.
Хоть с виду ты черна, но нечего стыдиться, —
ведь главное, чтоб мысль всегда была светла.

А в яростные дни, когда война пылала
и жгучим мщением душа была полна,
порой об извергах писать ты не желала:
«Уж не настолько, — говорила, — я черна!..»

...Стихи дописаны. Спасибо, дорогая!
Чернила кончились? Давай я подолью.
Вдвоем трудились мы. Тебя я поздравляю,
а выйдет книга — книгу подарю.

1948

Перевод С. Северцева

ЛЕТО

Проходит лето.
Тот, кто скажет: «Вот,
жаре конец» — и всё, —
мне жалок тот.
Достойно лето слов иных.
О нем
писать пристало огненным пером.

Писать о вишнях спелых, как заря.
О том, что молодость прошла не зря.
Звенит в лугах ее напев простой,
как дуновенье ветра в летний зной.

Встань на заре.

В рассветный выйди сад —
деревья, просыпаясь, шелестят.

Ты ветвь привил —

гляди, как расцвела!

В ней робко дышит розовая мгла.

Здесь соловьиной трели чистый звук
прерывистой свирелью грянет вдруг,
И ты замрешь.

И тишина кругом,
и только розы зыблются огнем.

Как золотая пуля с высоты,
шмель, прогудев, свалился на цветы.
Чилляк созрел,

его прозрачна гроздь
и косточки-зрачки видны насквозь.

Наполнен лаской каждый летний день.
Благодарим мы царственную тень
за холодок,

за лиственную дрожь,
за то, что персик
сам с восходом схож.

Блестит хлопчатник, как скопление звезд.
Масудахон проходит вдоль борозд.
Кусты к ней мягко и покорно льнут,
поклон свой благодарный отдают.

Ты погостить приехал в Маргилан —
природа накрывает дастархан:
корзины слив,

подносы миндаля

тебе несет колхозная земля.

Люблю я, наработавшись за день,
к дувалу тихо прислонить кетмень
и на кошме,

сев рядом, с кем дружу,
есть не спеша горячую гуджу.

Я тем горжусь,
что сам пшеницу жал,
зерно молот
и в печь хлеба сажал,
что землю я воспел в стихах моих, —
там слово «труд» мне ближе всех других.

.. Позор тому,
кто лето напролет
жил тунеядцем за народный счет.
Таких мы гнать немедленно должны,
лентяй нам враг —
нам трутни не нужны!

Земля богатство нам дает сполна,
но знай,
ухода ждет всегда она, —
сняв урожай,
бери кетмень опять,
чтоб вновь колосьям силу набирать.

Гляжу в окно.
Летят на глинозем
плоды джиды серебряным дождем —
роняет сад осеннюю парчу...
Дастан о лете я писать хочу!

1948

Перевод Т. Стрешневой

ДИПЛОМ

Тихую ночью, звездною ночью
мир перед взором до дна раскрыт...
Юношу вижу: строг, озабочен,
над книгами он до утра сидит.

То не резец на гранитных плитах
врезает надпись на сотни лет, —
это в мозгу, в извилинах скрытых,
врезается знания светлый след.

Страницы шуршат, и весенней ночи
всё глубже становится тишина...
Нашел наконец! Из тысячи строчек
именно эта ему нужна.

И словно в единственной строчке этой
все тайны вселенной заключены:
жгучей, слепящею вспышкой света
мысли внезапно озарены.

Тихо вокруг.
 Темнота сгустилась,
и, как невидимое крыло,
ласково будущее склонилось,
за плечи юношу обняло.

Нет, не напрасны его усилия,
такого большая дорога ждет,
близится день, и, расправив крылья,
он устремится в первый полет!..

В зачетной книжке ряды пятерок —
это ступеньки вчерашних дней.
Уже он диплом защищает скоро,
и берег будущий всё видней.

Всё впереди: и борьба с рутиной,
и неудачи, и торжество!..
С гордостью, как на достойного сына,
будет страна глядеть на него.

Светает...

Работою увлеченный,
всю ночь не сомкнул он упрямых глаз...
Вот он уже молодой ученый,
всходит на кафедру первый раз.

А сердце стучит горячо, тревожно:
отныне науке всю жизнь отдай!..
Отец постучался в дверь осторожно, входит:
«Сынок, остывает чай...»

1948

Перевод С. Северцева

БЕСЦЕРЕМОННОСТЬ

Ворвалась мне в жизнь — и всё смешала
вдруг бесцеремонная весна.
Как букет из весен — из фиалок
я букет поставил у окна.

Отвлекают розы неучтиво
от работы помыслы мои.

Принесли весенние мотивы
в сад без позволения соловьи.

Прискакавший на гнедом баире,
друг на свадьбу звал меня с утра.
Это тоже оттого, что в мире
воцарилась вешняя пора.

Что ж, когда уже спасенья нету
от вторжения весенних див,
я решил прибавить в мире цвету,
новых роз на клумбах насадив.

Старость — враг для чувств неугомонных;
всё же мне пока еще не сто!
Пара горлинок бесцеремонных
свила под окном моим гнездо...

1948

Перевод В. Сикорского

КОВЕР

Ткачихи имя на ковре найду,
читая разноцветные штрихи.
Я растопил в чернильнице звезду,
чтоб написать лучистые стихи.

Я долго жду — пусть новый день, горя,
прогонит ночи беспросветный гнет,
начало жизни — светлая заря.
Начало счастья — солнечный восход.

Раскрыл тетрадь. Вдруг там, на берегу,

зарделось небо. День сверкнул в реке.
Как луч восхода от цветка к цветку,
перо стремится от строки к строке.

Пусть будет отражен здесь, под рукой,
в безбрежности стиха весь белый свет,
смеется девушка, став над рекой.
Река, искрясь, смеется ей в ответ.

1948

Перевод В. Сикорского

ОСЕННИЕ РАБОТЫ САДОВОДА

На верхушках тополевых
в шапках старых гнезд
песню утру прочирикал
зимник здешних мест.
Листья падают — большие
лапы желтых звезд,
куры зябко под застрехой
выбрали насест.

Сто несшибленных орехов
на кривых ветвях
в вышине еще чернеют,
к радости ворон.
Бодро прыгает сорока,
позабывши страх.
Суслик выглянул из норки,
Жизнью умудрен.

По бахчам и огородам
шорох, свист и писк.

Нижней губки не касаясь
 верхнею губой,
Словно юный стихотворец
 (модный, весь изыск),
трудится над кочерыжкой
 кролик молодой.

А под толстым одеялом
 трав и камыша спит,
как труженик усталый,
 старая лоза.
На дувал облокотившись,
 мирно, чуть дыша,
дремлет вишня, как ребенок,
 приоткрыв глаза.

Говор, пенье, бормотанье —
 под любой стеной.
Это — слитный шум арыков,
 всплески ручейков,
где поет струя, сливаясь
 со струей родной:
«Здравствуй! Мы отныне вместе
 на века веков!»

Вот подносом желтой бронзы
 солнце поднялось
над верхушками могучих
 кряжистых чинар,
медленно, почти не грея,
 зная всё насквозь...
знать, до мая сберегая
 вечно юный жар.

Не спеша, как на прогулке,
 пашнею идет,

на плечо кетмень тяжелый
вскинув неспроста,
старый друг белобородый,
мудрый садовод,
стройный, словно таволжинка,
Миршакар-ата.

Сад грядущего он видит
в тысяче примет —
где гнездо лозе готовить,
где сажать урюк...
Миршакар! Тебе неужто
восемьдесят лет?
Если бы и нам такими
быть, как ты, мой друг!

И глупец лозу сумеет
изрубить в дрова,
но взрастит лозу не всякий.
Тем велик твой труд.
Под ногой растет и вянет
дикая трава,
но плоды твоих деяний
в мире не умрут.

Миршакар! Величье тайны
жизни ты постиг.
Будь счастлив и долговечен,
бодрый садовод,
Как платан тысячелетний,
мощен и велик!
Пусть под этой сенью племя
сильное цветет!

Перевод В Державина

ВОЛОСЫ

Стали мои волосы жидки и белесы,
их как будто ветер с головы унес..
А моя дочурка, пока расчешет косы,
целый вечер мучается, сердится до слез.

А порой по-модному волосы уложит
и собой любуется в зеркале тайком.
Посмотрю на это — досада сердце гложет,
словно цветничок мой испорчен сорняком.

Мне в карман расческа попала по ошибке,
я сперва не понял, подумал: как же так?..
А жена ответила, не сдержав улыбки:
«Это сын твой старший надевал пиджак».

Сын — того же роста, только чуть потоньше,
как же так он быстро успел меня догнать?
А ботинки носит уж на номер больше —
будет он по жизни широко шагать!

На детей люблюсь, счастья им желаю,
их густые волосы треплет ветерок...
Сам же перед зеркалом иногда вздыхаю:
надо мной смеется беззубый гребешок.

1948

Перевод С. Северцева

ПОЕТ ПОЛЬ РОБСОН

Дрожит небосвод, потрясенный рычанием

льва, —

Поль Робсон поет

на подмостках среди площадей.

И в песне могучей гремят огневые слова
о горьком бесправье,
об участи черных людей.

Поет свою песню сын черного негра-раба,
и в ней возникает сознание народа само,
в ней горе и ужас,
в ней вечных скитальцев судьба,
в кварталах Гарлема до смерти влачащих ярмо.

Звучат в этой песне

и страсть, и надежда, и гнев,

и весть о грядущем,

и отблески будущих лет.

Да, солнце взойдет, вековечную тьму одолев,
и в хижине дядюшки Тома настанет рассвет!

Когда, подчиняясь послушно веленью души

и знамя надежды в сознание своем водрузив,

сажусь я за стол

и перу повторяю: «Пиши!» —

грядущего солнце горит предо мной, как
призыв.

У каждой страны

свой обычай, свое естество.

И собственный строй,

до которого дела нам нет.

Кто лезет к соседу подглядывать тайны его,
тот будет ему уже враг, а не добрый сосед.

Вблизи Уолл-стрита
огромное кладбище есть.
Здесь гангстеры заперли клад золотой под
замок,
и волю народов хотят схоронить они здесь,
чтоб мир на земле никогда воцариться не мог:
теорию расы они повторяют в наш век,
чтоб ссорить народы,
но верить в их расовый бред
глупей, чем искать среди льдов Арарата
ковчег,
где будто бы плавали с Ноем
Сим, Хам и Яфет.

В колониях мучатся люди уж множество лет:
индус, и малаец, и негры —
у всех на виду.
У рабовладельцев английских к ним жалости
нет
и совести меньше,
чем влаги в горящем аду.

Суд Линча над неграми
длится столетья подряд.
Не знаю: какой негодяй его выдумать мог?
Но дым от костров,
где несчастные негры горят,
для белых мерзавцев милей, чем сигары дымок.

«Господством над миром»
и «образом жизни» своим
гордится и хвастает американский банкир.
Но это пустые мечты,
что растают как дым:
вовек не допустит господства Америки мир!
Народы внимают:

великий Поль Робсон поет!
И песня —
предвестник великих и мирных побед.
Тьму доллара солнце рассеет —
под ветром свобод
и в хижине дядюшки Тома настанет рассвет!

1949

Перевод С. Болотина

ДРУГ У ДРУГА УЧИМСЯ

Рад учитель, когда его
превзойдет ученик молодой, —
ведь наукой всегда человек
дорожил, как зрачками глаз.
Расцветает Отчизны сад
под умелой хозяйской рукой,
труд и доблесть, борьба и честь
породнили как братьев нас.
Мы счастливую жизнь обрели,
жаждет мира наша земля.
Друг у друга учимся мы,
мы друг другу — учителя.

Мастер лирики Физули
Алишера своим отцом
признавал и образ его
в своем сердце с любовью носил,
а Сеид-Азим Ширвани
вдохновенья живым родником
был для нашего Мукими,
что сатирой врага разил.
Двух народов во мгле веков

величаво сверкали умы.
Мы друг другу — учителя,
друг у друга учимся мы.

В Палванташе сегодня нефть
бьет фонтаном во весь размах —
щедрый опыт брата Баку
Палванташ родной перенял.
И пока электричества мы
не имели еще в домах,
сам хранитель сокровищ Баку
в наших лампах огонь зажигал.
Два народа, творящие свет,
сокрушители вечной тьмы,
мы друг другу — учителя,
друг у друга учимся мы.

«Хорошо!» — я скажу, если ты
силу, скрытую в мускулах рук,
всю потратишь, чтоб счастья дворец
горделиво высился наш.
«Хорошо!» — я скажу, если ты
светлый ум, откровенье наук,
всё упорство смелой мечты
беззаветно народу отдашь.
Проживи свою жизнь как герой,
озаренный созвездьем Кремля!
Друг у друга учимся мы,
мы друг другу — учителя.

Показать мастерство свое
хлопкороб янгиюльский ведет
на поля дорогих гостей —
их прислал к нам Азербайджан.
Процветающей родины мощь
укрепляет советский народ

благородным и честным трудом,
выполняя намеченный план.
Хлопок тянется к солнцу ввысь,
урожай нам обильный суля.
Друг у друга учимся мы,
мы друг другу — учителя.

1950

Перевод С. Лиходзиевского

СТАРИКИ

Расчесана ветром бород седина,
а мысли прозрачнее утренних рос.
Им надо с утра обойти кишлаки...
Невнятную песню мурлыча под нос,
тихонько полями бредут старики.

Упорных трудов отошли времена,
всей жизни давно уже снят урожай.
Пора отдохнуть перед мирным концом...
Гуляй, отдыхай и себя ублажай
досугом, что сладок, как чай с леденцом!

Отпразднован тысячный месяц вчера!
Сошлись одногодки, беседа текла
о том, как доход стал в колхозах велик,
какие еще набегают дела...
И ангел не знает, что знает старик!

В глазах старика — словно молний игра,
народную мудрость хранит тот, кто стар,
он волей силен и упорен, как слон.
В словах его — мысли сверкающий жар,

везде украшение общества он!

Сверкает жилище его, как фарфор,
повсюду мешочки, узлы, узелки —
трофеи хозяйственных славных побед:
сушеная дыня, гороха стручки
и хлопок, прославившийся на весь свет!

Земля о них память хранит до сих пор,
и помнят они, что дала им земля,
и знают, когда была дыня сладка,
когда виноградник испортила тля...
Чти, юноша, тихую речь старика!

Краса хлопкоробов он, старый узбек!
Всё помнит, всё скажет он вам наперед,
он знает, что было и что будет вновь!
Год Рыбы ли будет, Барана ли год,—
он вам объяснит, как невестке свекровь.

Как много он силы потратил за век!
Засушливый год иль дождем залитой —
старик всё равно знает цену труду,
укажет он путь, словно Кол Золотой
(Полярную так называют звезду).

Здесь тучной землею богаты края,
ласкает колени зеленый ковер,
под хлопок народ все холмы распахал.
Грохочет машин нескончаемый хор,
а поле кругом — как цветной дастархан!

Ждут дочери и богатыри-сыновья
наставников мудрых и добрых отцов,
и к ним словно в гости бредут старики,
бредут вдоль почетных зеленых ковров,

и всюду поклоны гостям глубоки.

Расчесана ветром бород седина,
идут старики уж под вечер назад
и смотрят на хлопок, цветущий кругом,
что будет хорош урожай, говорят,
и то же потом говорит агроном.

Повсюду у нас их работа видна,
расскажет о ней каждый хлопка бутон.
Здесь старости опыт и юности труд.
И с песней спускается вечер потом...
Домой старики потихоньку бредут.

1951

Перевод С. Болотина

ВЕЛИКОМУ РУССКОМУ НАРОДУ

Тебе все эти строки, брат,
мой русский брат. Коль в них
скажу, как совесть мне велит, —
как совесть будет стих.

Ты в коммунизм ведешь меня,
с тобой мой путь навек.
Живи, родной!.. С Востока я —
твой младший брат узбек.

Ты тот, кто миру изобрел
могучий самолет.
Вздымайся выше, покоряя
пределы всех высот.

Глаза открыл мне манифест
в семнадцатом году:
он букварем был для меня,
зажег мою звезду.

Учитель мудрецов Ильич
стал солнцем наших дней,
согрев и мой родной народ
огнем своих лучей.

Когда по радиоволнам
Москвы стремится весть,
я знаю, что ее словам
Восток внимает весь!

С тех пор, как залпы Октября
мир старый потрясли,
России слово — совесть всей
разбуженной земли.

Ты добр, ты истинно велик,
ты человек стократ!
О, как ты дорог мне, родной
брат русский, старший брат.

Не ошибусь, сказав о том,
что крепость мира — Русь!
Что справедливость — твой закон,
сказав, не ошибусь.

Всё в мире лучшее — в Москве,
в ней мудрость всех веков,
Библиотека Ленина —
том в миллион томов.

В ней адрес «Правды», в ней зажглась

заря для всех времен.
Рубинами Кремля весь мир,
как солнцем, озарен.

Наука русских — океан:
бескрайна, глубока,
для человечества всего
богатство на века.

Пред новым меркнет старина,
как перед сталью — медь.
Но то, что Ломоносов дал,
не может потускнеть.

Отрадno сердцу моему,
когда я по утрам
внимаю Пушкина стихам,
Радищева словам.

Как брат, я благодарно чту
твоих гигантов, Русь.
Я Менделеевым горжусь
и Репиным горжусь.

Ты, старший брат, мне подал весть,
что люди не рабы,
что я свободный человек,
творец своей судьбы.

Да, человек я! Я на тех
двуногих не похож,
что миру атомом грозят,
чей символ веры — ложь...

Тебе все эти строки, брат,
мой русский брат. Коль в них

скажу, как совесть мне велит, —
как совесть будет стих.

Седую голову подняв,
вперед бросаю взгляд:
великолепные дворцы
высотные стоят,

и величавый Волго-Дон,
колыша корабли,
соединяя пять морей,
бежит вокруг земли.

Влюбленный в ширь своей Руси
брат русский, исполин,
лелеющий, как жизнь свою,
красу родных долин, —

сияй, как солнце на заре!
И сердцем и судьбой,
трудящийся Востока, я
в одном ряду с тобой.

Ты воспитал мой ум. Теперь
пред ним бессильна тьма.
«Цвет кожи, раса» — звук пустой
для моего ума.

В мой мозг впечатались навек
прекрасные слова:
и высших нет, и низших нет —
у всех одни права.

Борясь за радость мирных дней
в снегу, в дыму, в огне,
брат русский, я в атаки шел

с тобою наравне.

Чтоб не стонала вся земля
под вражьим сапогом,
в те дни на языке меча
я говорил с врагом.

Спасибо, брат! Я был юнцом,
ты вел меня в борьбе,
я мужественным стал бойцом
благодаря тебе.

Тебе все эти строки, брат,
мой русский брат. Коль в них
скажу, как совесть мне велит,—
как совесть будет стих!

Вот мой народ. Смотри: идут,
идут за рядом ряд...
Пройдя сквозь тысячи веков,
тебя благодарят.

По Каракумам потечет
шумливая река —
подарок партии земле
на многие века.

В глазах, во взгляде глаз моих,
во всем, чем я богат,
в душе, в стремлениях души —
ты, брат мой, русский брат!

В сознание, в творческих делах,
в блистанье наших рек
по слову партии встает
священный новый век.

Тебе все эти строки, брат,
мой русский брат. Коль в них
скажу, как совесть мне велит,—
как совесть будет стих!

1952

Перевод В.Липко

КАПЛЯ МЕДА

Друг, в капле меда вся весна
отражена, как в капле мир:
так пахнет яблоня, нежна,
так пахнет сладостный инжир.

В ней сок, в ней сок наверняка
ириса, груши, миндаля...
Ей принесла издалека
все запахи весны земля.

А может — севера пчела
через сестер передает
за сотни верст, в страну тепла,
как эстафету, сладкий мед.

Ведь есть рябины горечь в нем,
смолы сосновый аромат...
Горжусь я тем, что весь мой дом
в цветах. Что сам сажал я сад.

Взяв мед в стране, где снег и льды,
быть может, Арктики герой
услышит аромат джиды,

посаженной моей рукой.

И я собрал всё для людей:
цветы, любовь и вешний звон.
И светлый мир в строке моей,
как в капле меда, отражен.

1953

Перевод В. Сикорского

ДЕТЯМ

Глаза детей — души моей светильник.
В моих ушах не молкнет детский смех.
Малыш воркует — и ветра притихли,
И громы смолкли — никаких помех!

Малыш ступает по земле неровно,
От пяток-слив смешной петляет след,
Но этим начат путь его огромный,
Его большие сто счастливых лет.

Капризы, игры, смех и слезы рядом...
О радость дома, с чем тебя сравню?
Держу ребенка — выше нет награды! —
И никогда его не уроню.

Пусть это слабость, но такая слабость,
Которая нам силы придает:
Люблю волос ребячьих кучерявость,
Над чистотою глаз — бровей полет...

Ребята, вы для нас — очей зеница,
Вся наша жизнь — защита ваших лет,

Мы — ваша крыша, дом, игра, больница,
Над вашим сном — любви бессонной след.

Пока, малыш, еще не стал ты взрослым,
Пока лепечешь первые слова,
Скачи беспечно по лужайкам росным,
Где так мягка зеленая трава.

Беспечно веселись — нам ждать не в тягость.
Но верим мы, что вырастешь — и вот
Не дрогнут плечи, ощущая тяжесть
По эстафете принятых забот.

Вы — наши корни, дети, наше завтра,
Чинары наши и карагачи.
Следим, чтоб вихрь вас не сломал внезапно,
Чтоб гром войны не загремел в ночи.

На всё глядеть отрадно нам и любо,
Мы вас всей силой помыслов людских
Храним, как тридцать два здоровых зуба,
Как чистый жемчуг из глубин морских.

И пусть порою наши дни суровы,
Мы строим мир, достойный нас во всем.
Так будьте же красивы и здоровы,
Чтоб жить красиво и достойно в нем!

1954

Перевод Р. Казаковой

ПРАЗДНИЧНОЕ ПИСЬМО

Великая славная дата,
великий суровый рассвет!..
В тот год незабвенный, ребята,
мне было четырнадцать лет.
Былое... Порою ночной
как пропасть оно предо мной.

А школа? Какая там школа!..
Без хлеба подчас, без огня.
Оборванный, чуть ли не голый...
Судьба не ласкала меня.
Да что там! В тот памятный год
был горестным весь наш народ.

Война. Боль утрат каждодневных,
разор, безнадежность, тоска.
Голодные стонут деревни,
голодные бьются войска.
Руины, пожаров огни...
Когда ж отпылают они?!

Но Ленина передовые
вступились за нашу судьбу,
за всех угнетенных впервые
на смертную вышли борьбу.
Рабочие в бой поднялись,
крестьяне стеной поднялись,

багряное подняли знамя,
и в огненный день Октября
взошла, засияла над нами
свободы святая заря.
И в пламени этой зари
пропали, сгорели цари.

Стал пылью престол самодержца,

поверженный Октябрем...
Навеки тогда мое сердце
пленил революции гром.
Доныне опять и опять
я счастлив ее воспевать.

Великая партия наша
меня повела за собой.
Всё горькое стало вчерашним,
судьба — благодатной судьбой.
За всё, что она мне дала,
хвала ей, великой, хвала!

Ребята, вы знаете, кто я:
для вас я и друг ваш и дед,
питомец советского строя,
дарящего радость и свет,
возлюбленный Родины сын,
наставник, поэт, гражданин.

Моя беспокойная доля
была не ровна, не гладка.
Я не был учащимся в школе,
не ждал с нетерпением звонка,
но я, рукава засучив,
лепил для нее кирпичи.

С другими рабочими рядом
для вас я построил ее.
И не было лучше награды
за трудное детство мое.
Для вас, дорогие друзья,
и жизнь, и работа моя.

Поэтому я вам известен,
поэтому близок я вам.

В строках моих солнечных песен
учу я вас добрым делам,
чтоб, радуясь, Родина-мать
спасибо могла вам сказать.

Поэтому ваши удачи
душе моей — нежный букет,
поэтому счастьем охвачен
ваш старый наставник-поэт.
Для вас, дорогие, для вас
все дали открыты сейчас.

Не надо дивиться, что в праздник
я вашею радостью рад.
Пусть судьбы разительно разны —
один у нас счастья парад.
И если я с вами в строю —
я лучше, я чище пою.

Пойдем в авангарде парада,
звонящие голоса,
взлетит ваша песня, ребята,
под самые небеса,
и выше, в надзвездный зенит
мечта ваша гордо взлетит.

Великому Ленину слава,
он в наших сердцах живой,
он в наших делах величавых
на линии передовой.
Кто к счастью привел свой народ —
во веки веков не умрет.

Да здравствует партия наша,
великий творец Октября!
Блистай, разгорайся всё краше,

бессмертной победы заря!

1955

Перевод В.Липко

БУМАГА

Какими словами тебя воспою,
мой друг бескорыстный, бумага простая!
Как пылкий влюбленный подругу свою,
я взглядом тебя восхищенным ласкаю.
Чиста ты, бела, как белки моих глаз,
а точка в конце, как зрачок, оживает.
Газель иль поэму пишу — всякий раз
твой шелест мне тысячи дум навевает.
Ты — поле сраженья для слов-храбрецов,
что водит в атаку поэт-полководец,
арена для игр молодых удалцов,
что выкопать могут иголкой колодец.
Хочу жемчугами опять и опять
твою серебристую грудь украшать!

1955

Перевод С. Северцева

МОЯ ОДНА СТРОКА

Как бабочки, дети мои легки,
а выйдут из них — орлы.
Их лица, как счастье мое, светлы,
как радость моя, светлы.

Закашляет если один из них —
уже я разволновался.
Исчезнет один из глаз хоть на миг —
тревожусь: не потерялся?

Ах, дети! Вы лучшие из цветов,
растущих в моем саду.
Сбежите куда — вас опять ищу,
ищу, пока не найду.

Играют... А я, отойдя в сторонку,
слежу за ними из уголка.
Дыхание моего ребенка —
самая зрелая моя строка.

1955

Перевод В.Соколова

ПОЭТ — ПОЭТУ

Памяти Самеда Вургуна

День ото дня всё ярче в небе моей страны
звезды труда и славы светятся с вышины,
всё дальше несет поклажу — историю многих
стран —
медленный, нескончаемый времени караван.
Не только жестокую повесть крови, борьбы и
слез —
он к нам голоса поэтов из древних времен
донес.
Всюду — в степях раздольных и в крепких
объятьях гор —
поэзии вольный голос слышится до сих пор.

Где сохнет любви источник — нет счастья, нет
красоты,
где смолкнут стихи и песни — нет радости, нет
мечты,
но светочи вдохновенья сильнее, чем тлен и
тьма, —
вот почему поэзия вечна, как жизнь сама!

Долго сжимал нам горло ислама тугой аркан,
ржавчиной наши души едкий покрыл обман.
Думали слуги Аллаха, что смогут в конце концов
навек упрятать в клетку смелую мысль певцов.

Но тусклой, свинцовой тучей солнца не
потушить,
заветные струны сердца угрозами не заглушить.
Упрямо, как с гор весною kloкочущие ручьи,
текли соловьев-поэтов газели и рубаи.
Бессмертны, как жизнь, остались, чтоб вечно
дружить с людьми,
торжественные поэмы премудрого Низами...
О мой по крови близкий, по духу родной поэт,
не хватит ли вспоминать нам о горестях
прежних лет?
Вечно живи в народе, звонкий певец труда,
будь как в небе славы утренняя звезда,
будь, как душа ребенка, доверчив, чист и
пытлив,
будь, как глаза героя, бесстрашен и прозорлив,
будь бескорыстно щедрым в строгом своем
труде,
и слово твое правдивое отклик найдет везде!

Враги из-за моря скалятся — стая голодных
львов,
нас запугать пытается их разъяренный рев.

Но побеждает в схватке не ярость, а правота —
ленинской мысли пламя, ленинская мечта!

Мы долго брели вслепую, пока не зажглось во
мгле
солнце алмазной правды — единственной на
земле.

С тех пор мы крутым и трудным, но самым
прямым путем
к орлиным вершинам счастья народы свои
ведем.

Победоносное знамя крепко мы держим в руках,
слава деяний наших будет сиять в веках,
и направляет силы наших умов и рук
мудрая партия Ленина — лучший наставник и
друг.

Партией ты воспитан, партией вдохновлен,
вот почему твой голос так звучен, горяч, силен.
Горной рекой гремит он, вливается в нашу
жизнь —
твой вдохновенный голос, славящий коммунизм.

В сердце перебирая лучших друзей моих,
с гордостью имя Вургуня я назову среди них —
с ним я в одну эпоху боролся, любил, творил,
с ним я до поздней ночи о будущем говорил.

1956

Перевод С. Северцева

МОЯ ПАРТИЯ

На рассвете постучало
счастье в нашу дверь.

И народ мой сон и дрему
отряхнул от вежд
и сказал себе: «Чем был ты,
вспомни и проверь!»
Дверь для гостя отворил он
с тысячей надежд.
Чтоб высоко наша слава
к солнцу поднялась,
чтоб мучениям извечным
положить конец,
чтоб навек исчезла хана
и хакана власть,
гнев святой мы раскалили
в глубине сердец.

.. Очаги готовы были
ярко запылать,
подметенные с рассвета,
политы дворы,
ждали знака мы, чтоб знамя
красное поднять
в час великой, долгожданной
радостной поры.

Долго той зари желанной
Азия ждала,
был на бой за жизнь и счастье
каждый вдохновен...
В землю прежде наша слава
втоптана была,
небылью мы были в мире
под ярмом времен.

Руки нам вязали четки,
шариат, Коран.
До крови нас бил нагайкой

белый падишах.
Не смолкали стоны горя,
кровь текла из ран,
богател эмир на жалких,
нищенских грошах.

В каждой почке, в самой почве,
в воздухе самом
ожидание таилось,
что настанет день,
что рассветный, предвесенний
гулко грянет гром,
встанет солнце и разгонит
тягостную тень.

Ленин исстари, как солнце,
жил в сердцах у нас —
в вопрошающем движении
горестных бровей...
Жил в груди отцов и братьев
в предрассветный час,
как заря, вставал всё выше,
ярче и живей...

Это — партия и Ленин
словом и щитом
оградили нас от черной,
гибельной судьбы.
Если б не великий Ленин —
рухнул бы наш дом
и культуры нашей древней
пали бы столбы.

От Пекина до Багдада
через Хорасан
мы шелка везли цветные.

Знающий следит,
как в былом — на удивленье
европейских стран —
радужным стеклом бухарским
торговал Мадрид.

Жив Абу Али ибн Сина
в памяти врачей
и еще тысячелетья,
верно, будет жить.
Беруни! Твое ученье —
мудрости ручей!
Твой источник жизни внуков
сможет напоить.

Вспомни росписи Хорезма,
вспомни Самарканд.
Вспомни кладку стен узорных,
сложенных навек, —
в них любой кирпич — как будто
золота талант.
Здесь во всем — твой труд, твой гений,
дух твой, человек!

Улугбек — минувшей славы
нашей торжество —
дал нам звездные таблицы
и пути планет.
Но невежество отсекло
голову его...
И погас для нас надолго
знанья чистый свет.

И когда от нас в изгнание
уходил Фуркат,
мы полон отерли слезы,

молвили: «Прости!»
Правду он другим народам
был поведать рад...
Но из плена мулл и ханов
он не мог уйти.

Нашу мощь они пригнули,
как лозу, к земле,
но великая на помощь
партия пришла,
и увидели мы солнце —
жившие во мгле...
И заря свободы нашей
светлая взошла.

Счастлив я, что ты, родная
партия моя,
мне торжественно вручила
красный партбилет!
Голос Ленина я слышал —
этим счастлив я.
Книга Ленина со мною
как бессмертный свет.

На рассвете постучало
счастье в нашу дверь.
Мы поднос, лепешек полный.
поднесли гостям.
Говорили: «В братской дружбе
жить нам век теперь!»
Обнимались, целовались,
радуясь друзьям.

Разве наш сегодня пловом
славен дастархан?
Это луч любви и ласки

дом наш озарил!
Ленин проложил дорогу
сам к сердцам дехкан,
сел за стол у нас, лепешку
с нами преломил.

Словно солнце, на пастушьих
старых курпачах,
как родной, сидел он с нами,
пищу нашу ел,
пил кумыс, шутил, смеялся...
и в его речах,
ясных, мудрых и спокойных,
небосклон светлел.

«Ну, пора вставать!» — сказал он.
Все мы поднялись
И пошли за ним, любимым,
шаг за шагом вслед.
Свергли ханов и хаканов.
И за труд взялись.
И зажгли неугасимый
над землею свет.

Гром «Интернационала»
старину потряс...
Ленин шел в строю рабочем,
Ленин с нами пел.
Вот тогда, в тысячелетья —
в жизни первый раз —
звучный голос нашей правды
в мире прозвенел!

Мы Республикой Советов
много лет назад
крепко стали, крепко взяли

знамя, как зарю.
Всем, что дорого, клянусь я,
друг, соратник, брат:
навсегда народ узбекский
верен Октябрю!

1957

Перевод В Державина

ШКОЛЬНАЯ ВЕСНА

В небеса с утра взвиваются щеглы,
журавли летят на север тут и там,
все холмы на зелень яркую щедры,
стригунки, резвясь, гоняют по холмам.

Вечер. Ласковое блеянье ягнят...
Снова мир весенней радостью объят.

На цветке сидит мохнатая пчела,
муравей травинку в кучу поволок —
муравьиная бригада начала
кладовые и амбары строить впрок.

Соль земли и кровь отцовская — в моей,
руки тянутся к земле — спасибо ей!

Пусть участок школьный мал, но он не мал,
чтобы землю научиться понимать,
как впервые просто сердцем понимал,
что с твоих любимых губ слетело, мать.

Пусть мы сами — стригунки еще с тобой,
это — первое крещение, первый бой.

Эту землю, ее щедрость, ее грусть,
и привычки, и обычаи ее
мы, как азбуку, заучим наизусть,
чтоб найти на ней заветное, свое.

В эту пору даже стыдно отдыхать,
время пахоты. Научимся пахать!

Мы — дехкане, поколения дехкан
за спиной у нас, за далями годов,
и отцами нам наказ великий дан:
не жалеть для дела сердца и трудов!

Мы — садовники. Живой листок любой,
как страницы книг, мы сбережем с тобой.

Теплый ветер веет... Вей, весенний, вей!
Как звонки ручьев искристых голоса!
И не зря взмывает, как бумажный змей,
мое сердце в голубые небеса!

Всё посеяно в полях. Ну, солнце, жарь!
Спит младенцем в колыбели урожай.

1957

Перевод Р. Казаковой

НАМАНГАН

У стариков и молодых, чуть речь зайдет про
Наманган,
как будто сладость с языка медвяная течет.
Особенное солнце здесь, чудесней нет

на свете стран, румянец нежный на щеках не
вянет круглый год.

Кто захотел набраться сил, сюда весною
приезжай,
хоть ненадолго позабуди заботы и труды.
В себя влюбляет с первых дней благословенный
этот край —
его долины, гребни гор, тенистые сады.

Твою усталость и печаль смывает свежести
поток,
как будто с зеркала души смывается налет.
Ах, наманганские сады! Здесь воздуха любой
глоток
рождает юношеский пыл и бодрость придает.

Жизнь не купить и не продать, она уходит с
каждым днем,
а здесь — живи себе, живи, пока не надоест.
Душа, как чаша, до краев нальется солнечным
вином,
слов не найдется передать всю прелесть этих
мест!

Здесь воздух чист, всегда душист и золотист,
как свежий мед, а воды глубоки, ясны, как думы
Навои.
Нет, то не ворот рвет Меджнун и не певец
Машраб поет, —
то, скалы тесные прорвав, поют в горах ручьи.

Кто хочет наяву найти источник юности и сил,
пусть отправляется в Чартак — к целебным
родникам,
и горечь, что за сорок лет в своей душе ты

накопил,
исчезнет с первого же дня и растворится там.

Как ты приветлив, Наманган, земли укромный
уголок,
благословенный климат твой ни в чем не
упрекнуть,
и странник, весь огромный мир прошедший
вдоль и поперек,
наверно, счастлив будет здесь окончить долгий
путь.

Но солнце, воздух и вода тогда лишь цену
обретут,
когда хозяин-человек в цветущий мир придет,
а счастлив будешь, лишь когда и жизнь твоя, и
труд
не для тебя — для всех людей приносят добрый
плод.

Да, мы живем в прекрасный век! Плодами
радостных трудов
украшен Родины моей обильный дастархан,
и в ожерелии страны средь яхонтов и жемчугов
бесценным перлом ты горишь, любимый
Наманган.

Всё сказочней из года в год тебе цвести и
зеленеть,
благоухая в чаше гор, как сладостный шербет.
Слагая оду в честь твою, хочу я полной грудью
петь,
как в золотые дни любви, как в восемнадцать
лет.

Чтоб садоводам петь хвалу, их удивительным

трудам,
гранатовое деревцо я в сердце посажу.
Инжиру, персикам, айве — твоим бесчисленным
плодам —
я тоже гимн сложить хочу, да слов не нахожу.

Уже не раз я объезжал твои красавцы кишлаки,
смотрел, как трудятся, живут хозяйева полей.
О жизни будущей творцы, мои друзья и земляки,
я ваши имена вписал в тетрадь души моей.

Чудесна жизнь, прекрасен век! Бурлит, не зная
берегов,
народных сил, свободных сил счастливый океан,
и в ожерелии страны средь яхонтов и жемчугов
бесценным перлом ты горишь, любимый
Наманган.

1958

Перевод С. Северцева

ГРАНАТ

В руке я держу наманганский гранат,
на маленький глобус похожий,
в нем лучшие соки узбекской земли
под яркой, бугристой кожей.
А станешь за зернышком зернышко есть —
граненые, словно рубины,
багряною влагой они освежат
души утомленной глубины.
Любой, кто заглянет в мой дом или сад,
становится гостем желанным, —
сегодня собратья мои по перу

сидят за моим дастарханом.
Пришли они запросто нынче ко мне,
как ходят соседи к соседу,
и слушают яблони в старом саду
застольную нашу беседу.

Горжусь вашей дружбой, создатели книг,
созвездье певцов и ученых,
ведь каждая книга — открытие миров,
лучами любви озаренных.
По-братски сидят в нашем тесном кругу
и гости из стран зарубежных,
и мы говорим о сегодняшних днях,
суровых, прекрасных, мятежных.
Над всею землей, через гребни хребтов
и грозную зыбь океана,
листки из тетради свободы несет
могучий порыв урагана —
листки телеграмм, долгожданных вестей,
туман разрывающих в клочья...
Да здравствует утро свободных времен,
да сгинут исчадия ночи!

Порой хоть немного захочется мне
от жизненных бурь отрешиться,
и в солнечной комнате с веткой в окне
шуршат мотыльками страницы.
Подобно Хафизу, тончайшим пером,
склонясь над заветной тетрадью,
о мирном досуге, вине и любви
пытаюсь газели слагать я.
Но вихри эпохи врываются в дом:
мне видятся джунгли и скалы,
вьетнамская девушка в форме бойца
нахмурила брови-кинжалы.
Я стар, для сражений уже не гожусь,

но сердце клокочет упрямо:
проклятье убийцам, позор палачам
и слава героям Вьетнама!

Сидят за моим дастарханом друзья,
день ясный, осенний, погожий,
в руке я держу наманганский гранат,
на маленький глобус похожий.
И я обращаюсь к гостям дорогим,
к созвездью певцов и ученых,
чьи книги пылают лучами надежд
и кровью сердец раскаленных.
Как дедов молитвы, как песнь матерей,
как внуков младенческий лепет,
как волны могучей моей Сырдарьи,
как птичий восторженный щебет,
так будет, клянусь вам, и чист и правдив
мой тост перед дружеским тоем:
добро к нам пожаловать в гости, друзья,
дома и сердца вам откроем!

Я сам эти пышные розы сажал,
и вы посмотрите: любая
могла бы в девичьей прическе пылать,
достойно ее украшая.
И каждый бутон в этом скромном саду —
как сердце в тоске ожидания,
как знак, что друзей я забыть не могу
и братского жажду свиданья.
Индийский ученый, арабский поэт,
добро к нам пожаловать в гости,
докучное бремя забот и тревог
на этом пороге отбросьте.
Различие наций, одежд, языков —
для дружбы ничто не помеха,
я вам на большом караванном

пути желаю большого успеха.

Души я открою для вас тайники,
мой жребий поистине светел:
одною дорогой с народом я шел
и правду великую встретил.
Всё в жизни познал я: и радость и скорбь,
с врагами смертельные схватки,
а нынче счастливую старость свою
встречаю в почете, в достатке.
В руке я держу намангаиский гранат,
на нашу планету похожий.
Сидят за моим дастарханом друзья, —
что может быть в жизни дороже?
Цветите, сады, наливайтесь, плоды,
сердце умножайся богатство!
Да станет земля — наш чудесный гранат —
планетою дружбы и братства!

1958

Перевод С. Северцева

РАЗГАДКА СНА

Ты видел яркий сон и хочешь знать разгадку?
Приснилась радуга — большая радость ждет.
Приснился бурный дождь — быть миру и
достатку,
пышнее станет сад, быстрее созреет плод.

Чудесен был твой сон, и это не случайно:
он отражает чувств и мыслей чистоту.
В ком нет ни зависти, ни лжи, ни злобы тайной,
у тех и сны светлы, как яблони в цвету.

Весна расщедрилась: поля — в зеленых волнах,
по пояс выросли пшеница и ячмень,
роса на клевере блестит в лугах привольных,
где тучные стада пасутся целый день.

И для хлопчатника отличная погода:
чигит уже взошел, окучен и полит.
Пусть план прибавили нам с нынешнего года,
богатый урожай наш дружный труд сулит.

Ты видел бурный дождь? То мощными волнами
живых народных сил клокочет водопад.
Ты видел радугу? То ярко перед нами
грядущих радостей все семь цветов горят.

Конечно, жизнь — не сон. Но если по порядку
расскажешь мне о нем, нетрудно дать ответ.
Взгляни вокруг — и сам найдешь его разгадку:
цветет твоя земля, могуч ее расцвет.

Да, радуга и дождь — хорошая примета,
но и без вещих снов сегодня ясно нам:
дорогой радости, труда, добра и света
народы движутся к счастливым временам.

1958

Перевод С. Северцева

К НАМ ПРИЕЗЖАЙТЕ ПОГОСТИТЬ, ДРУЗЬЯ!

Когда вы будете в Узбекистане,
то, как бы вы с дороги ни устали, —
я знаю, каждый звать вас в гости станет

радушными, нелживыми устами, —
но в первый дом входите в мой, друзья!

Гафур Гуляма знаете, конечно!
Мой адрес даст в Ташкенте каждый встречный.
В мой дом входите, я вам рад сердечно!
Без проволочек — жизнь так быстротечна —
ко мне шагайте, я вас жду, друзья!

Мой садик — ваш! Пусть только скрипнет
дверца!
На грядках зелень мяты, кинзы, перца.
Вот свежая вода, вот полотенце,
а вот открытое вам настезь сердце!
И в сад и в сердце вас пущу, друзья!

Над огородом я для вас трудился,
всего к столу нарвать распорядился!
Куда б хозяин иначе годился?
Жаль только вот, шафран не уродился,
а остальное — ваше всё, друзья!

Цветов хотите? И цветы есть тоже,
то цвета неба, то на кровь похожи,
то все в росинках на прохладной коже....
По нашему обычаю, заложим
по красной розе за ухо, друзья!

Ковер постелем и, чтоб слаще отдых,
подушки бросив в шелковых разводах,
прогнав печаль, забывши о невзгодах,
на языках пятнадцати народов
споем, что в голову придет, друзья!

Кто детям рад, кто без детей скучает,
зятьев и снох в придачу получает,

а там и внуков на руках качает...
Под детский крик по пиалушке чая
до ужина не выпить ли, друзья?

Я в юности еще пришел к решению:
дом без детей — как стол без угощенья,
как шар земной без вечного вращения!
За шумный дом свой не прошу прощенья!
Мы сами будем в нем шуметь, друзья!

Вином и мясом пахнет синий воздух.
Стол — как земля, а вы вокруг — как звезды? В
от наш инжир, вот винограда грозди!
Лепешки теплые, пока не поздно,
я по куску вам отломлю, друзья!

Горит очаг, смешав в домашнем дыме
дыханье сада с ветерком пустыни.
Вот персики с бочками чуть седыми,
но раньше их давайте взрежем дыню!
Мы в этом не раскаемся, друзья!

Теперь, когда уже всерьез сидим мы,
отведайте самсы, казы, нарына!
Пусть их названья непереводимы,
но, чтобы суть понять, необходимо
их все подряд попробовать, друзья!

Вино у нас домашнее, густое,
в нем слиток солнца плавает в настое.
Есть предложение, самое простое:
без лишних слов кувшина дно пустое
в кратчайший срок исследовать, друзья!

Вот вносит Мухаррам, моя супруга,
два блюда с пловом, два горячих круга!

Она прикладывает к сердцу руку
и не спеша плывет от друга к другу,
и к плову приглашает вас, друзья!

А после плова, за зеленым чаем,
мы к берегу поэзии причалим:
Фуркат, и Пушкин, и Джами вначале,
ну а потом, друг другу отвечая,
и что-нибудь свое прочтем, друзья!

Есть ваши книги у меня на полках,
есть и мои. Взгляните втихомолку:
писал я много, жил довольно долго,
и сколько их, я сам не знаю толком,
пусть, если захотят, сочтут друзья!

Я заболтался! Время пролетело!
Душа бы вечно бодрствовать хотела,
но, к сожаленью, спать желает тело...
Ночуйте здесь! Мы быстро это дело
устроим каждому из вас, друзья!

Кто помоложе, тем ковров наносим,
кошму в саду, под абрикосом, бросим,
молодоженов на чердак попросим:
в Узбекистане ведь такая осень,
что простудиться мудрено, друзья!

Итак, устами старого поэта
я вас зову, прошу запомнить это.
Пусть издали, пусть даже с края света,
хотите — осенью, а не боитесь — летом
к нам приезжайте погостить, друзья!

Перевод К. Симонова

ДОЧЕРЯМ МОИМ — ШЕЛКОВОДАМ

По всей земле, вдоль пашен и воды,
встают посадок юные ряды,
бойцы весны, грядущие сады,
зеленая награда за труды, —
встают, чтоб сделать край наш краше.

Хоть солон пот, рождает сладость труд!
Вот маленькие яблони растут,
алча, урюк и груша встанут тут,
тал — вдоль арыков, вдоль обочин — тут...
Растут, чтоб сделать край наш краше!

Тутовника повсюду — без числа!
Кто говорил: не знаем ремесла
мы, кроме хлопка?
Скромность мне мила...
А шелк узбекский? Все ведем дела
мы так, чтоб сделать край наш краше.

Чтоб семя вглубь пустило корешок,
чтоб хлопок к свету вышел на вершок —
труда, заботы сколько!
Так и шелк...
Повсюду труд! Верней я не нашел
пути, чтоб сделать край наш краше.

Вот шелководы-девушки: глаза —
как сгустки ночи. Талия — лоза!
Из нитей шелка сплетена коса...
Смотри: они и есть земли краса,
а трудятся, чтоб сделать край наш

краше!

Как с чувствами мне образы сроднить —
с чем шелковод труд могу сравнить?
Поэт из сердца тянет песни нить —
так и они живую шелка нить
растят, чтоб сделать край наш краше.

Зато и слава им по их делам.
Везде известен тонкий их талант,
о них слагает песни Маргилан, и
я, старик, воспеть бы их желал
за то, что край наш делают всё краше...

1959

Перевод А. Наумова

ПОЙДЕМ СО МНОЮ РЯДОМ

Ярче бархата тюльпановый простор.
Перед ним рисунок ткани суший вздор.
Здесь естественность — о ней и разговор.
Час цветенья, чья-то песня возле гор.
Черноглазая, сама ты как весна.

Твои щеки от смущения горят.
Сладость меда на губах и аромат.
Хмуришь брови, но не скроешь нежный взгляд.
Убегаешь — возвращаешься назад.
Но скажи, куда путь держишь ты одна?

Всколыхнулось мое сердце, как родник,
а в ответ твое забилося в тот же миг.
Сколько радости, волненья скрыто в них.

Два ручья бегут, давай догоним их!
Только внешне ты грустна и холодна.

Оглянись и посмотри по сторонам:
вся краса земли и неба — это нам.
По тропинкам побежим и по холмам,
счастье юности разделим пополам.
Говорят, дорога жизни так длинна...
Не устанет тонкострунный, звонкий саз,
выручающий влюбленных всякий раз.
Он мелодией простою, без прикрас,
сокровенное признание передаст.
Ты послушай, как поет, звеня, струна.

Будь со мною. Не дразни, не обещай,
как росу, желанных чувств не иссушай.
Скоро лето. Полон зноя южный край...
Приходи, пока вокруг бушует май,
черноглазая, сама ты как весна!

1959

Перевод Р.Фархади

СВЯЩЕННОЕ ВРЕМЯ

Опять зарею
 звонкий слог навеян.
Опять о вас
 под сердцем бьется стих,
бесценных дней бесценные мгновенья
в бескрайнем море
 быстрых лет людских!
И тополей тяжелые колонны
листву роняют,

как слова с пера,
и, видно, вправду
 строчкою коронной
тетрадь украсить — самая пора...
Мое неповторимое столетье,
припомнишь ли?..

 Пятнадцать лет назад
о Времени
 на медленном рассвете
стихи слагал я,
в тихий выйдя сад...

Пятнадцать весен минуло
 Пятнадцать
июлей
 в жарких сгнуло песках.
Земля листвою успела запятнаться
пятнадцать раз,
 и шли снега пятнадцать
бессонных зим,
 не тая на висках...

О время, время,
 что за шаг нам нужен,
чтобы, забвенью злomu вопреки,
опять ступить на берег тот минувший,
за эту ширь
 стремительной реки?
Тогда солдаты, что остались живы,
шли по домам,
 развеяв ураган...

И стал солдатом нового призыва
их
 у дверей встречавший
 мальчуган!
О, если б годы, как гранат, я выжал —
их алый сок, наполнивший бокал,

взметнул бы строки
гор высоких выше,
поэтов сделал

равными богам!
На ласковом Отчизны небосклоне
всегда разлито доброе тепло.
Кто перед горем голову не склонит —
легко усвоит

света ремесло:
из горечи, которой нет предела,
из черноты поруганной земной
слепить весну
и роще поределой
опять вернуть могучий дух лесной.

И —
где судьба кровавая играла —
нарезать пашни,
расселить рои,
и новое обличье Сталинграда
прозреть сквозь дым
и ужасы руин...

О славная истории страница!
Мы трудно жили, годы торопя,
но что,
скажи,
с тем подвигом сравнится,
что вписан
нашим мужеством

в тебя?
Ты наши дни заслуженно воспела
как новую истории весну,
вновь города вознесшую из пепла,
поля войны
вернувшую зерну.

И время, что повелевало всеми,
летя стрелой,

Так ясно деда собственного помню:
он искры высекает

из кремня...

Горит чорак, как дьявольское око,
под крышею угарно и темно,
и бабушка моя, вздохнув глубоко,
опять берется

за веретено...

Я трижды славлю мощный ток Фархада
и голубое топливо Газли —
тот жар земли,
что, одолев преграды,
мы в каждый дом теперь перенесли;
я славлю хлопка белые громады,
из пестрых тканей

девушек наряд

я, гордою увенчанный наградой,
сменивший веретенца комбинат;
я славлю

мир природы покоренной,
тебя я славлю,

гордая пора!

И тополя, как времени колонны,
листву роняют

строчками с пера.

1960

Перевод А. Наумова

ВОСПОМИНАНИЕ О ДРУГЕ

Мы в молодости в Самарканде
стояли с тобой,
смотря, как на тучах вставала

стена Улугбека...
И вместе письмо москвичам
мы писали с тобой.
И вот мы в разлуке теперь —
до скончания века.

Где ты, дорогой мой?
Я слышу напев твоих строк —
Твой маленький внучек
сидит у меня на коленях.
И медленный ветер
струится, как тихий поток,
над мирной семьей твоей
в сиротеющих сенях.

В саду моем сорок деревьев
урюка растут, —
твоя это память,
ты сам посадил их когда-то.

Я слышу дыхание твое,
когда розы цветут
и в школе соседней
галдят и играют ребята.

Ты ног своих в кровь не изранил
в Джизакских степях
в былом, когда старцы-бахши
свои пели сказанья.
Весны твоей цвет
не развеется в дальних веках —
живых твоих строк
никогда не пройдет обаянье.

Как в зеркало я погляделся —
и затосковал:

я весь поседел, словно хлопок....
Ровесник мой, где ты?
где дни, когда ты под дутар
за столом запевал?
О верный соратник,
о искренний в песнях мой, где ты?

Добро, что я вижу
всё новых и новых друзей
Средь учеников...
Их беседы — мое утешенье;
Пусть жизнь моя повести древней
Хорезма длинней,
в их спорах горячих —
мое и твое продолженье.
Тебя они благодарят, о мой брат
Алимджан!
От сердца тебе говорят:
«Рахмат, Алимджан!»

1960

Перевод В Державина

ПРЕДПРАЗДНИЧНЫЕ ДНИ

Дышат праздничным ароматом
хлопка низкие
облака,
голубые садов громады
осень золотом облекла.
В этом радостном изобилье,
добрым соком
полня стакан,
положить и мы не забыли

нашу долю на
дастархан.
Всенародные караван
— за широким земли столом
с хлебом движутся караваны
казахстанских
автоколонн.
И украинских, и сибирских
урожаев течет река —
и далеких плодов, и близких
благодатные
вороха.
Осень валит могучим валом —
а казалась на вид
скромна! —
и обилием небывалым
не вмещается в
закрома.
Из того, что труд наш нажил.
полевая
взрастила даль, —
долю выделим братьям нашим,
не промешкав,
отправим в дар...
Ветер бродит с мыслью единой —
ароматы
вдохнуть полней —
и едва шевелит седины
на висках хлопковых
полей.
И над этой возней мышиною,
годовой завершая
круг,
друг за другом идут машины —
продолжение

умных рук.
Видишь радостных лиц сиянье?
Наши девушки
за рулем!
Мы труда и счастья слияньем
нашу память в
века прольем.
И не здесь ли, скажи, начало
одоления
дальних вершин,
что веками наш гений чаял
и сегодня лишь
совершил?
Стала близкой на ощупь лунность,
поглотила
болезни мгла!..
Жаль, что наша с тобою юность
в том
участвовать не могла.
Жаль, что донизу, мне сдается,
нашей жизни
заполнен лист...
Что же сердце, как прежде, бьется
перед
светом девичьих лиц?
И с вниманием неослабным
прочитать спешит
наяву
в книге нашей хлопковой славы
вновь
дописанную главу...
О, как пышно садов громады
осень золотом
облекла!
Добрым, праздничным ароматом
дышат

белые облака...

1960

Перевод А. Наумова

ПЕРВОМУ КОСМОНАВТУ

Мы о небе издревле мечтали и пели.
Ты вступил на его голубые ступени.
Ко всему, что веками поэты слагали,
ты прекрасную песню добавил, Гагарин!
Было небо загадкой, а стало задачей, —
штурм высот поднебесных победою начат.
Человеку достойно быть сильным, крылатым,
он — гигант, человек, а не крохотный атом!
До прекрасной Зухры нам осталось немного —
станет путь до нее караванной дорогой.
Караванным путем к звездам двинутся люди.
Так хотим мы идти. Так идем. Так и будет!

1961

Перевод Р. Казаковой

НАЧАЛО ЛЕТА

Я хочу написать о начале чудесного лета,
чтобы строчки журчали, струясь, как

прозрачный ручей.
Я вручу базилик со словами любви и привета
тем, кто в сад мой войдет, пожелав мне

безгорестных дней.

Полюбуйтесь на мир, как душа моя щедрый,
широкий,
на сури отдохните под сенью раскидистых ив.
Или в сердце войдите, не надо стоять на пороге,
я приму вас радушно, в почетном углу усадив.

Дастархан изобилья раскрою бутон за бутоном,
не скупясь угощу долгожданных гостей
дорогих,
как подружка заветной подружке, немного

смущаясь,
шепотком расскажу о мечтах и желаньях моих.

Посмотрите на эти прелестные саженцы тут.
Сотни дней не пвошло, а уже завязались плоды.
Прикоснешься слегка и сияешь, как майское
утро.
Если цель благородна — не будут напрасны
труды.

Тут подарит плоды розовато-жемчужного цвета.
Мы их «балхом» зовем, «марвартоком»
ферганцы

зовут.

Он подспорье семье, украшение лучистого лета.
Не ленитесь, друзья, посадите в саду своем тут.

Ароматная, с запахом амбры, мерцает клубника,
первозданно сладка, точно жаркие угли
красна...

Нет, не угли. На губы красавицы нежной

взгляни-ка.

Вот с чем схожа и цветом, и сладостью нежной

она.

Положу на хрустальное тонкоузорное блюдо
темно-красные ягоды-лучшей черешни моей.
Кто отведаёт это пурпурное сочное чудо,
скажет:

«Нет на планете черешни вкусней
и сочней».

И за вишни, друзья, похвалите хозяина сада.
Съешь — и спросишь себя, не попал ли ты
случаем

в рай.

Девять ягод раздавишь, положишь кусок

рафинада,
чаю в чашку нальешь — несказанный получите

чай!

Гнется медное блюдо под гнетом сладчайших

урючин,
точно шарики меда, лежат они желтой горой.
Стрелка каждой ворсинки сверкает, как
маленький

лучик,

как летящая мысль, как росинка рассветной
порой.

Всюду нынче в избытке созревшие сладости эти.

Вся отчизна — цветник, в каждый сад можно

гостем войти...

Небольшую газель я хотел сочинить на
рассвете,
а прошелся по саду — и вышла поэма почти.

1961

Перевод В.Липко

ПЛАТА ЗА СОЛЬ

Помню дедовский жалкий надел
шириною с
танап,
на земле неполитой
кустарники тощие хлопка.
От работы у бабушки
не разгибалась спина...
В поздних сумерках ужин —
горшок кукурузной
похлебки.
Урожая не хватит,
чтоб саван старухе соткать,
всё уходит на подати
да на уплату закята.
В жаркий день для питья
никогда не хватало
глотка,
но вода разливалась, журча,
у соседей
богатых.
Сколько слез подсмотрел я...
Не молкнут в

сиротских ушах
вздохи робкие жалоб,
что мир этот плохо
устроен.
Вижу темные лица,
печаль, безнадежность в
глазах,
слышу стон веретен
и глухой перестук
маслобоек.
За стеною
работа тяжелая ткацкая шла,
ну а мне на штаны
даже бязи куска не хватало.
Дочь от ослы единственная
у ткача умерла.
Медлил он и вздыхал, —
видно, силы от горя не
стало.
У плотины мираба
бадейками хлюпал чигирь,
как скрипел он,
в движенье слепым ишаком
приводимый...
Прославляю наш день,
предо мной —
необъятная ширь!
Но порой
оглянуться на прошлое необходимо.

1961

Перевод В Державина

БУКЕТ МИРЗАЧУЛЯ

Прохладой Сырдарья неспешно дышит,
пропахла дыней степь за пядью пядь.
Сад весь в цвету, письмо для солнца пишет
в сто тысяч листьев. О любви опять.

Земля кругом, земля — не хватит взгляда.
И мысль, как ток летящая, как свет.
Им для начала слиться было надо,
чтоб всё вокруг постичь, держа совет,

чтобы песчаный, лунный лик пустыни
стал всех земных на радость не скупей.
В простом быту есть вещи непростые,
чтоб их познать, из глубины испей...

Шла замуж за Юлдаша-тракториста в
Баяуте хлопководка Латофат,
и жар от их любви пылал на триста
окрестных верст, и пелась песня в лад.

И новобрачных круг гостей согласный
смущал безбрежьем дружбы и родства,
и предсказал им старец седовласый
по веку счастья. Пусть их сложат в два!

А в хрустале пылали розы немо,
что ни бутон — в яйцо величиной.
То был не стих в шесть строчек,
а поэма, покамест не написанная мной.

И старика рябого, безбородого
спросил я: «Чьи взрастили их края?»
— «Хоть дом их — наш совхоз, а нянька я,

не перечесть мне всех колен их рода.

И если есть до поисков охочие,
так тут и выбор полный, и простор:
их маточники из Москвы и Сочи,
из Киева и Бостандыкских гор!..»

И разомлел сосед мой и распелся:
«В них всё слилось, всё своё нашло уклад —
роса лесов, рябины сок и персика,
рассвет над рожью, над волной закат...»

Ты прав, старик, прав, соловей в ударе.
Прав, мастер от мотыги и поэт.
Я знаю сам сердца, дороги, дали,
откуда этот свет и этот цвет.

Всё сеяно тут нами и лелеяно,
и всякий труд благословен и свят,
но начинался от декрета Ленина
на Мирзачуле каждый дом и сад.

Нам сто народов братья и попутчики,
но вместе все мы — спутники при нем!
В совхозе свадьба.

Пробки бьют, как пушки,
пылают розы полднем и огнем.

1961

Перевод Н. Грибачева

УЧИМСЯ ДУМАТЬ

Мухтарджан спросил
у своей шестилетней сестренки:
«Мунисхон, а скажи по правде:
ты думать умеешь?»
Мунисхон удивленно взглянула на брата,
хмыкнула, вздохнула
и, наконец
(конечно, чтоб выиграть время, —
о, женское это лукавство!),
спросила:
«А как это — думать?»
Мухтарджан посерьезнел,
свел брови на переносье
и показал:
«Вот, я думаю...»

«А о чем ты думаешь?»
— «У-у, о многом!
Вот... была бы... гора мороженого,
или целый казан каймаку,
или весь наш сад — из одной черешни,
или сыр — во-от такой, как дом...»

У Мунисхон потекли слюнки.
«О-ой! — сказала она. —
Подожди, братик,
я тоже попробую:
вот... была бы хоть одна кукла,
чтоб не портился сразу завод!
И чтоб она меня видела,
даже если закроет глаза...»

«Придумала тоже!
Тебе еще надо учиться!
Вот, например, хочешь быть мамой?»
— «А ты?» — растерянно говорит

Мунисхон,

ресницами хлопая,
точно бабочка крыльями.
Мухтарджан сердится:
«Я ж не девчонка!
Это девочки могут быть мамами.
Вот вырасту до пятисот лет —
стану отцом!»
— «И дочка у тебя будет?»
— «Будет сто дочек!»
— «А как их будут звать?»
— «Всех будут звать Мунис!»
— «Ой-ей! — говорит Мунисхон. —
А я, когда буду мамой...
У меня будет тыща мальчиков,
и всех будут звать Мухтар!»
— «Ой-ей!» — говорит Мухтарджан
и, довольный, щелкает языком.
А из водопроводного крана
тихонько течет вода,
и сад негромко шумит,
и двое моих малышей
понемногу учатся думать.

1961

Перевод А. Наумова

ЦВЕТНИК

Устрой цветник —
величиной
хоть с небольшой
ковер,
тогда всегда придет любой

с охотой в этот
двор.
Ну а скажи, ты знаешь, как
устраивать цветник?
Уж если в этом не силен,
признайся напрямик.
Вокруг куста душистых роз —
годятся все цвета!
—
чабрец, гвоздика, портулак
займут свои места.
Не позабудь про львиный зев,
а также и про хну
и васильки, а среди них —
ромашку хоть одну!
Тут — петушиный гребешок,
там — белая
душица,
по краям зеленый дерн —
ну сам собой
ложится!
Потом проверку учини,
мой честный ученик:
у пчел ученых уточни,
как пахнет твой цветник!
Устрой беседку. Всю вьюнком
обвить ее не
грех.
Ну вот и всё. Еще взгляни,
нет ли каких прорех.
Цветник твой мал —
всего с ковер!
Но это
ничего.
Он на страну твою похож —
так ты взрастил его.

И будешь часто отдыхать
и сладко родиной дышать
цветнике!

ты в этом уголке
в душистом

1961

Перевод Р. Казаковой

ВОДИТЕЛЯМ «ГОЛУБЫХ КОРАБЛЕЙ»

По волнам густого хлопка,
в ясной утренней дали
проплывают друг за другом
«голубые корабли».
И похожи вереницы
этих чудо-кораблей
на жемчужные цепочки
перелетных журавлей.
Ближе, ближе гул моторов,
а в ответ поют поля...
Кто же это за штурвалом
головного корабля?
Вижу пеструю косынку,
озорных бровей разлет, —
черноглазая узбечка
«голубой корабль» ведет.

Бьет в лицо задорный ветер,
жарко с самого утра.
Смотрит радостно и гордо
комсомолка Манзура.
Влюблена в свою машину,
не машина — просто клад:

чисто хлопок убирает
этот мощный агрегат!
А за ней ведут подруги
в пене хлопковых долин
строй таких же хитроумных,
удивительных машин.
«Добрый путь вам, дорогие!» —
крикнуть хочется вослед.
Как отец, любясь вами,
восторгаюсь, как поэт.

В дружных семьях, в светлых школах,
веселы, умны, горды,
вы росли, не зная страха,
униженья и нужды.
Вам не прятать лиц пугливо
и не плакать взаперти.
Яркий символ новой жизни —
ваши вольные пути.
Слаще меда Арсланбоба
ваши нежные черты,
шире зорь над Сырдарьею
ваши смелые мечты.
Встречу вас — и в старом сердце
заструится кровь быстрее:
сколько у меня красивых
и счастливых дочерей!

Дни уборки наступили,
и поля блестят кругом,
будто солнечные чаши
с закипевшим молоком.
Каждый час рабочий дорог,
зря мгновения не трать —
быстро, чисто, до пушинки
хлопок надо собирать.

Весь народ сегодня в поле,
и шеренгою стальной
на заре ведут машины
ученицы Турсуной.
Проплывают с львиным рыком
«голубые корабли» —
будто острыми клинками
грудь долины рассекли.

Добрый путь! Не уставать вам,
черноглазые мои!
Вам дарю я эти строки
восхищенья и любви.
Вдаль ведете вы машины,
чуть качаясь на волнах,
будто сказочные пери
на волшебных скакунах.
Пусть лукавят ваши брови
и звенит задорный смех,
пусть на всех дорогах жизни
вам сопутствует успех,
пусть вас песней окружает
всенародная хвала,
пусть везде примером служат
ваши славные дела!

Не хочу я, чтоб джигиты
обижались на меня,
чтобы критики злорадно
покушались на меня,
чтоб могли с усмешкой люди
о стихах сказать моих:
«Хоть и стар, а воспекает
только девушек одних!...»
Нет, герои мирной битвы,
славные мои сыны,

в сердце солнечные строки
и для вас припасены.
Выйдешь к хлопковому морю
в золотой рассветный час,
только глянешь — и невольно
залюбуешься на вас.

На своих стальных тулпарах
в алом пламени зари
к рубежам большой победы
движутся богатыри.
Брови сдвинуты упрямо,
руки стиснули штурвал,
и, на доблесть вашу глядя,
вас бы львами я назвал.
На гвардейцев вы похожи,
взявших с боем высоту, —
сотни тонн уже сегодня
у любого на счету.
На батыров вы похожи
из прославленных легенд —
равен подвигу Фархада
каждый собранный процент!

Но любовь, что затаилась
в ваших пламенных глазах,
разве выразить в процентах,
разве взвесить на весах?
Горы сдвинуть вы готовы,
все преграды сокрушить —
лишь бы нежную улыбку
глаз любимых заслужить.
Вам, упорным, сильным, зорким,
всё на свете по плечу,
пожелать большого счастья
вам заранее хочу.

Завершим уборку с честью
да итоги подведем,
и тогда начнутся свадьбы,
радость хлынет в каждый дом!..

По волнам густого хлопка
в ясной утренней дали
строем движутся машины,
будто в небе — журавли.
Я гляжу — и в старом сердце
кровь струится веселей:
сколько у меня счастливых
сыновей и дочерей!
Весь народ гордится вами,
вашей славой восхищен,
собирайте быстро, чисто
сотни белоснежных тонн!
Вас увидев за штурвалом
«голубого корабля»,
птицы вслед крылами машут,
и хвалу поет земля.

1962

Перевод С. Северцева

НУ И ЧТО Ж...

Эта девушка — радуга, солнце само.
Я увидел ее у ворот СамГУ.
Скинуть годиков тридцать бы! Да не могу.
Значит, сердца я распахнуть не смогу?

Нет, не так-то я прост, чтоб просто уйти.
Говорю, чтобы ей уста отворить:

«На изюмный базар как, скажите, пройти?» —
вот что я говорю. А что говорить?

Нежно-нежно звучит в ответ голосок —
ветерка самаркандского утренний вздох:
«На изюмный базар? Ай, узбек! Вот простак!
Среди белого дня заблудился, чудака...»

В этом городе я от рожденья живу.
Знаю каждую улицу, каждый дом.
Только — пусть говорит, даже, может, бранит,
я навряд ли о том пожалею потом.

Лишь бы слушать ее, лишь бы видеть ее...
Ну а что тут поделать, раз это так?
Самаркандская звездочка, да, я влюблен.
Ну и что ж?

Полюбил.

Ну узбек...

Ну простак...

1962

Перевод Р. Казаковой

СЧАСТЛИВЫЕ СТРОКИ

Весной конем могу вполне назвать я стригуна —
ведь вправду из него коня нам вырастит весна.
Я славлю мой народ — и все прошедшие года,
и завтра, — им душа моя особенно горда.

Вот говорят в народе: «Кто мудрее, чем народ?
Коль друг твой — караванщик, стань творцом
больших ворот».

Вы слышите, вы видите, идут большие дни!
Должны мы с вами быть большими тоже, как
они.

Мы хлопок в поле сеем, это наш привычный
труд.
Что сделано с любовью, то и годы не сотрут.
Рабочие мозоли засыхают на руке,
но след от поцелуя свеж навеки на щеке!

Металл Алтынтопкана... Всех богатств страны
не счесть!
А честь у всех своя, а хлопок — это наша честь.
Гордимся белым золотом, красой его живой.
Отцы из рода в род для нас хранили опыт свой.

Когда мы удивляемся, мы говорим: «Ой-бой!»
Сегодня, изумленные, толкуем меж собой:
«Ой-бой! Вот это год! Тут разве вымолвишь
одно:
такого урожая мы не видели давно!»

Спасибо хлопкоробу за труды и честный пот.
Избавил хлопкороб меня от всех забот.
Родной кишлак приветствует героя своего,
и город по-рабочему спешит обнять его.

Летите, годы быстрые, день, счастье нам дари,
широкое и щедрое, как воды Сырдарьи,
и пусть поэт почувствует, к столу садясь с утра,
как жизнь на лист торопится сбегать с его
пера.

Перевод Р. Казаковой

СИЛА ОДНОГО ПРИВЕТСТВИЯ

Чайхана, прозрачный хауз. Мы сидим под сенью
ивы,
перед нами чай, лепешки, сотовый душистый
мед.

Мы беседуем. Беседа, как ручей неторопливый,
никому не досаждая, рассудительно течет.

Мы довольны белым светом, белый свет доволен
нами.

Да и как не быть довольным? Мы не зря прошли
свой путь.

За плечами груз познания, опыт жизни за
плечами, —

любо-дорого послушать, любо-дорого взглянуть.

Если бы сама природа услыхала наши речи,
позабыв дела другие, к нам подседа бы тотчас.
Все слова как поцелуи, мы друг другу не
перечим.

Потрудились мы на славу, славен и покой у нас.

Мы давно друзья. Юлдашев — тестомес на
хлебзаводе,

Абдулла — бухгалтер в школе. Стаж работы —
тридцать лет.

Захиджан — артист известный. Весельчак, одет
по моде.

Шестеро — пенсионеры, щедрой осени букет.

Мы друг друга угощаем, как завещано от дедов,
прижимая руку к сердцу, щелкая о край пиал.

Каждому — седьмой десяток, каждый многое
изведal,
в каждом искренностью светел сердца доброго
кристалл.

Вдруг — вот не было печали! — в чайхану
ввалился пьяный,
с пьяной руганью похабной, с пьяной яростью в
глазах.
Стал толкаться, стал швыряться хуже вихря-
урагана.
«Всех, — кричит, — перелопачу! Всё и всех вас
— в пух и прах!»

Бог ты мой, какую мерзость вынуждено слушать
ухо!
И никто от этой грязи защититься не волен.
Вмиг беседа омрачилась, будто в чай попала
муха...
Будь ты трижды проклят, пьяный, смрадом
дышащий дракон!

Но рванулись два джигита к хулигану-самодуру,
завернув, связали руки, подтолкнули, увели.
Мы подавленно молчали, переглядывались
хмуро:
«Как обидно, что такие пачкают лицо земли!»

Долго разговор заглохший не налаживался
снова,
будто сел верблюд на скатерть, всё изгадил, всё
измял.
Наконец Нурмат-литейщик произнес такое
слово:
«Вот они, шальные деньги! Весь в отца пошел,
шакал.

Я их знаю — мы соседи. Спекулируют плащами, кофтами из-за границы, а потом вот эдак пьют». — «Воры», — пробурчал Юлдашев. И опять все замолчали.

Может, по домам податься? Может, разойтись?.. Но тут...

Тут вошел румяный парень с кучерявой черной челкой.

Это был наборщик Первой типографии Афзал.

«Здравствуйте, отцы! — сказал он. — Счастья вам и жизни долгой!»

И почтительно, с поклоном руку каждому пожал.

Чуть привстав из уваженья, мы Афзалу отвечали:

«Будь и ты, сынок, удачлив! Будь и ты здоров, сынок!»

И опять беседа наша зажурчала, как вначале.

Вот каков он, слов приветных чудодейный огонек!

Ну и хватит! Многословье не для старого поэта.

Чувствуй меру. Много воли не давай в стихах словам.

Рассказал о животворной силе доброго приветав —

дальше не тяни рассказа, точку ставь, Гафур Гулям.

1962

Перевод В.Липко

ВЫМПЕЛ

Это — знамя науки и знамя победы для всех на планете.

В горн трубит Прометей: просыпайтесь, живые, уже вы не дети!

Это — факел над миром, до дна осветивший зрачки человека, наше «Здравствуй!» Луне, встреча старого века и нового века!

Нас веками свет лунного диска манил в неизвестные дали.

Верим, сбудется всё, что мечтатели-предки до нас загадали.

Это — чудо: частица советской земли прикоснулась к Луне желтолицей.

Праздник в каждой семье, и в деревне любой, и в столице.

Мысль летит среди звезд, мысль спешит, обгоняя светила.

Мысль бездонную тьму бесконечных галактик для нас осветила.

Алишер Навои, вдохновляясь, глядел на Луну
и писал, за страницей страницу
листая.

Я, Гафур, может статься, строку завершив,
на Луну — отдохнуть перед новой
строкою —

слетаю...

1964

Перевод Р. Казаковой

БЫВШЕЙ МОЕЙ ЛУНОЛИКОЙ

Любовь моя, ты для меня, наверное, —
вся жизнь, всё, что в ней вечно,

что

мгновенное.

Заря, отрада — искренняя, верная,
дышу тобой, иначе — не могу.

Лицо твоё, сквозь дни и годы — юное,
в лучах моей любви — золотолунное,
я сравнивал с луною в полнолуние.
Я сравнивал, а нынче — не могу.

Когда Луна с «Луною-9» встретилась,
в подлунном мире что-то вдруг наметилось
такое, что влюбленным мной замечилось:
по-старому писать я не могу!

Прощай, бывшего лирика великая,
прощай, моя бывшая лунолика!
Но неужели станешь ты безлика?
Нет, допустить такого не могу!

В твоё лицо смотрю с утра до вечера,
твои глаза распахнуты доверчиво,
в твоих зрачках весна качает веточки,
и я без них всё так же не могу.

Опять вдвоем в работу мы впрягаемся,
и даже если иногда ругаемся
и так ругаться не остерегаемся,
без этих ссор я тоже не могу!

Товарищ мой, мы — что-то неделимое,

и это, видно, непреодолимое,
на счастье жизнью каждый день даримое, —
отдельно не хочу и не могу.

А годы как цепочка журавлиная:
коротенькой была, а стала — длинная.
Прощайте, птицы! Их живому клину я
машу печально вслед, пока могу.

Ах, много было, милая, налетано.
Но сколько впереди еще наметано!
А небо нам с тобой на пару отдано, —
летать один, как прежде, не могу.

Всё, что мое — твое, вдвоем освоили,
построено — так, значит, вместе строили.
Пусть спорили, но строили, хоть спорили,
и я уже иначе не могу.

Старинным слогом слуха не насилуя,
луну в покое я оставил, милая,
но чувствую в себе, как прежде, силу я
любить тебя — иначе не могу.

1964

Перевод Р. Казаковой

ВИШНЯ

Уж если хочешь ты узнать ей цену,
к ее рубинам руку протяни,
перелистай неспешно Авиценну,
на наманганских девушек взгляни.
Так благодатны земли Намангана,

так сочно кровь здоровая красна,
что вишня здесь и созревает рано,
и поражает аlostью она.
Кровавит губы плод ее бескровный...
Когда же оторвусь я наконец!
Болит язык, припухли губы, словно
всю ночь я целовался, как юнец!
Вишневый сок, живительная влага,
прости мои смятенные слова,
искрись, вливайся в кровь мою на благо,
пока она, вишневая, жива.
А вишенки мои в саду — всё выше.
И я желаю другу своему:
«Пусть твое счастье множится, как вишни!» —
немало я пожелал ему.
Сухая вишня нам зимой отрада —
люблю ее чистейший аромат.
Вишневое варенье! Тоже надо!
Поэт варенью, как ребенок, рад.
Дочь сада, вишня, дай припасть губами
и за такую жадность не кори.
Хотя б на миг разбреди мне память,
пожаром лета сердце уколи!

1964

Перевод Р. Казаковой

УЧЕНОМУ ПРИЯТЕЛЮ

Ты встречался с нами нередко
и говаривал неспроста:
«У Мешхедского минарета
вся обязанность —
красота!»

Что рассказывал ты,
о чем нам?
Речь текла твоя, как ручей.
«Цель учености — быть ученым!» —
вот был смысл твоих речей.
Ты в какой-то блистал плеяде,
чем-то славился, может быть,
но заслуги твои, приятель,
мы успели перезабыть.
Позабыли и взгляд твой вещий,
важность в голосе и в руке...
Точно так забывают вещи,
в старом сложенном сундуке.
Ибо память

не купишь саном —
гордый нрав у нее и злой.
Расстилагается бекасамом
на воде

керосинный слой,
но подует недолгий ветер,
чуть подымет волну вода —
и от пышных расцветок этих
не останется и следа.
Я не знаю, ты ждал того ли,
откровенно гордясь собой,
только вряд ли б ты был доволен
незавидной такой судьбой.
А чего же и ждать иного?
Есть у жизни свой потолок.
Не воротится к людям снова
тот,

кто воду в ступе толоч.
Если попусту жизнь минует —
кто поверит ей, что была?
Ну а прожитая минута —
пуля, выпущенная из ствола.

Дешев воздух, которым дышишь.
Только видел я на веку:
вянут розы

покуда пишешь
предисловие к цветнику.
В нас свой опыт

народ посеял.
Так пускай теперь в свой черед,
точно малые зерна в землю,
наши знанья идут в народ.
Мы — точильщики
вечных лезвий!
Нам подсказано неспроста:
«Смысл знания — быть полезным.
Знак величия —
простота».

1964

Перевод А. Наумова

ПОБЕЛЕЛИ ВОЛОСЫ ТВОИ

Жене моей, Мухаррам

Побелели волосы твои,
выцвели, как синева в зените.
Как их под косынкой ни таи —
стали хлопком смоляные нити.
Так привычна эта седина,
но всмотрюсь — и странно мне немного:
неужели вправду так длинна
верности
высокая дорога?
Побелели волосы твои...

Когда на радость людям ты с утра берешься за
перо,
сиянью светлого ума дивится солнечный восход.

На крыльях радостных надежд в грядущий мир
устремлена,
летит к Плеядам песнь твоя и с неба звезды
достает.

В твоих твореньях — пенье струн, свет,
озаряющий сердца,
твой тонкий ювелирный труд пленительней из
года в год.

Как зеркало твоя душа, в ней отразился весь
Восток,
за щедрый, солнечный талант благодарит тебя
народ!

1965

Перевод С. Северцева

МЕТАНИЕ ЯБЛОКА

(Песня хорезмских девушек)

Мои косы волнисты, как волны Аму,
а зрачки от волнения зыбче волны.
Эй, джигит! Еще яблока я никому
не бросала по правилам старины.

Прямо к сердцу хорезмской девчонки стартер
подключи, комбайнер! Это сердце — огонь.

А язык у хорезмской девчонки остер.
Что, не веришь мне, Джуманияз? Ну-ка, тронь!

Там, где хлопок, нельзя хлопотать без души,
а в твоей нынче столько любви и добра...
Матназар, так кого же ты выбрал, скажи,
черноглазый, с бровями — как шерсть у бобра...

Если это — красивая Мамашариф,
не тревожься, по девушкам взглядом скользя.
Вас и в песне и в наших сердцах поженив,
завтра будем женить и взаправду, друзья!

Когда кончено дело, приходит пора
спелых яблок, цветов и счастливой любви.
Пусть метание яблок всего лишь игра,
я тебе его брошу не в шутку. Лови!

1965

Перевод Р. Казаковой

РОДИНЕ

О Родина, земля, Отчизна золотая,
ищу тебе слова,
 руду свою дробя...
В залитый солнцем мир мечтою залетая,
я с детства
 матерью
 именовал тебя.
Я знал, что от тебя — тепло души и тела,
и воздух в легких весь,
 и сила слов и мышц;
и если пелось мне — то это ты мне пела,

а если я лечу —
ты мой полет стремишь!
И спетой песни звук, воды испитой сладость
останутся в душе,
навек в нее запав;
и, силу мне даря,
ты не простишь мне слабость,
коль растрянжирю зря
бесценных дней запас!..
И шли года мои.
А их немало было!
И май надежд моих
сменил июль забот.
Снял урожай сентябрь.
И поздний час пробило.
Дохнуло январем: итог подводит год.
Мать-родина, но ты ведь
тоже стала старше!
И радость и беда
в прошедшем стали в ряд...
А я гляжу вокруг — и вижу: ты всё та же!
Да что я говорю — моложе во сто крат!
Сверкают юностью электростанций очи,
и гребень из лучей —
над чащею лесной.
И желтизну пустынь,
и пятна почвы тощей
смываешь ты с лица хлопковой белизной!..
О мать моя земля, Отчизна золотая,
твой самый малый вздох
я мыслью стерегу.
И в давние года мечтою залетаю...
Но «мама» говорить неловко старику!
И я горжусь тобой!
Так дочерью гордишься,
что превзошла отца блистательной судьбой.

О Родина, ты впрямь мне в дочери годишься,
и разве старику

угнаться за тобой?

Но слышу я в ответ:

«Тебе ль в тиши усесться,

Гафур,

и ждать, чтоб век

твой садик посетил?

Покуда реки жил в твое впадают сердце,

пусть тают на висках

снега твоих седин!»

1966

Перевод А. Наумова

ПОЭМЫ

КУКАН

Часть первая КУКАН-БАТРАК

1

Так было иль не так, начнем рассказ.
Жил в Чуете хлебороб Маманияз.
Аллаха чтил, имел земли клочок,
где пробегал арычек — ручеек.
Был вдов, уныло дожил до седин.
Одна отрада — подрастает сын.
Решив, что лучше не вступать в колхоз,
колючкой жалкой свой клочок обнес.
И вместе с сыном, одинок и хил,
надсаживался до потери сил.
Он не был, честно говоря, умен:
хотел, чтоб сын таким же был, как он.
Однажды он сказал «Кукан, сынок,
я, кажется, не в шутку занемог.
Дрожу, как тал трухлявый на ветру,
сдается мне, что скоро я умру.
Ты слушай, что я говорю, не плачь,
останутся тебе: земля, омач,
бычок, упряжка, домик наш, арба —
достаточно для божьего раба.
Веди хозяйство бережно. Женись.
Дом без жены не дом и жизнь не жизнь.
Вот так... Сумеешь — землю прикупай.
Старайся стать таким, как Шариф-бай.
Что невдомек — не делай наугад,

спроси у тех, кто знает, кто богат:
у бая, у муллы... Плохого нет —
от мудрых мудрый выслушать совет.
Ну вот и всё», — вздохнул Маманияз.
Потом пришел его последний час.

Оставшись без отца, Кукан сперва
не знал, как быть. Кружилась голова:
всё прожито, кормов пропал и след,
пучка сухой соломы в доме нет.
Подумал, потомился, а потом пошел
за наставленьем в байский дом.
Два раза поклонился и сказал:
«Шариф-ака, что делать, я пропал!
Скажите, как мне справиться с бедой.
Отец мой умер, стал я сиротой.
Поминки, саван — вот и пуст карман,
хоть в петлю лезь: ни денег, ни семян!»
— «Ну, это пустяки, — ответил бай, —
найдем тебе деньжат, не унывай,
но знай: посеешь хлопок — пропадешь.
Работы много, а доходу — грош.
Пшеницу сей. Посеешь по весне,
потом две трети урожая — мне.
А деньги вот. Ну что ж, бери, Кукан!»
Так бай заманивал юнца в капкан.
Кукан замялся: «Взять или не взять?
Взять не хитро, сумею ли отдать?»
Минуту помолчал, махнул рукой,
сказал: «Посмотрим!» — и ушел домой.
Подумал: «Если вдруг неурожай —
бай всё отнимет, обездолит бай».
Продав халат, продав большой казан,
купил полмеры луковых семян.
Решил поглубже землю бороздить,
решил прополку чаще проводить.

Сказал себе: «Коль хорошо пойдет,
тогда женюсь на следующий год».
Изматывался, не жалея сил.
Отсеялся, шалаш соорудил.
Сидит и сторожит... А для чего?
Кто столько лука купит у него?
И не купили. Заработал грош,
хоть урожай и вправду был хорош.
«Беда, — сказал бедняга, — ах, шайтан!
Каких же мне теперь искать семян?
Спросить, узнать... А у кого узнать?
Бай оскорблен — не станет отвечать...»

Не зная, посоветоваться с кем,
так маялся Кукан. А между тем
колхозники уже не раз, не два
беседовали с ним: «Эх, голова!
Уперся на своем, как в землю врос.
Тебе давно пора вступить в колхоз.
Для бедняков таких, как мы и ты,
колхоз — осуществление мечты.
Когда мы вместе, кто сильнее нас?
А кулачью уже не долгод час.
Решайся, парень. Станет общим труд —
пустыни цветниками расцветут».
Но был упрям Кукан. Все «нет» и «нет».
«Я буду жить, как мой отец и дед».
И, вспомнив кстати о словах отца,
пошел к мулле. Склонился у крыльца,
прочел вечернюю молитву «шам»,
сказал: «Святой отец, я с просьбой к вам.
Затмила мне глаза незнанья тень.
Что сеять мне: пшеницу иль ячмень?»
Вздохнул и так, чтоб увидал мулла,
рублевку положил на край стола.
Мулла благословенье пробубнил,

раскрыл Коран и сказку сочинил.
Сказал: «Велик Аллах! Внимай, Кукан.
На твой вопрос мне дал ответ Коран.
Устами бога так глаголет он:
„Кто сеет просо — будет награжден“.
Усвоил речь? Уразумел — о чем?
Уснешь ни с чем, проснешься богачом».
И заключил, дурача простака:
«Аминь, да будет жизнь твоя легка!»

Пришел домой обманутый Кукан.
Взял в долг у друга пять пудов семян.
Посеял просо, чтоб ему сгореть!
Изныл душою, желтый стал, как медь.
Земля была, как жизнь, тоща и зла,
взяла все силы, горсточку дала.
Не хватит даже долг вернуть. Беда!
А впереди — морозы, холода...
Но если взял — отдай. Таков закон.
Кукан скорбел: зачем родился он?!
Уж лучше камнем быть, лежать в пыли,
чем жить крестьянином — рабом земли.
Но плакать да стонать — какой же толк?
Вновь продал часть пожитков, скинул долг.
Потом, чтоб худо-бедно, как-нибудь
до теплоты, до лета дотянуть,
с корчагами расстался, с хомутом...
Так оголяя двор, сарай и дом,
порою сыт, порою натошак,
дождался вешних дней Кукан-бедняк.
Сказал: «Что сеять, сам теперь решу.
Ни у кого совета не спрошу».
И выбрал репу. Хороша к столу
и на продажу, а ботва — волу.
Опять залез в долги, семян купил,
опять трудился до потери сил,

а результат — о господи! — опять
такой, что впору лечь и помирать.
Повез на рынок ворох чуть не с дом,
и хоть бы кто-нибудь спросил: «Почем?»
Вокруг смеются: «Караул! Вайдот!
Мы репу кушали в голодный год.
Иль ты соскучился по той поре,
рехнувшись на своем пустом дворе?»
Язвят, подкусывают так и сяк.
Совсем лишился головы бедняк.
Пошел, вола навьючил и — айда
в далекий путь. Куда? А вот куда.
Был у него знакомый Кулунтай,
жил в Вуадиле. Не сказать, что бай,
но не из бедных. Вкусно пил и ел,
поскольку маслбойкою владел.
Кукан нанялся на зиму к нему.
Крутил машину, поджидал весну.
Весной в кишлак вернулся и опять:
«Что посадить? Как семена достать?»
Вот тут-то бай Шариф, неждан, незван,
пришел к бедняге: «Как живешь, Кукан?
Ой, вижу, подсекла тебя нужда!
И это всё — твои земля, вода.
Томишься, маешься уж третий год...
Отдай их мне, избавься от забот.
Стань у меня издольщиком, Кукан,
не пожалеешь, будешь сыт и пьян.
Посеешь на земле морковь и маш,
оставишь долю, девять мне отдашь.
Ну что замялся? Соглашайся, брат,
к зиме получишь сапоги, халат.
Чем не житье? Хоть в стужу, хоть в грозу
сиди и попивай себе бузу».
Понасулил, с три короба наплел
и, усмехаясь в бороду, ушел.

Кукан помаялся еще денек
и согласился. Устоять не смог.
Поставил снова на поле шалаш.
Посеял — вырастил морковь и маш.
И что ты скажешь! Неудача вновь.
Маш — точно камень, несладка морковь.
И — недород. Произвели дележ —
с одной десятой с голоду умрешь!
Быть может, бросить землю и бежать?..
Нет. Так себя не станешь уважать.
Опять на маслобойку? Нет, не так.
Там прижился уже другой батрак.

И вот доел он маш, доел морковь,
стал желт и тощ, как потерявший кровь.
А тут — зима. Земля белым-бела.
Махнул рукой: «Пойду продам вола!»
Повел, погнал скотину на базар.
А вол — совсем скелет, хоть и не стар.
Кого прельстит? Найдется ль вертопрах —
взять эту грусть на четырех ногах?
Один съязвил: «Да разве он живой?»
Он — призрак, тень, ручаюсь головой!»
Другой сказал: «Покуда не подох,
задаром я бы взял. Уж больно плох!»
Тут маклеры вмешались: «Покупай!
Откормишь — станет гладким, точно бай!
А ты продай, но много не проси,
а то упустишь, боже упаси!»
Кукан подумал: «Чтоб не прогадать,
за три червонца надо бы продать».
Но так как он совсем не ел с утра,
два попросил, отдал за полтора.
Всего лишь? Да, не более того.
Но лучше что-нибудь, чем ничего.

Прошло немного дней. Взмолнован Чует.
Большая весть у всех не сходит с уст.
Еще сто пять дехкан (да-да — сто пять!)
колхозниками захотели стать.
Кишлак шумит, гостей из центра ждет.
В день смерти Ильича назначен сход.
Предсельсовета ходит по дворам,
к середнякам заходит, к беднякам,
зовет и женщин, не одних мужчин.
У нас теперь для всех закон один.
Кукана встретил. «Как живешь?» — спросил.
Поговорил и тоже пригласил.
Но вот и день настал, и час настал.
Повсюду заспешили стар и мал:
«Скорей, друзья, скорей, уже вот-вот
приедут гости и начнется сход!»
Собрали бедняков, середняков,
собрали молодых и стариков.
Всех работяг собрали на майдан.
Явился, озираясь, и Кукан.
Стал с краешку, оперся на дувал.
«Не уставать вам!» — вежливо сказал.
И услышал: «И ты не уставай.
Что стал в стороночке? Сюда давай.
Ну как у бая? Роскошь? Благодать?»
Кукан молчал, не зная, что сказать.
Дул быстрый ветер, трепетал врасяг
багряный с траурной каймою стяг.

Вдали заметно за клубилась пыль,
к майдану подкатил автомобиль.
«Приехали! Приехали! Ура!» —
ликуя закричала детвора.

Приехавшие не спеша сошли,
к столу президиума подошли.
Предсельсовета встал и встретил их.
Сказал: «Внимание!» — и майдан затих.
«Собрание трудящихся крестьян
открыто!» — услышал бедняк Кукан.
И тут оркестр колхозный заиграл
великий гимн «Интернационал».
Все поднялись. Торжественна, сильна
лилась, лилась мелодии волна.
Потом, когда последний звук затих,
один из хлопкоробов молодых
сказал, затронув души и сердца:
«Товарищи, в честь Ленина-отца
одну минуту молча постоим».
И стало тихо-тихо... Недвижим
стоял Кукан. Растроган, удивлен,
едва от слез удерживался он.
Всё было ново, всё наперекор тому,
что видел он до этих пор.
Кто вел собрание? Батрачка. Вот она
спокойно поднялась, ловка, стройна,
сказала всем: «Сейчас начнет доклад
инструктор из райкома Халмурад».
Рукоплескания, приветный гул.
Встал парень в кожанке, вперед шагнул.
Заговорил. В словах — задор, призыв.
Кукан внимал, дыханье затаив.

«Товарищи! Прошло уже шесть лет,
как умер Ленин, но его завет,
его дела, мечты его размах —
не в наших ли стремленьях и делах?!
Объединясь, идя его путем,
мы людоедам-баям сердце рвем.
Везде у нас кипит ударный труд.

Растут заводы, фабрики растут.
Гиганты эти каждый день и час
ударных темпов требуют от нас.
Ишаны, баи строят козни нам,
шипят, язвят, желают розни нам.
Пускай! Мы тоже не лежим, не спим.
Наш каждый трактор — оплеуха им.
Распашем, унавозим все поля —
богатый урожай вернет земля.
Коль станет сплошь колхозным наш кишлак —
мулла увянет, скрючится кулак.
Кто он — мулла? Он груз, что тянет вниз,
петля на шее, байский блюдолиз.
Прочь этот сор! Пусть будет чистым дом,
пусть нашим другом станет агроном.
Товарищи! Весна уже вот-вот.
Что даст ткачам колхозный хлопковод?
Пора, давно пора нам перестать
у заграницы хлопок закупать.
Растрачивать свой золотой запас
на тех, кто явно точит нож на нас!
Пусть ни одной полоски поливной
не будет незасеянной, пустой.
Чтоб каждый, кто бы нам ни угрожал,
увидел нашу силу — урожай.
И, проиграв бескровный этот бой,
задохся бы от ярости слепой.
Вы знаете: среди союзных стран
наилучший хлопкороб — Узбекистан.
В единстве братском став сильнее вдвойне,
миллионы тонн должны мы дать стране.
Понять, в чем суть колхозов, не хитро:
совместный труд, совместное добро.
Но, если будем мы дружны и впредь,
мы всех врагов заставим онеметь.
Ведь, силу многих воедино слив,

становится гигантом коллектив.
„Твоя земля, моя земля“ — не жизнь.
Для блага всех разрушим все межи!..
Товарищи! Наш уровень возрос:
еще сто пять хозяйств войдут в колхоз.
Вы сами тут решите, как вам быть.
Но наш совет — не надо сил дробить.
Разумнее всем новым ста пяти
в уже сплоченный коллектив войти.
Хотя бы — Кзыл Курган. Тогда бы он
и вправду мощным стал, как бастион.
Тогда бы он за множество заслуг
прославился на сотни верст вокруг.
Вот так, друзья. Могучий наш союз,
не оступясь, любой поднимет груз.
Да, Ленин умер. Умер, но живет.
Его дорогой мы идем вперед.
Мы ленинцы. Он с нами — вождь и друг.
Штурвал машин не выпустим из рук!»

Так он закончил речь, и всё кругом
потряс рукоплесканий гулкий гром.
Потом, советуясь, как быть,
как жить, другие тоже стали говорить.
Сначала вышел острый на язык,
видавший много бед батрак Разык.
Сказал: «Мы всей душою за колхоз.
Что видел я у бая, гол и бос?
Трудился, набивал ему амбар.
Ему был плов, а мне от плова пар.
Все наши баи так. Шариф, Ильхам,
Саид, Наби, Кудрат, мулла Бахрам.
От чьих трудов у них что хочешь есть?
Коней не счесть, коров, овец не счесть,
угодий не обмерить поливных...
Всё это нами добыто для них!

Довольно! К дьяволу! Пришла пора
самим взять вожжи своего добра.
Себе — свой разум, свой умелый труд.
А баев — прочь! Пусть баи глину жрут!
Их надо ликвидировать как класс.
Земля — для тех, кто трудится. Для нас.
Но враг упорен. Враг не сдастся сам.
Он лезет к беднякам, к середнякам,
морочит их, вливает в уши ложь:
„В колхозе зло. В колхозе пропадешь!“
И что скрывать! Порою их аркан
не зря летит. Вот, например, Кукан.
Спросите-ка его, как он живет,
как мыкается он четвертый год.
А что причиной?.. На свою беду —
у бая, у муллы на поводу
Юн, зелен, опыта в хозяйстве нет.
Пришел к Шарифу: „Дайте мне совет“.
Ну и пропал! Что есть у парня? Пыль:
вол полусдохший и омач-горбыль.
А ходит в чем? А ну, бедняга, встань.
Пять лет уже он носит эту рвань.
Хоть раз бывал он сытым? Нет. И что ж?
Нейдет в колхоз. Вот как дурманит ложь!
Мы знаем их слова: „Толпа слепа.
К добру не может привести толпа.
Зачем колхоз? Зачем артельный труд?
Где много пастухов, там овцы мрут“.
Лгут хитрецы. Сулят не жизнь, а рай.
„Ты только землю, — говорят, — отдай“.
А ну, Кукан, сейчас при всех ответь,
не так ли ты попал к Шарифу в сеть?»

Кукан стоял потупившись, краснел.
«Я кончил», — объявил Разык и сел.
Потом поднялся, покаясь на стяг,

женоподобный, средних лет толстяк.
Он так сказал: «Эй, постыдись, Разык!
Совсем ты уважать людей отвык.
Ты на Шарифа зря не нападай.
Шариф-ака — почтенный, добрый бай.
И зря муллу ты пачкал так и сяк.
Смотри...» Но досказать не смог толстяк.
«Умолкни!» — раздалось со всех сторон.
— «Торгаш поганый! Убирайся вон!»
— «С дружками вместе — с баем и муллой
в одной могиле сгинь, пузырь гнилой!»
— «Теперь уж мы не батраки, не те,
что, всех боясь, томятся в нищете!»
— «А кто тебя пустил сюда, паук?!»
И тут же, в десять иль двенадцать рук,
схватили цепко и, намяв бока,
с майдана вытолкали толстяка.
И снова речи, реплики... И вот
пришел и заявлениям черед.

Азиз... Надыр... Астанакул... Баймат...
Ладоней гром, приветствий водопад.
Вступивших вписывают в чистый лист...
Тут встал один партийный активист
и, вскинув руку, предложение внес:
«Пусть Ленинским зовется наш колхоз!»
И снова будто шквал потряс майдан.
Потом Разык сказал: «А что ж Кукан?
Так в нищете и проживет все дни?..
А ну-ка, сам откликнись, кашляни!»
Кукан замялся, думал, оробев:
«Вступив, не навлечешь ли божий гнев?
Не запятнаешь ли грехом души?»
Но всё ж решился, выдохнул: «Пиши!» —
и рукавом халата вытер пот...

Кукан навек запомнил этот сход.

3

Чуст на подъеме. В прошлом — время бед.
Единоличников здесь больше нет.
Нет кулаков. Их выгнал коллектив.
Мулла Бахрам, Наби, Саид, Ариф
лишь вспоминаются порой, как сон.
Фундамент новой жизни возведен.
За быстрый рост, за славные дела
колхозу Ленина везде хвала.
Крестьяне — молодежь и старики,
те, что и ныне молодо крепки, —
хлопчатник вырастив на целине,
большой подарок сделали стране.
Верны заветам Ленина-отца,
сверх плана дали сотни тонн сырца.
Египетских семян у них гора.
Коней у них сменили трактора.
Всё обновилось. И батрак Кукан
теперь уже не тот простак Кукан.
И не батрак уже, а тракторист.
Исчезла робость. Ум, как утро, чист,
достаток в доме. Всё, что нужно, есть.
Ешь хоть весь день, когда захочешь есть.
Где круг не мал, там и доход не мал.
Кукан поздоровел, улыбчив стал.
Женился ровно год тому назад.
Довольны оба. В доме добрый лад.
Ребенка ждут в начале ноября —
и счастливы. Сияют, как заря.
Мечтают: кто родится? Он? Она?..
У них уже готовы имена.

Для девочки — как песня: Пахтаой.
Для мальчика — Пулат, чтоб был стальной.
Э, кто бы ни был, скажем: «В добрый час!»
Мы ленинцы. Заря светла для нас.

Часть вторая КУКАН-КОЛХОЗНИК

ТОВАРИЩЕСКОЕ ПИСЬМО

Сперва напомним, кто такой Кукан.
Колхозник. Я писал о нем дастан.
Он горемыкой жалким прежде был,
наивным простаком, невеждой был.
Батрачил, проливал потоки слез,
покуда, к счастью, не вступил в колхоз.
Но вот беда! Хоть мы с ним и друзья,
так вышло, что его обидел я.

В те дни, когда он был еще бедняк,
прощаясь, мы уговорились так:
«Чтоб не прервалась нашей дружбы нить,
чтоб классовых врагов вернее бить,
в сторонке от борьбы, лентясь, не спать, —
подбадривать друг друга, навещать».
И что ж?!. Нет, нет, я не оставил фронт,
я не молчал, набравши воска в рот.
В борьбе эпох безжалостно, остро
разило недругов мое перо.
Но в жаре схваток, в суматохе дел
я побывать у друга не успел.
А мог бы... Слова не берут назад.
Сказал — исполни. Каюсь, виноват.
Забыл. Не знал о друге ничего.

И вот — письмо. Из Чуста. От него.
Письмо такое: «Молодец, поэт!
Выходит — честной, верной дружбы нет.
А ну-ка вспомни, кем я был, кем стал,
когда ты обо мне дастан писал?
На нищенском клочке, трудясь, как мул,
бесплодно, бестолково спину гнул.
На маслобойке, чтоб ей сгинуть, был,
последних сил лишаясь, масло бил.
Батрачил у Шарифа-кулака,
узнал, как доля рабская горька.
Ходи в отрепьях, в холоде ночуй.
Захочешь есть — давись, объедки жуй.
Потом, поэт, я встретился с тобой,
с надеждой, с новой встретился судьбой.
Ты и твои друзья сказали мне:
„Вступай в колхоз, трудись на целине“.
„Когда молотят на большом току —
охвостьев нет“, — внушили бедняку.
Я внял советам. А затем, поэт,
уехал ты, и всё — пропал и след.
А мы ведь, помнишь, в дружбе поклялись.
И не на час, не на день, а на жизнь.
Вот так-то, друг поэт... Раз пять иль шесть
случалось мне стихи твои прочесть.
Читал взахлеб. Но тут же, что скрывать,
ругал твое умение забывать.
А дочка-говорушка Пахтаой
выпытывала: „Это кто такой?“
Ну ладно, друже, собирайся в путь.
Не прогадаешь, есть на что взглянуть.
Всё ветхое давно пошло на слом.
Как говорится, слоник стал слоном.
Колхоз в расцвете. Сыт, обут, одет.
Имамы не в почете, баев нет.
Жизнь бьет ключом. Наполнен каждый час.

Я убежден, что, побывав у нас,
ты сочинишь еще один дастан.
Ну, до свиданья. Жду. Твой друг Кукан».
Прочел я это, жарясь, как в огне,
как будто оплеуху дали мне!
Что возразить?.. Забыв про все дела,
я стал конем, грызущим удила.

В КОЛХОЗЕ

Вперед, верблюду желания, вперед!
Помаявшись, собрался я в поход.
Запасся крепким вещевым мешком,
взял флягу, хлеба взял, пошел пешком.
Свищу, пою, шагаю широко.
Прозрачен воздух, дышится легко.

Пускай привал далёко, ничего!
Приду, увижу друга моего.
Побуду, погощу, потом опять —
перо, бумага, чай... Писать, писать!
Но вот окончен путь. Передо мной
украшенный трудом простор земной.
Рядки, рядки — без края, без границ,
прямые как сорок девичьих косиц.
В коробочках упругих каждый куст.
Посмотришь — скажешь: в нитках
крупных бус.

Еще посмотришь — сразу видно, он
с любовью, с уважением взращен,
И все они, несметные, цветут,
стократно оправдав упорный труд.
Как зелень их чудесна, как сочна!
Ее краса красе небес равна.

А вот и те умельцы-мастера,
чья добрая забота так щедра.
Проворны руки их, верны сердца.
Их этот мир без края, без конца!
За пояс полы подвернув, идут.
Поют. Задорно, весело поют:

«Едут с хлопком караваны, яр, яр!
Бусы девушек багряны, яр, яр!
Кто живет без коллектива, яр, яр!
Тот не может быть счастливым, яр, яр!
Ароматом дышат розы, яр, яр!
Расцветает сад колхоза, яр, яр!»
Скорей, бодрей пошел навстречу я,
сказал: «Салам, не уставать, друзья!»
Обрадовались, тискают бока:
«Салам! Салам! Где пропадал, ака?
Как дети? Как семья? Здоров ли сам?»
— «Здоров, спасибо», — говорю друзьям.
«Ой, неужели это ты, Кукан?»
Едва узнал его. Усат, румян.
Пудов на пять детина. Грудь бугром.
Рубаха — ластик, голенища — хром.
Сажеными шагами подбежал,
почти до боли крепко руку сжал.

Сказал с усмешкой ласковой: «Ну как?
Не будь письма, ты б не пришел в кишлак?
Работы, говоришь, непроворот?
А здесь у нас забот не полон рот?»
Потом мы с ним пошли в руке рука
в колхозный клуб, что в центре кишлака.
Там был детишек целый караван.
«Они здесь временно, — сказал Кукан, —
мы строим для колхозных малышат

отдельные и ясли и детсад».
Тут к нам девчушка-крошка подошла,
за шею Куканджана обняла.
Туга, кругла, как золотой ранет.
Глазенки черные, чернее нет.
Кукан сказал ей: «Дядя — в гости к нам.
Знакомься, дочка, говори салам».
Как славно было на нее смотреть!
Свет глаз моих, как шелковая сеть,
окутал нежно с головы до ног
чудесный этот молодой росток.

Затем, когда мы вышли, Куканджан
вернулся вновь на полевой хирман.
А я, поотдохнув, решил пока
взглянуть на новый облик кишлака.
Да, много сделал Ленинский колхоз,
как в сказке, он три эти года рос!
На каменистых землях, на буграх
построил новый мир. Какой размах!..

Корыстный мир бесстыден и нелеп.
Где честные дела, там честный хлеб.
Вот цифры урожаев на щите —
свидетельство о сбывшейся мечте.
Сто, полтораста, двести шестьдесят...
Три года роста — доблести парад.
Да, тут умно организован труд.
Тут нету зря потраченных минут.
И здесь не на пуды, — на тонны счет.
Вот он, свободный труд, свободный взлет!

Но дальше, дальше!.. Новый скотный двор.
Стоят быки — красавцы на подбор...
Крутые лбы, прищур багровых глаз.
Породисты, надменны. Экстракласс!

А вот — крольчатник. Ух ты, сколько их —
молочно-белых, серо-голубых...
Но тут меня окликнули: «Салам!
Кукана видели? Надолго к нам?»
Я посмотрел — Халпош, его жена.
Но изменилась как! Бойка, полна.
На свадьбе, помню, стебельку под стать,
сидит, молчит, не смеет глаз поднять.
Теперь не то. Сказала тотчас мне
что трудится в колхозной ашхане,
что на обед Кукан придет домой
и будет очень рад поесть со мной.
«Прошу, не опоздайте!» — и ушла,
сославшись на служебные дела.
Я дальше зашагал. Увидел склад.
Мешки тугие, полные лежат.
Пшеница. Золотистое зерно.
Тут закурить мне захотелось, но,
случайным взглядом по стене скользя,
прочел я надпись: «Здесь курить нельзя!»

НОВЫЕ ЛЮДИ

Какие жители, таков кишлак.
Над сельсоветом вьется алый флаг.
Дома, как будто вышли на парад,
белым-белы вдоль улицы стоят.
Легенды блекнут, легендарна быль.
Здесь высились бугры, вихрилась пыль.
Но честного труда обильный пот
недаром пролил доблестный народ.
Тут каждый занят хлопком, стар и мал.
Для всех он тут заботой главной стал.
Ударничество здесь впиталось в кровь.

Здесь труд надежен и крепка любовь.
Кто скажет, что в колхозе этом есть
пятнающие трудовую честь,
летающие, как тля, из края в край,
чтоб ухватить побольше каравай?
Таких здесь нету! Здесь, гордясь трудом,
не покидают свой родимый дом.
Здесь на большое дело сплочены
не только для себя — для всей страны.
Спадает зной. Добреет, блекнет день.
Литого солнца золотой кетмень
всё ниже, всё краснее — и пропал.
Пылает горизонт, прозрачно ал.
Снежок луны украсил небосвод.
Гудит карнай, крестьян домой зовет.
И вот они идут, богатыри.
Их лица в алых отблесках зари.
Глаза ясны, задорно-звонок смех.
Тут все за одного, один за всех.
Им не нужны молитвы и мечеть.
Идут, поют... Давайте с ними петь.
«В пышных россыпях белого золота,
веселитесь и радуйтесь молодого.
Шире площадь хлопковых плантаций,
зерновые пускай потеснятся.
Вместо ветхих училищ-развалин
строим сотни просторных читален.
Вместе в поле мы, вместе за партами.
Нас ведет большевистская партия!»

Куда их путь? Дневной закончен труд.
Они сейчас в столовую идут.
Им хорошо. Смеясь, острот клинки
умело скрещивают остряки.
Да, о былом никто здесь не скорбит.
Культурно дело их, культурен быт.

Пришли, умылись. Тут царит Халпош.
К ней в ашхану неряхой не войдешь.
Заманчиво кипит-бурлит котел,
свежи скатерки, чисто вымыт пол.
Присели, распустили пояса.
С едой покончили за полчаса.
Тут встал один, вниманья попросил,
на общее собрание пригласил.
Сказал: «Вопрос ответственный, друзья,
откладывать его никак нельзя».
И все собрались в красной чайхане.
Пришел и я со всеми наравне.

ПЛАНЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Про всё, что было там, от «а» до «я»
рассказывать сейчас не буду я.
Вопрос был в том, кого из этих мест
отправить в город на колхозный съезд, —
кто, эту честь большую заслужив,
докладит, как работал коллектив.
Что говорить, нешуточный вопрос!
Приходится задуматься всерьез.
А рапорт наш? Каким он должен быть?
Тут встал Кукан и начал говорить.
И что же? Признаюсь, его доклад
легко и просто дал мне шах и мат.
«Вот, — думал я, — как нужно тему знать,
чтоб легковесных строк не сочинять!»
И все, кто был тут, согласились с ним:
«Пусть рапорт будет именно таким!»
Видны в нем и сегодня и вчера,
он яркий уголь общего костра.
Но к делу, к делу! Хватит общих слов.

Доклад Кукана в целом был таков:

«В 31-м году у нас было 146 хозяйств, сейчас — 461 хозяйство.

В 31-м году у нас было 200 гектаров земли, в 33-м году — 978 гектаров.

В 31-м году мы получили с гектара 100 пудов урожая, в 32-м году — 160 пудов, в 33-м году — по 200 пудов с гектара.

305 хозяйств обзавелись коровами и телятами.

В 31-м году на трудодень было выдано по 1 рублю 20 копеек и по 2 килограмма пшеницы.

В 32-м году колхозники получили по 2 рубля 15 копеек и по 5,4 килограмма пшеницы на трудодень.

В нынешнем 33-м году мы выдали на трудодень по 3 рубля 50 копеек и по 7,1 килограмма пшеницы.

Участие женщин в общественной работе достигло 90 процентов.

В 31-м году грамотных было 12 процентов, в 33-м году — 97 процентов.

63 процента наших работ механизированы.

125 хозяйствам мы построили новые дома».

Да, вот как вырос он — Кукан-батрак!

А были дни — боялся сделать шаг.

Всего три года минуло с тех пор,

как шел он разуму наперекор —

поверив, что колхоз — источник бед,

трусливо упирался: «нет» и «нет».

Всё то, что ввали бай, торгаш, имам,

как жемчуга, подвешивал к ушам.

И все-таки — смотри — сумел батрак

покончить с нищетой, рассеять мрак!

Раскован разум, чист и прост язык...

Какого мудреца он ученик?!

Не скрою, этот строй звенящих строк —
взволнованной души моей восторг.
Диктует их горячая любовь.
Все наши перемены, наша новь
не только в том, что сыты кишлаки,
что новых фабрик множатся гудки,
что ныне пашет землю не соха,
а мощные стальные лемеха.
Еще важней воздвигли зданье мы.
Расширили свое сознание мы.
В бесклассовый, отрадно новый век
войдет свободный новый человек.

Вернусь к рассказу. Председатель встал
«Теперь приступим к выборам, — сказал, —
есть предложение, чтоб на съезд от нас
поехали Кукан и Бекнияз».
Согласный шум, рукоплесканий шквал...
Избранники, достойные похвал,
с улыбкой встали, опустив глаза.
Все дружно проголосовали «за».
Так завершился день. Был поздний час.
Халпош давно уж поджидала нас.

ЗАДУШЕВНЫЙ РАЗГОВОР

Хороший дом был у него теперь.
Высокая двустворчатая дверь,
двойные рамы, деревянный пол...
Да, не зазря трехлетний срок прошел!..

В окно звездой жемчужной смотрит ночь,
тихонько спит в резной кровати дочь.
Широкой ниши правильный овал.

Гора подушек, горка одеял.
Над дастарханом вьется легкий пар,
сопит блестящий белый самовар.
Лепешки белые, кишмиш, каймак...
Ну что ж, Кукан достоин этих благ.
Не просто он все беды превозмог,
сбивался с шага, точно стригунок.
Недоедал, недосыпал порой.
Без тени летом, без тепла зимой.
Теперь все эти муки позади.
Теперь пиявок он сорвал с груди.
В ряду борцов, борясь за нашу новь,
он шел вперед, пролив и пот и кровь,
и разгромил кулацкий вражий стан.
«Ну что же ты сидишь молчишь, Кукан?
Три года жизни не короткий срок.
Рассказывай, разматывай клубок».
— «Да, было всякое, — сказал Кукан, —
не сразу улетучился дурман.
Вот — курсы трактористов. Верь не верь,
я не легко шагнул за эту дверь.
„Вдруг это грех, вдруг покарает бог!..“
Пятнадцать дней отважиться не мог.
Ну, как-никак решился, поступил.
Сам иногда дивлюсь, каким я был.
Что дальше?.. Наконец, на трактор сел.
Как видишь сам, окреп, поздоровел.
Дела у нас с женой пошли вперед.
И то сказать, где труд, там и доход».

Он говорил о том, кем был, кем стал,
как бы тетрадь передо мной листал.
Как рос он, как менялся с каждым днем,
как чувство класса пробуждалось в нем.
И вдруг, рванув рубашку на груди,
сверкнул глазами, выдохнул: «Гляди!

Вот здесь, пониже. Как? Добротный шрам?..
От бая, от хозяина — салам!
Ужалил, змей! Актив и партбюро
пришли к нему отыскивать добро.
Позеленел, затрясся Шариф-бай,
сказал: „Смотри, щенок, не прогадай!“
А через день — за пазуху кинжал —
и в камышах на зорьке поджидал.
Я шел, стеречься не видал причин.
И вдруг как на колючку наскочил.
Успел узнать, успел схватить его...
А что потом — не помню ничего.
Очнулся на кровати, еле жив:
„Где мироед проклятый? Где Шариф?!“
Исчез Шариф. Искали — нет и нет!
И все-таки попался, мироед.
Он как хитрил? Усы, бородку сбрил,
очки потолще на нос нацепил.
Ушел от нас подальше налегке,
стал счетоводом в горном кишлаке.
Таился, притворялся целый год,
пока не разгадал его народ.
Да, здесь борьба порой была жестка,
немало мы повыжгли сорняка!..
Вот так-то...» — заключил рассказ Кукан.
Неторопливо расстегнул карман...
«Ну что, поэт, получится дастан?» —
и книжицу ударника достал.
«Смотри, — сказал он, посветлев лицом, —
вот знак того, каким я стал борцом.
Борцом за качество, за урожай,
борцом за то, чтоб цвел родимый край.
А знаешь, как живу? За прошлый год
на трудовень мне дали семь пятьсот!»

«Да, брат, — сказал я, — ты живешь не зря».

А за окном уже взошла заря.
Добротная, подобная горе,
корова замычала во дворе.
Запел петух, за ним — округа вся...
День трудовых свершений начался.

Кукана путь — десятков тысяч путь.
Рассвет, который вспять не повернуть.
В дастане этом — бой за счастье масс.
Герой дастана — победивший класс.

Наш мудрый вождь, наш авангард в борьбе
родная партия ВКП(б).
Поля сражений — грудь родной земли.
Всю грязь, всю нечисть мы с нее смели.
Сгорели звери баи, начадив.
Все страны мира слышат наш призыв:
«Эй, труженики, хватит вам терпеть,
вставайте, стройтесь, капиталу смерть!»

Друзья, не всё, что я хотел сказать,
мне удалось вместить в мою тетрадь.
Ну ничего! На съезде, будет час,
Кукан-ака дополнит мой рассказ.

1930-1933

Перевод В.Липко

ВЫШИВКА

Эта вышивка,
льющаяся, как ртуть,
сверкающая серебром
и позолотой, —

чью изнуряла
чистую грудь?
Чьих

рук

работа?

Чья печаль,
терпеливо втыкая иголку,
пришивала жемчужины
к этому шелку?

Жемчужины
на желтом пламени роз,
подобные каплям
скорбных слез...

Чей талант,
продав себя за копейку,
растрачивался
на эту тюбетейку?

Но кто же в мире
достиг идеала?

Взгляни

на рисунок

позорче.

Минусов тут
не так уж мало,
хоть в целом он
не испорчен.

Какая-нибудь рисовальщица,
старая-старая,
вывела старый
иракский узор.

Рука у нее была

усталая,

усталая с давних пор.

Вышивальщица

расцветку составила наскоро:

фисташковый,
желтый,
капустный...
А молодежи сейчас
нравится красное.
И — чтоб не прозрачно,
а густо.
Стежка
местами груба,
 негожа,
околыш заметно великоват,
верхушка излишне остра...
Но кто же,
кто же тут виноват?
Рисовальщица?
Разве ее не простишь?
Много детей,
 бессчетно внуков...
Начала узор —
 заплакал малыш:
бросай кисточку,
 иди баюкай.
С вышивальщицы тоже
спросишь не очень.
Дел по хозяйству
 невпроворот.
За шитье берется
поздней ночью,
когда
 весь дом
 уснет.
Обстирай всех,
накорми всех.
Завтрак,
обед,
ужин...

А со стежалъщицы
и вовсе спрашивать грех:
вчера
похоронила
мужа...

Помню —
мы были тогда мальчуганами —
на улице бродили
плечистые парни,
задорные,
форсистые,
чванные —
один другого шикарней.
На каждом
по несколько
поясных платков,
расшитые тюбетейки
набекрень.
Стучат подковками
высоких каблуков,
усами пронзают
солнечный день.
Старики на таких
смотрели, млея:
«Ах, красавец!
Ой, молодец!
Такой на улаке
всех одолеет.
Узнать бы,
кто у него отец...»
Сегодня
у нас
мера иная.
Сто лет жизни

этому
рабочему парню!
Руки в мозолях,
 глаза пылают...
Первый на нашем заводе ударник.
В нем и достоинство
 и удальство.
Он с другом вступил
 в соревнование.
Металл оживает в руках его,
ревет,
 как лев
 раненый.
Других
 рабочих парней
 вдохновив,
он их повел
 за собою,
и был ликвидирован
 в цехе прорыв,
и план перевыполнен
 вдвое.

А слышали вы
про его жену?
А слышали вы
про его сестру?
Им тоже
почет по праву,
им тоже
плечи выпрямил труд,
дал
 и силу
 и славу.

На фабрике
первые
 среди ткачих —

талантливые,
искусные...
Побольше бы нам
девчат таких,
побольше бы нам
парней таких,
множащих
мощь
индустрии.

Нет,
не торчащие в небо усы,
не тюбетейка,
что ярко расшита, —
основа достоинства и красоты,
основа
славы джигита.
Достоинство в том,
чтоб жену свою —
Кундуз,
Хайри,
Халпош,
Зульфию

освободить
от тяжких забот,
лишающих сил,
вгоняющих в пот:
от стирки,
варки,
от целого ряда
пустых суеверий,
нелепых обрядов.

Женщины!
Славьте
новый рассвет.
Старому быту

скажем «нет»!

Скиньте чачваны
позорные, черные!
Вас ожидают
квартиры просторные,
вам
радушно

откроют объятия
магазины готового платья,
вас
ожидают обеды

в новых,
незакопченных,
чистых столовых.

Ваших малюток
ясли ждут,
вас
фабрики ждут

и заводы.

Свободный
для общего блага труд —
бодрость

на многие годы.

Ваши способности,
сдавленные в клетке,
вбитые
в тюбетейки,
ковры,
пояса,
должны теперь
служить пятилетке, —
тогда засверкает
ваша краса.

Хватит!
Покончим

с наважденьем веков.
Пускай,
почетом и славой
увенчаны,
радуясь жизни,
цветут у станков
наши спутницы —
женщины.
Пусть им поют
заводские гудки.
Час пробужденья
светел.
Пусть
кумачовые их платки
вольный
ласкает ветер.
А вы,
тюбетеек расшитых любители,
в кепках рабочих
ходить не хотите ли?

1930

Перевод В.Липко

ЮЛДАШ

1

Тала-Таш,
ты от мирного взора далек,
не дождаться дождя
с раскаленных небес.
Не играет река,

и последний листок
уронил
оголенный,
обугленный лес.

Кобылица не ржет,
и не блеет овца.
Всюду стон,
всюду боль,
всюду смерть
и беда —
им не видно конца.
Страх изводит сердца.

Камни катятся с гор.
Тяжек путь беглеца.
И мутнеет вода.
И от голода ноги
тяжелее свинца.
Как чинара, подрубленная топором,
рядом кто-то упал.
И погасли глаза.
Не смолкает орудий назойливый гром,
свирепеет басмаческая гроза.

По девичьим телам,
что еще горячи,
подгоняя коней
разъяренным бичом,
ошалело несутся в карьер
басмачи.
И сверкают подковы
над белым плечом.

Подогнулись колени.
Ноет тяжело спина.

А тела беглецов
точно сжаты в горсти.
Этих губ омертвевших
страшна

белизна.

О, как страшно во мраке
по кручам брести!

Помутнела от запаха пороха
кровь.

В обагренное небо
уставили взор..

Упадут,
подымаются,
валятся вновь.
Заплетен, как клубок,
бездорожья простор.

Сын теряет отца,
мать не сыщет детей.
Всюду тяжкая боль,
стон сжимает сердца..

Корку хлеба найди
и беги!
Жизнь свою береги,
сын, лишенный отца!

2

Обрывается камень
с угрюмой скалы.
Он Юлдашу послужит подушкой в ночи.
Стал ты жить меж развалин,

в объятиях мглы,
где бесформенной кучей легли кирпичи.

Все глухие углы,
все пустые котлы,
и сараи,
и пасть неостывшей печи
беспризорного манят приютом
в ночи.
Все холодные ветры
несутся к нему.
Он под снегом колючим
продрог и промок.

Он, как ножик в кармане,
уткнется во тьму,
и умолк, и затих,
и свернется в клубок,
навсегда предоставлен себе самому.
Каждый поезд на станции
подан ему.

Средь камней городских
он прирос, как грибок.
Ему пыльная улица —
школа и дом.
Там и дружбу
и скудную пищу
найдешь...

К непривычной судьбе
привыкает с трудом
беспризорный,
раздетый,
разутый
Юлдаш.

Он добытчик
чужих кошельков
и часов.
Он отличный бегун,
и насмешник,
и лгун.

Виноград
и урюк
он хватает с весов,
а, попавшись, —
из рук
ускользает, как вьюн.
По бутылкам стучит,
как по тысяче струн.
И танцует,
и свищет на сто голосов;
любит фокус и трюк,
хоть отчаянно юн.
И уздечки ворует
с коней и ослов.

Озорник.
Над красоткой
с накрашенным ртом
посмеяться умеет
и остро и зло.
Он в подвал опустевший
вползает кротом,
он нырнет в подворотню,
как птица в дупло.

Озорней
и грязней
паренька не найти.

О, как просто в те годы
было сбиться с пути!

Так бы жил он
и жил,
бедовал,
не тужил...
Но нежданно
облаву
затеял детдом.

И, забытый подвал
в темноте окружив,
молодых сорванцов
к новой жизни позвал.

3

Сколько ласковых глаз,
сколько бережных рук
удивленный Юлдаш
в интернате нашел!
Сколько верных друзей,
сколько славных подруг!
Как легко здесь дышать!
Как тут жить хорошо!

Всё настойчивей
звонкое пенье пилы,
перестук молотков
и удар топора.
Как светлы
все углы,
нет ни пыли,

ни мглы.
За работу
берется с утра
детвора.
Здесь простор
для души
и простор для ума.

Здесь не надо стучаться
в закрытую дверь.
Страсть к работе
в сознание входит сама, —
всё осмысли,
осиль,
изучи
и проверь...

4

Мне хотелось бы дать
долгожданный покой
всем,
кто эти страницы
упорно листал,
кто читал
эту повесть
строка за строкой
и читать ее
без передышки
устал.

Много времени
поваром я прослужил
в интернате,

где вдруг очутился Юлдаш.
Я Юлдаша любил,
я с Юлдашем дружил.
А потом
я работать пошел
на «Сельмаш»
и Юлдаша всё реже и реже
встречал.
Боевой комсомолец
семнадцати лет,
он с азартом
себя к ремеслу приучал.
Большой радости нет,
чем встречать свой рассвет
так, чтоб голос твой
в хоре согласно звучал.

Он текстильщиком был.
Нерастроченный пыл
в этом юноше
ни на минуту не гас.
Неужели
меня он уже позабыл?
Где он трудится?
Где веселится сейчас?

Уж давно
не слыхал я о нем ничего.
Хоть бы меньше комарика
весточку вдруг
мне прислал как-нибудь мой
исчезнувший друг.

Но пришла наконец
долгожданная весть:
в Самарканде Юлдаш.

Он примерный боец.
Защищает он Родины славу и честь.
Храбреца не смутят
ни басмачский свинец,
ни внезапный огонь.
Ты границ наших,
враг зарубежный,
не тронь!
У Юлдаша
награда высокая есть —
символ
 верных,
 бесстрашных
 и честных
 сердец.
Орден Красного Знамени
золотой
на груди его
яркой сверкает звездой.

5

Годы шли,
но Юлдаша отец не забыл.
В годы голода,
в пору басмаческой мглы,
от селенья к селенью
он в горе бродил.
Борода его стала
вроде метлы.
Стал на вид он
как выходец
из могил.

Не на посох
склоняться бы старику,
а в объятья упасть
к дорогому сынку.
Слаб он стал
и беспомощен,
словно «дал»;
он Юлдаша искал,
он к Аллаху взывал
и, заслышав азан,
бормотал он Коран.
«Вы Юлдаша не видели?» —
говорил.
Вопрошал у людей,
у камней,
у могил.
И однажды обрадовали старика:
в Самарканде видали его сына.
Сердце
словно согрето чудесным лучом.
Он спешит к Самарканду,
надеждой влеком.

6

Как в наряде военном
хорош
первоклассный боец,
наездник Юлдаш.
Ровно выстроены в ряд
скакуны.
Это красная конница,
гордость страны.
И, как признак того, что боец не трус, —

у каждого закручен
буденновский ус.

Эта армия
дружит с победой всегда.
Ее слава и подвиги высоки,
дисциплина тверда.
За Отчизну труда
постоянно
готовы к атаке клинки.
Если б не были спаяны
чувством единым
эти крепкие,
словно литые, ряды,
враг вошел бы
 в твой дом,
надругался б над ним,
и никто бы не спасся
от лютой беды...
И ни я,
и ни вы
не снесли б головы.

Средь несчетных бойцов
как отыщешь сынка?
Застилает туман
глаза старика.
Точно бисер,
слезинки
роняют глаза.
Словно в блестках росы
борода у отца.
Только вытрет слезу —
набегает слеза.
Сотня славных Юлдашей
стоит перед ним.

Он смотрел бы на всех
добрым сердцем своим.
Вот он руки раскинул —
Юлдаша обнять —
и с улыбкой шагает
вдоль стройных рядов.
«Нет, не этот Юлдаш,
и не тот!»
И опять
он любого обнять
по-отцовски готов.
Жеребенка он ищет
среди жеребят,
соколенка,
что выпал
давно из гнезда,
ягненка, с которым
разлучила беда.
«Ваш Юлдаш на посту, —
старику говорят, —
а с поста
отлучаться нельзя никому».

«На посту?
Что за пост,
не пойму.
Я военного
не изучал языка.
Поспешите к нему,
пусть Аллах успокоит
отца-старика,
пусть скорей приведет
дорогого сынка».
Но смеются джигиты:
«Аллах ни к чему,
вы пойдите-ка сами

к сынку своему.
Вон стоит ваш Юлдаш
на почетном посту,
но к нему
приблизаться нельзя никому».
— «Что ж он будет стоять
от отца за версту!
Даже если б гора
преграждала мне путь,
я пройду сквозь нее,
чтобы к сыну прильнуть,
чтоб склониться скорей
на сыновнюю грудь,
чтоб дыханье сыновнее
глубже вдохнуть,
чтоб с любовью
в родные глаза заглянуть.
Почему не могу я
к нему подойти,
чтоб навеки забыть
все печальные дни,
все чужие дома,
все чужие огни,
кишлаки,
где сыночка
мечтал я найти?»
И, не выдержав,
крикнул он громко:
«Сынок!»

И, живого волненья полно
и тепла,
это слово
к Юлдашу летит,
как стрела.
И в груди возникает горячий комок.

И, за словом своим
поспевая едва,
прямо к сыну
спешит удивленный отец.
Весь в слезах он,
и кругом идет голова:
«Неужели
нашел я тебя наконец?
Почему же, Юлдаш,
ты упорно молчишь?
Может, саблей тебе
отрубили язык?
Как высок ты
и статен,
мой смуглый малыш!
Почему ж ты молчишь?
Ты отвык
от меня?
Подойди,
положи мое сердце
себе на ладонь.
Как трепещет оно
и пылает в груди,
что огонь!»
— «Милый, добрый отец, —
отвечает Юлдаш наконец, —
я вас вижу, но я подойти не могу,
я стою на посту».
— «Что ж, мне так и стоять
от тебя за версту?»
В старом сердце
опять воцаряется мгла...
Но отходчиво
и незлобиво оно, —
то звенит,
как надтреснутая пиала,

то отцовского счастья
и света полно...

Все обиды отец
поутру позабыл,
он с Юлдашем стоит
на военном плацу.
Проявляя живой,
нерастроченный пыл,
с увлеченьем Юлдаш
объясняет отцу:
«Этой самой винтовкой
своей боевой
я немало в бою
уложил басмачей.
Поплатились
семнадцать из них головой.
В наш сияющий край
не проникнуть врагам.
Им от конницы нашей
не скрыться нигде.
Погляди-ка
на мой безотказный наган:
он со мной,
под рукою
всегда и везде.
Этим верным наганом моим
поражен был убийца детей Ибрагим!»
И старик,
удивленный Юлдашем своим,
говорит:
«Ой, сынок,
не погибни от пули шальной.
Будь я молод,
неплохо нам было б двоим
поработать

испытанной шашкой стальной,
рассчитаться с врагом,
в клетку вора загнать,
чтоб лисе неповадно
было кур воровать».

7

Славься, кровью вспоенное
знамя труда!
Развевайся
горячей зарей на ветру!
Пусть
с пятью остриями наша звезда
озарит
вековечную темноту.
Не сломить,
не осилить
великой страны,
где джигиты, Юлдашу подобные,
есть
для труда и войны.
Как один, сплочены,
мы всегда отстоим
нашей Родины честь.
Не возьмут нас
ни ложь,
ни угроза,
ни лесть.
Мы своей величавой Отчизне
верны.
Светит
алое знамя ее
с вышины,

как живая заря,
как победная весть.

1933

Перевод Л.Длигача

СВАДЬБА

*Ударник колхоза «Байналмилал»
Андижанского района, комсомолец
Шадман, решив жениться, написал
товарищам, спрашивая, каким должно
быть супружество. Вступая в колхоз,
Шадман был батраком, с одним лишь
кетменем да старым халатом.*

(Из газеты)

Да, свадьба, что ни говори, большой и редкий

праздник.

На новый, незнакомый путь вступает человек.
Любовь сплетает два цветка благоуханных

разных,

два юных чистых существа сближаются навек.

Два жарких сердца бьются в лад, горят

неугасимо,

за счастьем нежности летят, как перышко
легки.

Из ясных девичьих зрачков, заранее любимы,
в зарю грядущую глядят дочурки и сынки.

Шадман, дружок, и я, как ты, был женихом

ко

гда-то,
сияньем глаз, сетями кос и я был взят в полон.
Как у тебя, моя душа была в те дни крылата
и учащенно бился пульс, желаньем опален.

Всё было схожим. Жизнь текла стремительным

поток.

Как ты, я бредил по ночам, слова любви шепча.
Томясь, как ты, мечтал о ней, прекрасной,

черноокой,
но догорела до конца мечты моей свеча.

Теперь то время для меня лишь в памяти

осталось.

Вернуться в юность не дано покуда никому.
На сердце старое мое легла годов усталость.
Горячей страсти сладкий груз уж не поднять
ему.

Я не грущу. Всему свой срок. Дел у меня

без

счета:

помочь товарищам, друзьям, работать вновь

и вновь...

Вот, например, сейчас моя насущная забота
сложить поэму про твою счастливую любовь.

Давно ли был ты батраком?.. Вчера —

бесправье, голод.

Чуть притомился — по плечам со свистом
хлещет

плеть.

Сегодня в коллективе ты, удачливый, веселый.
Как мимо этого пройти? Как это не воспеть?

Твоя невеста, говорят, работает на славу,
чуть свет ласкает ветерок волну ее кудрей.
Ударный труд в краю родном дал ей почет

по

праву,
дал гордый блеск ее очам, дал радость жизни
ей.

Еще слышал я, что заря ее целует нежно,
когда она выходит в сад по утренней росе;
что руки быстрые ее, как лебедь, белоснежны,
что тал склоняется пред ней, дивясь ее красе.

Что звонок голос у нее, что даль и ширь степная
благоговейно внемлют ей, когда она поет.
Что изумрудная листва, от ветра убегая,
уроки верности берет у верности ее.

Слышал, что в сердце у нее — пылающее солнце,
и потому она всегда светла и горяча;
что как-то месяц молодой к ней заглянул

в

оконце
и после клялся ей в любви на лезвии луча.

Ей тушь и пудра не нужны, ей не нужна помада.
Она проста и весела, красавица полей.
Ее косметика — цветник и яркий бархат сада,

ее рубины — россыпь звезд, а зеркало — ручей.

Слышал я также, что она на сборе урожая,
проворно меж рядков скользят, чуть-чуть сгибая

стан,
всех соревнующихся с ней легко опережая,
за сотню килограммов в день приносит на
хирман.

Еще мне довелось узнать, что многие джигиты
о ней мечтали день и ночь, вздыхали, не таясь.
Но верный путь к ее любви был лишь тебе

открытым,
лишь для тебя в ее очах заря любви зажглась.

Ну что ж, кому же, как не вам, быть неразлучно

вместе?
Вы в чистом небе две звезды, вы в поле два

цветка.
Лишь для тебя теперь звучат ее девичьи песни,
лишь для нее — твоей любви горячая рука.

Как родинка, ее красу дополнило умение
любую книгу прочитать и всё усвоить в ней.
А как чудесно шьет она, ну прямо загляденье.
Всё гладко, всё к лицу, а швы — не отыскать

ровней!

Отрадно поглядеть на вас, когда стоите рядом.
Могучий, точно карагач, ты ей вполне под стать.
Полей колхоза не объять и не окинуть взглядом,

а ты на тракторе своем их все успел вспахать!

У нас дороги широки, возможности безбрежны.
На сущность мира смотришь ты не темным

простаком,
не мутным взглядом дурачка, дремучего

невежды, —
обвязан твой широкий лоб познания платком.

Но слушай, всё имеет срок. Не бесконечна сила.
Я часто вижу одного седого старика.
Ему за восемьдесят лет, в глазах его застыла
давящая, как ночь без звезд, жестокая тоска.

«Отец, — сказал однажды я, — когда б я вас

ни встретил,
вы будто что-то на земле пытаетесь найти».
Он поднял блеклые глаза, невесело ответил:
«Здесь жизнь моя прошла, сынок, по этому пути.

Здесь жемчуг юности моей я разбросал
беспечно,
рубины молодости здесь исчезли без следа.
Тогда не знал, что зоркий взгляд дается

не

навечно.
Что есть у бодрости предел, не понимал тогда.

Знал кое-что, но мало знал. Всё думал:

наверстаю!
А что теперь? Почти слепой, беспомощный

старик.

Ах, если б вернуть назад годов минувших

стаю:

весь мир бы досыта познал, все тайны бы

постиг!...»

Да, книга мира велика, в ней каждая страница

—

сокровищница многих тайн, в ней важен
каждый

знак.

Того, кто не читал ее, все будут сторониться,
не нужен людям будет он, как стершийся пятак.

Сейчас идущим впереди нужны большие знания.
Ты знаешь грамоту, Шадман, но это мало, друг.
Чтоб строить прочно, нужно знать законы

созиданья,

знать все ремесла на земле и сущность всех
наук.

Учись, Шадман, всю жизнь учись. Пускай в очах

подруги

не гаснет никогда любовь, прекрасна и светла.
За всё, чего достигнешь ты в работе и в науке,
пускай повсюду о тебе разносится хвала.

Давай припомним прошлых лет минувшее

нечаянье:

прислужник в байском доме ты, черна судьба

твоя.
Ни крошки ласки и любви, ни капельки
участья...
Разбитой чашки черепок на свалке бытия!..

«Готов», «извольте» — слов иных ты говорить

не вправе.
Дрожащий голос, робкий взгляд...
Затравленный,

худой,
ты будто сорванный листок, желтеющий

В

канаве...
Легко и просто помыкать безродным сиротой!

Коровник чистишь, двор метешь, ведешь на
выгон

стадо...
Хозяйке нравится каймак, хозяину — творог.
А ты?.. Ты разве человек? Тебе немного надо.
Сухая корка и вода. Поужинал и лег.

Ночь. Тихо шелестит листва. Везде покой и
дрема.
Спят на насесте петухи, спит шавка в конуре,
спит карагач на берегу большого водоема.
Храпит хозяйка на супе, подобная горе.

Всем отдых, всем. И лишь к тебе не прибывают

силы.
Ты знаешь, понял: боль твоя не тронет никого.

Глазами, мокрыми от слез, беспомощный,
унылый,
читаешь скорбную тетрадь сиротства твоего.

«Ох, солнце, солнце, почему лучей своих отраду
ты щедро даришь тем, кто сыт, кто счастлив

и богат.
А бедным — только жгучий зной без тени,
без

пощады...
Скажи мне, солнце: почему кто слаб — тот

виноват?

И почему...» Да, много раз, не находя ответа,
с тоской, с мольбой в ночной тиши шептал ты:
«Почему?»

Тебя не грел приход весны, не радовало лето,
как наказание ты встречал студеную зиму.

Те ночи минули, мой друг. Те беды, те ненастья
зачеркнуты. Уже ничто их не вернет назад.
Утратил власть твой грозный бай, открылись

двери счастья;
где прежде были сорняки, теперь — цветущий
сад.

А помнишь, как пришел в колхоз? Давно ли было

это?..
В истрепанном халате, бос, тощ, одинок,
несмел.
Едва стоял, дрожал, как лист от дуновенья

ветра...

Имущество? Тупой кетмень — вот всё, что ты
имел.

Но, встреченный как друг и брат советским
коллективом,
в колхозе ты воспрял душой, поправился, окреп.
Печальным, неказистым был — стал бодрым

и красивым,
отменным трактористом стал: не даром ешь
свой

хлеб.

Ты понял: баи и купцы, имамы и ишаны —
твои и класса твоего заклятые враги.
Ты понял: если на земле не хочешь быть

бурьяном —
не уклоняйся от борьбы, свободу береги.

Ты написал друзьям письмо, ты ждешь от них

ответа,
как нужно свадьбу провести, как по-советски

жить?

Друзья напишут. Но позволь и мне чуть-чуть

об

этом,
без назиданья, просто так с тобой поговорить.

Что важно в свадьбе — в торжестве начала

новой жизни?

Что весело гостям, что плов на славу удался?

Что богатым в кишлаке твой пир счастливый

признан

и долго будет вспоминать о нем округа вся?..

Что — свадьба?.. Прозвучит сурнай, слух

и

сердца лаская,

протяжно, тонко выводя мелодию «Гульяр»,

сложнейших, быстрых ритмов дробь на бубнах

рассыпая,

веселые певцы споют веселое «Яр-яр».

Кольцо с рубиновым глазком на пальчике
невесты.

Листочки клевера блестят, омытые росой...

Томится молодая кровь, ей в жилах стало тесно.

Как сладок первый поцелуй — огонь во мгле

ночной!..

Что — свадьба? Наступает час, когда парчовый

полог

от взоров спрячет молодых, как в гнездышке

горлят...

Каков он будет, их союз? Короток или долог?

Как знать! Сердце не разгадать, когда глаза

горят.

Но не для нас то, что пришло от жирных

богатеев, —

порядки их, законы их, как нечисть, смоем с рук.
Недобрый, обветшалый мир разрушив и развеяв,
мы по-иному будем жить и праздновать, мой
друг.

Нет, мы не против торжества, и бубнов,

и

сурная!

И в наших жилах не вода, и наша кровь жарка.
Но нам нужна иная жизнь, семья нужна иная,
где все шаги — плечо к плечу, всегда — в руке

рука.

Что проповедуют они, какого жаждут быта?
«От одинокого коня не заklubится пыль»,
«Под шапкою не разглядеть, что голова

пробита», —

Вот сущность их!

Снаружи — лоск, внутри —

разврат и гниль...

На окнах — розы, а котел сто лет не мыт,

не

чищен.

При неудачах — дикий вой, царапанье лица.
Всё — для наживы, всё — себе, с рожденья

до кладбища.

Кого из нас прельстит уклад такого образца?..

Теперь послушай, что еще тебе хочу сказать я.

Лишь в дружбе с коллективом жизнь полна
хороша.
А только личное — крючок, оторванный
платья.
Что толку в нем, таком крючке. Не стоит
гроша.

Что — свадьба? Первый шаг семьи. Два члена
коллектива
соединяются навек для дружбы, для труда,
для создающей любви, свободной
счастливой,
где ясного доверья луч не гаснет никогда.

Мы смотрим так: муж и жена — два
полноправных друга.
Никто не властвует, никто не раб, не падишах.
Теперь не счесть таких семей — от севера до юга.
Одна у них большая цель, одна у них душа.

Вот, например, есть у меня приятель
Гиждуване.
Женат, счастлив. Ударник он, ударница жена.
В колхозе на поле он с ней вступил
соревнованье,
и это не в ущерб семье, когда семья дружна.

На первый взгляд, ну что тут есть? Сюжетик

для заметки.

Но в ней большой, чудесный смысл, в ней нового

росток.

Мужают, множатся у нас герои пятилетки,
богат духовной красотой советский наш Восток.

Что ждет тебя, мой друг Шадман, уже сейчас

Я

знаю.

Я вижу ясным, как заря, твой путь — твою

судьбу.

О судьбах солнечных таких настойчиво мечтая,
шли революции бойцы на смертную борьбу.

Я вижу счастье двух сердец, я вижу ваше
завтра,
когда вы встанете чуть свет, волнуясь, и когда,
друг другом радостно гордясь, войдете в двери

загса,
войдете в двери долгих лет отрады и труда.

Вот ваши подписи легли на белую страницу.
Она, Шадман, для вас окно в большой, чудесный

мир...

Я трижды славлю новый строй, что дал нам

возродиться,
дал нам права и сделал нас свободными
людьми.

1934

Перевод В.Липко

ДВА АКТА

1

Едва Хайдар-чокки
рассказ начнет о прошлом,
из глаз бежит слеза,
взлетает к небу вздох.
Как будто он опять
придавлен тяжелой ношей...
Как стар он, наш Хайдар!
Как стан его иссох!

Седую бороду
сожмет рукой сухою,
воспоминания
сзывая в тесный круг.
Он трогает кобыз сердец,
и повесть
течет, мудра, проста.
Ее послушай, друг:

«Подобен морю мир,
а голова людская
подобна валуну
на берегу морском.
Шумит волна, валун тот обтекая,
бежит вода, а камень, изнывая
от жажды, сух,
как горя горький ком.
В те годы я имел

лишь черствую лепешку.
Крутые жернова
попреков и обид
давили грудь мою.
Захлебываясь кровью,
подобен был я
пойманному
соловью.

Тот золотистый луг
на берегу зеленом —
в нем жизнь моя
и молодость моя.
Там солнце спину жгло,
мороз там жег лицо нам,
водой нас обделяла там
скупая Сырдарья.

Коль крепки у тебя
и бодры ноги,
поднимемся на холм,
к тому вон рубежу.
Я с этого холма,
что было в прошлом,
тебе как на ладони
покажу.

То поле видишь? Там
я исполу лет сорок
работал, как верблюд,
ютился в шалаше,
мечтал хоть день быть сытым,
ждал удачи,
а счастье всё не шло,
застыло на меже.

Смотри — вон хауз там,
а вон супа под тенью
разросшегося вширь
карагача.
Был то приют
отчаянья и горя,
на той супе
свила гнездо печаль.

Здесь дом стоял,
построенный на диво.
Раскинут сад —
не сад, а сущий рай.
В нем яблони цвели,
урюк и сливы.
Плодами разными богат
родимый край.

Да не богат он был
счастливой долей
для тех, кто беден и кто смелым
слыл.
Сосед Акбар-амин,
богач известный,
владельцем сада
и арыка был.

Для нас земля жестка,
а небеса жестоки, —
к амину, что ни день,
за помощью идем,
чтоб голод утолить —
щепотку чаю
и горсть муки
под урожай берем.
На черном небе доли человеческой

не видно было ни одной звезды.
Тогда,
отчаявшись смягчить амина,
решили в город обратиться мы.

Ты видишь хауз тот
и ту супу под тенью
карагача
и розовых кустов?
Знай, то гнездо
отчаянья и горя,
там вывела беда
своих птенцов.
Был день весны.
Рассвет росист и мягок.
На листьях влажных
бисер чистых слез.
„Собратся у супы!“ —
велел безусый,
что в осень за амином
счета нес.

Покорно собрались.
Покрыта
была супа просторная ковром.
Какой-то старец,
утонув в подушках,
разглаживал усов
густое серебро.
Он что-то под нос
бормотал, считая.
Чалма его —
что аиста гнездо.
Он был святее самого Хидыра.
Халат его
блистал, сиял звездой.

Мы подошли
и приложили руки
к сведенным голодом,
запавшим животам.
Склонились, как велит приличье,
сказали неизбежное:
„Салам“.

Старик — судья.
Амин сидел с ним рядом.
Писец, мирза,
потрепанный на вид,
держал перо,
читал тетрадь большую,
вновь повторял
поток былых обид.

„О непокорные! —
судья промолвил гневно. —
Вы неспособны милости понять.
Добра не помнит
разве лишь собака,
а вам пора
добро амина знать.
Вы жаловаться вздумали?
Вы что же,
бесстыжими
глазами запаслись?
Или, забыв
святой закон Корана,
вы с подлыми гяурами сошлись?“

Как против сильных
будешь защищаться?
Мы с тем судьей,
бороться не могли.

И суд, начавшись
окриком суровым,
был кончен полной
описью земли.

Перо мирзы
проворно заскрипело.
Слова тяжелые
ложились в ленты строк.
В глазах амина,
будто бы печальных,
горела радость,
искрился восторг.

Так наши мазанки, земля
согласно акту
к амину перешли —
в счет сделанных им „благ“.
Гневны зрачки судьи,
они — печаль насилья,
и медную печать
судья кладет на акт.
О, если бы амин
взял дочь мою, обидой
и то б не так
вскипел, наверно, я!
И если бы втоптал
он в грязь лицо Хидыра,
всё ж не унилась бы так
душа моя...

На той земле
я с той поры лет сорок
жил как батрак
Акбар-амина.
Так

посевы и дома
ушли в его владенья...
Вот
то,
что дал нам первый акт».

2

Едва Хайдар-чокки
начнет рассказ о новом,
усы вздымает смех,
дрожит от счастья голос,
подобно льву, он смел.
Смеется каждый волос
в курчавой бороде.
Как он помолодел!
Его лицо
ласкает ветер свежий,
а он стоит,
что тополь на ветру,
и начинает
радостную повесть
веселым голосом,
подобным пенью струн.

«Наш мир — как сад,
а голова людская
там самый ценный плод.
И что ни день,
дожди побед нам жажду утоляют,
и в каждом облачке
мы видим счастья тень.

Тот золотистый луг

на склоне горном —
в нем жизнь моя
и родина моя.
Там нежный ветер,
что ни утро, веет
и влагу на поля
приносит Сырдарья.
Там дом стоит,
построенный на диво.
Плодовый сад раскинут —
сущий рай.
Там яблони цветут,
гранат и слива.
Плодами разными богат
колхозный край.

Вон зданий ряд
воздвигнутых недавно,
как улица, гляди,
пряма и широка!
Вон школа,
почта,
банк,
больница
и клуб наш —
гордость кишлака.
На запад до реки
легла земля колхоза,
раскинулась к востоку
до хребтов.
А вон тот хауз
и супа, с которой
осыпала нас жизнь
дождем цветов.

На той супе

нам новый акт вручили
на вечное владение
землей.

Всё наше здесь:
вода, поля и солнце —
зажиточной теперь
живем семьей».

Хайдар-чокки,
забывши про усталость,
спешит о счастье новом
рассказать.
Он улыбается,
его волнует радость,
и, точно звезды,
светятся глаза.

И точно хлопок
борода седая,
и губы —
как тюльпана лепестки.
«Для счастья мы живем,
работаем для счастья,
и счастливы юнцы и старики.

В том акте, что нам дан
на землю и на счастье,
Союза ССР легла печать.
Печать любви,
добытая с боями,
нам право давшая
начала жизнь начать.

Печатью этой
вражеские души
прихлопнуты

и силы лишены.
Печатью этой
право и свобода
для всех, кто трудится,
навек закреплены.
Земля родная,
милая Отчизна,
для нас она —
как тело и душа.
Коварный враг,
что посягнет на край наш,
костьми поляжет,
сгинет, не дыша...»
Умолк Хайдар.
Два мира перед нами
возникли вдруг:
один был злобен,
мрачен,
пуст;
другой — как музыка,
ласкающая душу,
не знал, что значит
нищета и грусть.
Два акта этих
я сравнить хотел бы.
Был первый
как оковы на ногах,
второй — как меч,
сбивающий оковы,
сверкнул —
и счастье
вспыхнуло в сердцах.

Гори, звезда
свободы и величья!
Жизнь, расцветай,

победна и нова!
Мы знаем,
что старик Хайдар
имеет
и в восемьдесят лет
на молодость права.

1935

Перевод Л. Квашнина

ДВА ВОСТОКА

1

Я сын Востока, сын отчизны солнца.
Рожден под солнцем, солнцем прокален.
Я азиат, исконный местный житель
с древнейших, незапамятных времен.

Я до земли склонялся в храмах Будды,
в Аравии — за жемчугом нырял.
Меня душили стынь и снег Тибета
и тяжкий зной Нефуда изнурял.

Я охранял сокровища Бомбея —
погибнешь вмиг, попробуй только тронь?
Был витязем яванского народа,
как Сиявуш, промчался сквозь огонь.

Был астрономом в городе Калькутте,
постиг все связи судеб и времен.
Как славный Ширази, слагал поэмы,
был мудрым зодчим — строил Вавилон.

Я сын Востока, вечного, как солнце.
В туманной мгле веков его исток.
За тыщи лет блистательную славу
по праву заслужил Восток.

Очаг искусства, колыбель культуры,
ремесел блеск... Но мир, как зверь жесток:
тому, кто создавал, тому, кто строил, —
отрады, счастья не дарил Восток.

Дворцы гремели, пировали шахи,
куражились, один другого злей.
Огромный труд измученных индусов
весь уходил на кутежи раджей.

Пять, десять, двадцать... сотни миллионов
голодных, обездоленных людей...
Заволокло всё небо дымом стонов.
Народ — как сон, как скопище теней.

Когда пастух лишь о себе печется —
волк натворит в его отаре бед.
Там, где пробрались к власти ложь

и

подлость,
защиты от соседей алчных нет.

Из дальних далей, с берегов туманных
стервятники слетались на Восток.
Их всех влекло сюда одно желание:
побольше, пожирней урвать кусок.

Стервятники — сенаторы и лорды —
провозглашали: «Мы несем прогресс!»
Прогрессом этим был грабеж народов

и виселиц зловещий черный лес.

В Китае, в Индии, на Яве были скрыты
несметные сокровища земли.
Всё взяли просвещенные громилы,
всё в логово свое уволокли.

За каждую попытку возмущенья,
кичась бесчеловечностью своей,
привязывали к орудийным дулам,
расстреливали тысячи людей.

Пятнадцать-двадцать ловкачей британских
подмяли многомиллионный край.
Тащили, рвали, жгли... Вот почему их
прозвали «шил», что значит «обдирай»!

Всё брали — уголь, золото, алмазы;
лишали хлеба, птицы и скота.
Всё у народа алчно выскребали —
до меда у младенцев изо рта.

Ну ладно!.. Это «ладно» не смирение,
оно — кипящей ненависти взлет,
оно призыв ко всем, кого измучил
и обездолил чужеземный гнет.

Сегодня — не вчера. С двадцатым веком
иных начал уже расцвел росток.
Животворящий ветер революций
повеял в грудь твою, гигант Восток.

В народе говорят: «О небожитель,
спаси от тех, кто нас пришел спасать!»
Эй господа, пожалуйста, скажите,
кому еще от вас спасенья ждать?

Нет мочи! Вот еще и с Уолл-стрита
явились к нам «друзья» в недобрый час.
И снова тот же гнет и та же песня:
«Мы свет прогресса, мы спасаем вас!»

Ох! Не хватало, значит, Альбиона,
теперь еще и янки в свой черед.
Так шимпанзе, облюбовав местечко,
тотчас к себе родню свою зовет.

Но у Востока есть иной защитник.
Есть брат его, тот, что подняться смог, —
защитник настоящий, бескорыстный —
оковы рабства сбросивший Восток!

2

Я сын Востока. Вольный, полноправный,
Советского Востока гордый сын.
Я человек. Я твердо, точно знаю,
как должен жить свободный гражданин.

Для всех народов этого Востока
я брат родной. Любимый брат и друг.
Наш край огромен. Даже солнцу в небе
непросто обойти его вокруг.

На этом небе — ленинское знамя,
на нем слова: «Свобода, братство, труд».
Народы прославляют это знамя
и как зеницу ока берегут.

Невежества, распутства, мракобесья

давно у нас уже простыл и след.
Питающимся падалью шакалам
в свободном нашем крае места нет.

Здесь все равны. У каждого народа —
своя страна, свой герб, своя печать.
Народам-братьям вольного Востока
есть что любить, беречь и защищать:

свою поэзию, свою культуру,
отраду вдохновенного труда...
Вот почему господство капитала
у нас не возродится никогда.

Здесь наше всё: земля, леса, заводы.
Здесь вольно дышат, радостно творят.
Здесь обращение «фабрикант, хозяин»
в насмешку только людям говорят.

Здесь нет таких вещей, как бедность, голод.
Здесь доверху набиты закрома.
Тут лишь в анналах прошлого остались
сыпняк, холера, сифилис, чума.

Тут ордена дают за многодетность.
Младенцы, юноши не умирают тут.
Тут семьдесят — всего лишь средний возраст.
И лишь столетних старцами зовут.

Тут горы самоцветами богаты,
и нам доступны недра этих гор.
И отдает нам россыпи алмазов
бескрайний, неоглядный наш простор.

Миллионы тонн колхозных урожаев,
растущая зажиточность крестьян...

В каком еще краю, каким народам
такой счастливый, светлый жребий дан?

Гудки могучих фабрик и заводов,
стальные птицы выше облаков...
Из года в год всё краше расцветает
свободный край — Восток большевиков.

Нам помогают солнце, реки, ветры
трудом своим, энергией своей.
А скоро мы и силу притяженья
заставим поработать на людей.

Прекрасны наши города. Взгляните.
Высокие дома, асфальта гладь.
Вдоль тротуаров — стройные аллеи...
Краса такая — глаз не оторвать!

Здесь в сотнях тысяч школ детей бессчетно.
На переменах — игры, гомон, смех.
Так веселятся там, где нету сирот,
где радость не для избранных — для всех.

Здесь нет невежд, здесь все должны учиться.
Способностям здесь не дадут пропасть.
Здесь за развитие юношей в ответе
на равных — и родители и власть.

Искусство, спорт, театр, литература
достигли здесь невиданных высот.
Здесь много есть по праву заслуживших
всеобщее признание и почет.

А почему? Секрет простой, несложный.
Здесь всё для счастья, всё для красоты.
Здесь для народа многое бесплатно:

ученье, книги, здравницы, сады.

Здесь все смелы, удачливы, культурны,
однако носа кверху не дерут,
хотя подчас иной рабочий может
дать верный отзыв на ученый труд.

И потому, что к солнцу коммунизма
всё ближе он — Советский наш Восток,
без черчиллей, без Трумэнов, свободный,
познавший дружбы радость и восторг.

Но всё равно мы близкие, родные,
ударят по рогам — в копытах боль.
И если слишком долго мутят воду —
пассивная невыносима роль.

Нет, революцию не перевозят.
Она не груз, доставленный извне.
Но если братья позовут на помощь —
не сможем мы остаться в стороне.

Короче, не пора ль гостям незванным
собрать свои вещички — и айда!
Не то — ведь так не раз уже бывало —
споткнутся и не встанут никогда.

Я сын своей земли, поэт восточный,
предвиденье — мой дар. Уже не раз
предсказанное мной — сбывалось точно,
как будто выполняя мой наказ.

Я вольный сын Советского Востока,
познавший счастье творчества узбек.
Мое перо мне дал бессмертный Ленин —

великий вождь. Великий человек.

1949

Перевод В.Липко

ПРИМЕЧАНИЯ

Первые стихотворения Гафура Гуляма на родном языке были написаны и опубликованы в 1923 г. Восемь лет спустя, в 1931 г., в Ташкенте вышел из печати сборник его стихов «Динамо». С той поры на узбекском языке издано более тридцати книг Г. Гуляма — стихи (в том числе для детей), поэмы, а также художественная проза, статьи и публицистика. Наиболее полным изданием до сих пор является десяти томник «Сочинения» (Ташкент, 1970–1978), где стихотворения и поэмы составляют 1, 2, 3, 4, 10-й тома; издание содержит богатый справочный материал.

В 1946 г. сборник стихов Г. Гуляма «Иду с Востока» был удостоен Государственной премии СССР. За сборник стихов «Итог» (1967), изданный посмертно, поэту присуждена Ленинская премия в 1970 г.

В русском переводе произведения Г. Гуляма публикуются с начала 30-х гг. Первая книга — сборник поэм «Узбекистан» — была напечатана в 1936 г. в Москве. С того времени вышло в свет почти три десятка книг его произведений в переводе на русский язык. Самое полное издание — пяти томник «Избранные произведения» (Ташкент, 1971–1975), где стихи и поэмы составляют 1 и 2-й тома. Из других изданий наиболее содержательные (кроме упомянутого сборника поэм): «Иду с Востока. Стихи», Ташкент, 1947; «Счастье родной земли. Стихи», Ташкент, 1951; Избранное, Ташкент, 1953; Избранное. Стихи, М., 1958; «Гимн времени», Ташкент, 1959; «Спор сердец. Стихи и поэмы», М., 1964; «Встречая будущее», Ташкент, 1966; «Итог», М., 1967; Стихи, М., 1971. В ближайшее время в Ташкенте, в издательстве литературы и искусства, носящем имя Г. Гуляма, подготавливается новое

многотомное собрание его произведений разных жанров в русском переводе.

Настоящий сборник включает переводы, прежде публиковавшиеся; все они сверены с оригиналом. Материал расположен в хронологической последовательности, датировка в ряде случаев уточнена по десяти tomному узбекскому изданию. Словарь в конце книги содержит лексику, оставленную без перевода, географические наименования, термины, специфические для Узбекистана и Востока вообще, имена собственные (кроме имен не восточного происхождения).

СТИХОТВОРЕНИЯ

В чем красота? Первое опубликованное стихотворение поэта. Напечатано в апреле 1923 г. в ташкентском журнале «Просвещение и учитель».

Зима и поэты. Г. Гулям с начала 30-х гг. и до 1942 г. работал в редакции республиканской газеты «Кзыл Узбекистан» сначала в Самарканде (бывшей столице республики до 1930 г.), затем в Ташкенте.

На путях Турксиба. *Хмара* (укр.) — туча. *Камских болгар.* Волжско-камская Болгария — государственное образование народов Среднего Поволжья и Прикамья X–XI вв., покоренное в 1220-х гг. татаро-монголами. *Скрижаль* — каменные доски, на которых, по библейской легенде, были начертаны заповеди, будто бы переданные богом пророку Моисею; в переносном смысле скрижаль — нечто священное, достойное тщательного сбережения в памяти, незыблемые правила, идеи и т. п. *Фата-моргана* (лат.) — призрачное видение, мираж.

Готов стать знаменосцем. *Налитая всклянь* — т. е. вровень с краями. *Погнали английскую свору, и всех курбаши и прочих японцев.* Подразумевается интервенция против молодой Советской Республики в 1918–1920 гг.: оккупация английскими войсками (совместно с французами) Мурманска и Архангельска, вторжение англичан в Закавказье и Туркестан, вступление японских войск во Владивосток. Курбаши — главарь басмачей. *Пария* — в Южной Индии лицо, стоящее вне каст, лишенное всех прав; в переносном значении — отверженное, забитое существо. *Вал Искандара.* Согласно легендам, Искандер (см. Словарь) приказал, во время похода в Азию, воздвигнуть стену (ее иногда ошибочно отождествляли с Великой Китайской стеной), чтобы преградить доступ варварам-кочевникам в цивилизованные страны. *Этих «монтекарл».* Монте-Карло — столица княжества Монако, знаменитая своими игорными домами. *Где бесятся с жиру и травятся.* Монте-Карло известен и как город самоубийц, где заканчивают жизнь неудачливые игроки, лишившиеся здесь своих состояний и средств к существованию.

Не марсия. Посвящено памяти Анри Барбюса (1873–1935), выдающегося французского писателя-коммуниста.

Узбек-наме. *Узбек-наме* — стихотворное письмо от имени узбекского народа к 20-летию Октября и принятию новой Конституции СССР, в сочинении которого приняли участие Айбек, Г. Гулям и другие узбекские поэты. Г. Гуляму принадлежит пролог, впоследствии публиковавшийся как самостоятельное произведение. *Пращур* — родитель прапрадеда, отдаленный предок. *В Багдаде сам наместник пред*

восставшими дрожал. Подразумевается Махди — третий халиф (775–785) династии Аббасидов; халифы считались «наместниками пророка», они объединяли в своих руках всю полноту светской и духовной власти.

Поэзия и мыло. Мыловаренный завод им. М. Вахитова (см. Словарь) находится в Казани, куда поэт ездил в 1936 и 1966 г.

Мавджуда. Абдурахманова *Мавджуда* — передовая ткачиха Ташкентского текстильного комбината. Написано в связи с выдвижением ее кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР.

Итог. *Гомер* — легендарный древнегреческий поэт, автор приписываемых ему эпических поэм «Илиада» и «Одиссея».

Проводы. Посвящено старшему сыну поэта *Джурахану* в связи с его призывом на военную службу. *Ленский расстрел* — расстрел рабочей демонстрации на Ленских золотых приисках 4 апреля 1912 г. *В году двадцать третьем родился мой стих.* Первое стихотворение Г. Гуляма было написано и опубликовано в 1923 г.

Жду тебя, сын мой. Обращение к сыну *Джурахану* (см. предыдущее прим.).

Ты не сирота. По свидетельству поэта, поводом для написания этого стихотворения послужила весть о том, что ташкентский кузнец Шаахмед Шамахмудов и его жена усыновили нескольких осиротевших детей (впоследствии их число достигло четырнадцати); дети были эвакуированы в Ташкент из западных районов страны. См. также вступ. статью. *Горе Одессы. Трагедия Керчи.* Одесса была оккупирована фашистами в октябре

1941 г. после 73-дневной героической обороны; Керчь была оккупирована в ноябре того же года, освобождена в декабре и снова оккупирована в мае 1942 г. В ноябре-декабре 1941 г. укрывшиеся в керченских каменоломнях советские воины, лишенные пищи и воды, боролись с гитлеровцами до тех пор, пока не были зверски истреблены врагом.

Женщина. *Адольф-янычар* — Адольф Гитлер. Янычары — см. Словарь. *Александр* — Александр Македонский, известный на Востоке под именем Искандара (см. Словарь). *Канал прорубил в гранитной гряде.* Имеется в виду сказание о подвиге Фархада (см. Словарь).

Прощанье. Написано в день похорон Ю. Ахунбабаева (см. Словарь), который с большой теплотой относился к поэту, был внимателен к его творчеству, оказывал ему необходимую помощь. *Преломит хлеб, как бы делась с тобой.* Согласно обычаю, хлеб, в особенности местной выпечки (лепешки, чурек), нельзя резать — его полагается ломать, раскладывая ломти перед гостями.

Время. Участник Великой Отечественной войны капитан Хамидулла Хусанов (р. 1919), двоюродный брат поэта, подарил ему в 1945 г. часы. *Не жги храм Дианы вослед Герострату.* В 356 г. до н. э. Герострат, чтобы прославиться, сжег знаменитый храм богини Дианы в греческом городе Эфесе.

Большой праздник казахского народа. Посвящено 25-летию Советского Казахстана (автономная республика была создана в августе 1920 г. под названием Киргизской, с 1925 г. — Казанская АССР, с 1936 г. — Казахская ССР).

Ташкент («Заря на темный небосвод живую краску льет...»). *С «Текстиля» слышен бас гудка.* Имеется в виду Ташкентский текстильный комбинат — первенец социалистической индустрии в Узбекистане.

Первое стихотворение в новом году. *Аристотель* (384–322 до н. э.) — древнегреческий философ и ученый.

Семьсот тридцать дней. *Хлеб для гостей мы ломаем на дастархане* — см. выше прим. к ст-нию «Прощанье». *Подоткните же полы.* Приступая к работе, полы халата, по обычаю, подтыкают за поясной платок.

Слово чести. *Предки черчиллей всяких.* У. Черчилль (1874–1965) — неоднократно премьер-министр Великобритании, внешнюю послевоенную политику которого определяла вражда к Советскому Союзу. *Алабама* — название штата на юго-востоке США. *Шериф* — полицейский чиновник. *Беговатские* топки. Имеется в виду металлургический комбинат в Бекабаде (см. Словарь).

...На узбекские крыши. Крыши домов местного типа обычно были плоскими, с земляным покрытием.

Алишер. Посвящено 500-летию со дня рождения *Алишера* Навои (юбилей, намечавшийся на 1941 г., был отложен из-за начавшейся Великой Отечественной войны). *Гератский рассвет.* Навои родился и умер в Герате, там же провел большую часть жизни. *Геродот* (между 490 и 480 — между 430 и 424 до н. э.) — древнегреческий историк и географ; писал в частности о Средней Азии. *И ты не о нас ли в сказаньях мечтал?* Одна из поэм Навои («Вал Искандера») содержит

социальную утопию — картину общества, основанного на принципах справедливости и человеколюбия.

Осенние работы садовода. *Мирша-кар-ата* — персонаж вымышленный. *Таволжник* — кустарник с прямыми тонкими стеблями.

Поет Поль Робсон. Посвящено *П. Робсону* (1898–1977), прославленному американскому (негритянскому) певцу, поборнику мира и национального равноправия. *Гарлем* — негритянский район в Нью-Йорке. *И в хижине дядюшки Тома настанет рассвет!* Имеется в виду герой антирасистского романа «Хижина дяди Тома» американской писательницы Г. Бичер-Стоу (1811–1896). *Искать среди льдов Арарата ковчег.* Имеется в виду библейский миф о всемирном потопе, во время которого спасся Ной (см. Словарь).

Старики. *Год Рыбы ли будет, Барана ли год.* Имеются в виду 5-й и 8-й годы двенадцатилетнего «животного» цикла (мучал), каждый год которого носит название определенного животного.

Великому русскому народу. *Манифест в семнадцатом году.* Подразумевается «Декларация прав народов России», один из первых законодательных актов Советской власти, провозгласивший равенство и суверенность всех народов России. Декларация, проект которой был разработан В. И. Лениным, принята СНК и опубликована в ноябре 1917 г.

Моя партия. *Белый падишах* (узб.: ак-пади-шах) — так в Туркестане издавна называли русского императора. *Лепешку с нами преломил* — см. выше прим. к ст-нию «Прощанье».

Школьная весна. *Стригунок* — годовалый жеребенок.

К нам приезжайте погостить, друзья! *Лепешки...* я по куску вам отломлю. См. выше прим. к ст-нию «Прощанье».

Священное время. *О Времени...* стихи слагал я. Имеется в виду ст-ние «Время». *Ток Фархада* — Фархадской ГЭС (см. Словарь). *Сменивший веретенца комбинат* — Ташкентский текстильный комбинат (см. выше прим. к ст-нию «Ташкент»).

Воспоминание о друге. Посвящено памяти Хамида Алимджана (см. Словарь). *Стена Улугбека.* Очевидно, имеется в виду медресе (мусульманское духовное училище), созданное Улугбеком (см. Словарь) и носившее его имя.

Первому космонавту. Посвящено первому полету человека в космос, осуществленному Ю. А. Гагариным (1934–1968) 12 апреля 1961 г.

Начало лета. *Базилик* (райхан) — ароматная трава, считается символом добра, дружеского расположения.

Букет Мирзачуля. *Маточник* — часть цветочного пестика, завязь.

Водителям «голубых кораблей».. «Голубыми кораблями» принято называть хлопкоуборочные комбайны. *Комсомолка Манзира* — персонаж вымышленный, в отличие от Турсуной (см. Словарь).

Ну и что ж... *СамГУ* — Самаркандский государственный университет.

Счастливые строки. *Стригун* — см. выше прим. к ст-нию «Школьная весна».

Вымпел. Посвящено прилунению 3 февраля 1964 г. советской автоматической станции «Луна-9». *Прометей* (греч. миф.) — титан, похитивший ради блага людей огонь с Олимпа, за что был жестоко наказан Зевсом; в литературе — образ первого просветителя и защитника человечества.

Бывшей моей луноликой. Когда Луна с «Луною-9» встретились. См. предыдущее прим.

Твой голос — эхо наших дней. Посвящено узбекской советской поэтессе *Зульфийи* Исраиловой (р. 1915), жене и другу Хамида Алимджана (см. Словарь).

Метание яблока. *Еще яблока я никому не бросала.* Согласно хорезмскому обычаю, девушка на празднике объявляет своего избранника, кинув ему яблоко.

ПОЭМЫ

Кукан. Имя героя поэмы соответствует названию города Коканда, что, по-видимому, не случайно: действие поэмы происходит в Ферганской долине, где и находится Коканд. Первый вариант поэмы был опубликован в 1931 г., второй — окончательный — в 1933 г., тогда же он был напечатан в русском переводе Б. Бессонова (альм. «Литературный Узбекистан», Ташкент, 1934). Часть первая. *Не уставать!* — традиционное приветствие работающему человеку. «*Кзыл Курган*» — может означать: «Красная Крепость» или «Красный Холм». *Для девочки — как песня.*

Пахтаой. Это имя буквально означает: «хлопковая луна». *Для мальчика — Пулат, чтоб был стальной.* Пулат — «булат», «сталь». Часть вторая. *За пояс полы подвернув, идут* — см. прим. к ст-нию «Семьсот тридцать дней».

Вышивка. *Стежальщица* — здесь: мастерица, украшающая нижний край тюбетейки стежками.

Юлдаш. Буквально имя героя означает: «спутник», «сотоварищ». *Тала-Таш* — название вымышленное (от тала — «поле», таш — «камень»), *«Сельмаш»* — Ташкентский завод сельскохозяйственных машин, один из первенцев социалистической индустрии в Узбекистане.

Свадьба. *Байналмилал* (арабск.) — Интернационал. *Как родинка, ее красу дополнило уменье.* Естественная родинка на лице — один из признаков женской красоты (потому принято наводить искусственную родинку, в частности надрезая кожу и вводя в разрез красящее вещество). *Обязан твой широкий лоб познания платком.* Работая на солнце, мужчины обычно повязывают лоб платком.

Два акта. Хайдар-чокки. *Чокки* — прозвище, означающее: «козлиная борода».

Два Востока. *Привязывали к орудийным дулам.* Варварский способ казни, применявшийся британскими колонизаторами в Индии. *Альбион* — древнее название Англии. *«Шил»* — основа узбекского глагола со значением «обдирать». *Без Черчиллей, без Трумэнов.* Имеются в виду У. Черчилль (см. прим. к ст-нию «Слово чести») и Г. Трумэн (1884–1972), президент США в 1945–1953 гг., ярые враги Советского Союза.

СЛОВАРЬ

Абдулла — один из курбаши (см.).

Абу Али ибн Сина (ок. 980—1037) — великий таджикский средневековый ученый, прославил свое имя трудами по философии, логике, медицине и др. естественным наукам; в Европе известен под именем Авиценны.

Авиценна — см. Абу Али ибн Сина.

Аждахар (аждар, аждарха) — дракон, мифический змей.

Азан — призыв мусульман на молитву, провозглашаемый с минарета (см.).

Айтыс — состязание поэтов, певцов.

Ака — старший брат; почтительное обращение.

Аксакал (букв.: «белая борода») — старейшина, уважаемый человек.

Акын — певец и поэт, мастер народного творчества у казахов и киргизов.

Алатау — горный хребет на юге Казахстана.

Алимджан Хамид (1909–1944) — выдающийся узбекский советский поэт; был другом Г. Гуляма.

Алишер — см. Навои.

Алтынтопкан — местность на севере Таджикской ССР. у самой границы с Узбекистаном.

Алча (алыча) — плодовое дерево, близкое к сливе.

Амангельды Иманов (1873–1919) — герой казахского народа, один из руководителей восстания 1916 г., впоследствии коммунист, участник гражданской войны, погиб от рук контрреволюционеров.

Амин — чиновник местной администрации в старом Туркестане (см.).

Арба — одноосная телега.

Аргамак — порода быстрых и легких скаковых лошадей.

Арсланбоб (Арысланбоб) — местность в Киргизии, в горах к северо-востоку от Ферганской долины (см.).

Арча — древовидный можжевельник.

Арык — искусственная канава, используется для орошения.

Асфандияр — предпоследний хан Хивы, убит в 1920 г.

Ата — отец; почтительное обращение.

Афрасьяб (Афрасиаб) — легендарный царь Турана (см.), один из персонажей «Шах-наме» (см.).

Ахангаран — горная местность и речка к югу от Ташкента.

Ахунбабаев Юлдаш (1885-1943) — первый председатель ЦИК, затем Президиума Верховного Совета Узбекской ССР, по происхождению из бедных крестьян.

Ашхана — столовая, харчевня.

Баир — скакун.

Бай — богач.

Байкара Хусейн (1438-1507) — правитель Хорасана (со столицей в Герате), друг детства и покровитель (далеко не всегда последовательный) Алишера Навои (см.).

Байкенд (или Пайкенд) — древний город в долине Зеравшана (см.).

Балх, балхи — сорт тутовника (см.: тут), с крупными белыми плодами; название происходит от Балха (древняя Бактрия), города на севере Афганистана.

Барзу — герой древнеиранского эпоса, главный персонаж поэмы «Барзу-наме», написанной, по-видимому, Ата ибн Якутом в качестве продолжения «Шах-наме» (см.).

Басра — город на юге Ирака.

Батыр — богатырь.

Бахрам Гур — Варахран, иранский царь (420–438) династии Сасанидов; идеализированный образ многих сказаний, славился пристрастием к охоте — отсюда прозвище Гур (перс.: «дикий осел»).

Бахши — народный поэт, певец и сказитель.

Бача — мальчик-слуга, танцовщик в богатом доме.

Баяут — местность в Голодной степи (см. Мирзачуль).

Бедиль Мирза Абдукадыр (1644–1721) — поэт и мыслитель, писал на языке фарси (таджикско-персидском), жил в Индии.

Бекабад (прежнее неправильное наименование: Беговат) — новый индустриальный город на юге Ташкентской области.

Бекасам — шелковая полосатая материя.

Беруни (или Бируни) Абу Райхан Мухаммад (973 — ок. 1050) — великий узбекский средне-азиатский ученый и поэт, уроженец Хорезма (см.).

Бозсу — большой канал в Ташкенте.

Бостандыкские горы — горы возле поселка Бостандык, к северу от Ташкента.

Будда — основатель религии и философии буддизма, возникших в Древней Индии в VI–V вв. до н. э.

Буза — алкогольный напиток из проса, рисовой сечки и др. зерна.

Бурхан — монгольский идол.

Вайдот (вай-дод) — восклицание, выражающее отчаяние, призыв к справедливости, мольбу о помощи.

Вахитов Мулланур (1885–1918) — татарский революционер, погиб в гражданскую войну.

Вуадиль — местность на юге Ферганской долины (см.).

Вургун Самед (1906–1956) — азербайджанский советский поэт.

Газель — короткое стихотворение, состоящее из бейтов (двустихий), обычно любовного содержания.

Газли — район добычи природного газа на западе Узбекистана.

Гауризанкар (Гауришанкар) — горная вершина в Гималаях; до 1913 г. ошибочно отождествлялась с Джомолунгмой (Эверестом), высшей точкой земного шара.

Гиждуван — местность к востоку от Бухары.

Гуджа — похлебка из дробленой джугары — местного сорго (или кукурузы).

Гулистан (букв.: «страна роз») — благословенный, цветущий край.

Гульяр — свадебная мелодия (от «гуль» — «роза», «яр» — здесь; «возлюбленная»).

Гырат — крылатый конь героя-богатыря Гороглы, главного персонажа распространенных на всем мусульманском Востоке эпических сказаний.

Гяур — немусульманин, иноверец в отрицательном значении.

Дал — буква «д» арабского алфавита, в виде дуги; аллегория скорби, образ человека, согбенного тяжким бременем.

Далай-Нор — озеро на северо-востоке Китая.

Дастан — литературное произведение лирического или эпического содержания, где проза перемежается стихами, иногда только в стихах; равнозначно жанру поэмы.

Дастархан — скатерть; также угощение, трапеза.

Дехканин — крестьянин, земледелец.

Джайляу — летнее высокогорное пастбище.

Джамбул Джабаев (1846–1945) — казахский поэт-импровизатор.

Джами Нуриддин Абдуррахман (1414-1492) — великий таджикско-персидский поэт.

Джан (букв.: «душа») — слово-частица, употребляемое и отдельно, и с именами собственными, придающее им ласкательное значение.

Джейхун (букв, перс.: «бешеная кровь») — древнее название реки Амударьи.

Джида — лох восточный узколистый, дерево со съедобными сладко-терпкими плодами.

Джизак — город, областной центр в средней части Узбекистана.

Джунаид (настоящее имя: Курбан-Мамед) — племенной предводитель хивинских туркмен, в 1919 г. стал фактически правителем Хивы, впоследствии возглавлял банды басмачей, после их разгрома бежал за границу.

Джучи (ум. 1227) — старший сын Чингисхана (см.), назначенный им править покоренными странами Средней Азии.

Дирхем (от греч. «драхмэ») — арабская серебряная монета (ее начали чеканить ок. 695 г.), вес которой в разное время колебался от 2,7 до 3,4 г.

Дувал — глинобитный забор.

Дутар — двухструнный музыкальный инструмент.

Закят — налог со скота и имущества, согласно шариату (см.) взимался в пользу бедняков.

Зебинисо (1639-1702) — поэтесса, писавшая на языке фарси (таджикско-персидском), жила в Индии.

Зеравшан (букв, тадж.: «сверкающая золотом») — река в Средней Азии, берущая начало в отрогах Памира; течет на запад и иссякает, не достигнув Амударьи.

Зулейха — героиня распространенной на Востоке библейской легенды об Иосифе Прекрасном (Юсуфе), легшей в основу многочисленных сказаний и литературных произведений.

Зулькарнайн (букв, арабск.: «двурогий») — прозвище Искандара (см.), якобы основанное на том, что во время похода на Египет он был объявлен сыном бога Амона (изображавшегося с бычьей головой).

Зухра — восточное название планеты Венеры, считавшейся покровительницей музыки.

Ибрагим-бек Чакабай — курбаши (см.), возглавлял крупные банды басмачей.

Имам — духовный наставник мусульман (иногда одновременно обладает и политической властью).

Иргай — кизильник, крепкоствольный кустарник.

Иса — арабская форма имени Иисуса Христа, почитаемого мусульманами в качестве одного из пророков, исцелителя, обладающего даром воскрешения умерших.

Искандар — Александр Македонский (356–323 до н. э.) — македонский царь и полководец; на Востоке стал героем многочисленных легенд, сказаний, литературных произведений, где образ его зачастую безмерно идеализирован.

Ишан — авторитетный мусульманский священнослужитель, глава общины верующих.

Кази (казий) — мусульманский судья, выносящий решение на основе шариата (см.).

Казы — колбаса из конины.

Каймак — сливки из топленого молока.

Калам — тростниковое перо.

Каландар — мусульманский странствующий монах.

Капсан — подать натурой, взимавшаяся с земледельцев на содержание духовенства, сельской администрации, кузнеца, пастуха, цирюльника; также налог с зерна, проданного на рынке; пожертвование доли урожая беднякам.

Карабаир — порода лошадей.

Карагач — среднеазиатская разновидность вяза, отличается густой кроной.

Карнай — духовой музыкальный инструмент, длинная медная труба.

Кашкадарья — река на юге Узбекистана.

Кетмень — мотыга.

Кинза — съедобная трава, приправа к мясным кушаньям.

Кир II — персидский царь (558-530 до н. э.) из династии Ахеменидов, держава которого простиралась от стран Ближнего Востока до Средней Азии.

Кишлак — селение.

Кишмиш — изюм.

Кобыз — смычковый двухструнный музыкальный инструмент.

Кок-султан — сорт мелкой сливы.

Коран — священная религиозная книга мусульман, содержит догматы ислама, свод правовых, этических и бытовых норм, будто бы завещанных пророком Мухаммадом (см.).

Куляш Байсентова (настоящее имя: Гульбахрам, 1912-1957) — казахская певица, народная артистка СССР.

Кумган — род металлического кувшина.

Кун Фуцзы (или Кун-цзы, ок. 551-479 до н. э.) — древнекитайский мыслитель, политический деятель и педагог, известный в Европе под именем Конфуция; создатель философско-этического учения (конфуцианство), основанного на принципах социального неравенства.

Курбаши — в старом Туркестане (см.) так называли начальников местной полиции, после революции многие из них возглавили банды басмачей и слово это стало обозначать басмаческого главаря.

Куркилдак — канал в Ташкенте.

Курпача — небольшое одеяло, употребляемое как подстилка.

Кутейба ибн Муслим — арабский полководец, наместник Хорасана (см.), сыграл решающую роль в завоевании арабами-мусульманами Средней Азии в начале VIII в.

Лал — рубин.

Лама — буддийский монах в Тибете и Монголии.

Лунгчи — прислужник в бане, за плату выдающий набедренные повязки.

Майдан — площадь.

Марварток — сорт тутовника (см.: тут) с мелкими поздно созревающими плодами.

Маргилан (до революции — Старый Маргилан; была употребительна форма: Маргелан) — город в центре Ферганской долины (см.).

Марсия — элегия, стихотворение траурного содержания.

Маш — местная разновидность бобовых.

Машраб Бабарахим (1657–1711) — узбекский поэт-вольнодумец; по приговору реакционного духовенства был повешен в Балхе (ныне Северный Афганистан).

Меджнун (букв, арабск.: «одержимый д^ухами») — прозвище Кайса, легендарного поэта, героя древнеарабских романических сказаний, позже — литературных произведений; синоним безумно страдающего от любви человека.

Мехри — ираноязычная поэтесса, жившая в XV в. в Герате.

Мешхед — город на севере Ирана; славится архитектурными памятниками, мусульманскими (шиитскими) святынями.

Минарет — башенка цилиндрической формы, деталь архитектурного комплекса мечети.

Мираб (букв. тадж.: «повелитель воды») — должностное лицо сельской общины, распределяющее воду для орошения.

Мирза — писец, грамотей.

Мирзачульская степь — другое название: Голодная степь, район орошаемого земледелия в среднем течении Сырдарьи.

Муканна (букв. арабск.: «закрытый покрывалом») — прозвище Хашима ибн Хакима, который, по преданию, закрывал лицо куском зеленого шелка, вождя антиисламского и антифеодального движения, охватившего Среднюю Азию в конце VIII в.; потерпев поражение, Муканна с остатками своих сторонников в 783 г. покончил с собой.

Муками Мухаммад-Амин-ходжа (1851-1903) — узбекский поэт-демократ.

Мулла — тот, кто окончил медресе (мусульманское духовное училище) и может занимать пост священнослужителя).

Мухаммад (Мухаммед, Магомет, 570-632) — основатель мусульманства, пророк, на поучениях и «откровениях» которого построен Коран (см.).

Муштари — планета Юпитер.

Навои Низамаддин Мир Алишер (1441-1501) великий узбекский поэт, мыслитель, государственный деятель.

Надира (настоящее имя: Махлар-аим) — жена кокандского хана Умара (1820-е гг.), талантливая поэтесса; была убита в 1842 г. по приказу эмира бухарского Насруллы, войска которого захватили Коканд.

Наманган — город, областной центр на севере Ферганской долины (см.).

Наме — книга, писание; составная часть названий литературных, исторических произведений, документов и т. п.

Нар — верблюд-самец особой породы, отличается силой и выносливостью; в поэзии — олицетворение этих качеств.

Нарын — лапша с тонко нарезанным мясом.

Нефуд — пустыня на севере Аравийского полуострова.

Низами Гянджеви Ильяс (1141-1203) — великий азербайджанский поэт, наиболее известен цикл его поэм «Хамсе» («Пятерица»).

Ной — библейский патриарх; почитается мусульманами как святой; согласно легенде, во время всемирного потопа спасся в ковчеге вместе с сыновьями Симом, Хамом, Яфетом, пристав к горе Арарат; от сыновей Ноя религиозная традиция выводит различные человеческие расы.

Омач — деревянная соха.

Падишах — самодержец, царь.

Палванташ — местность на юге Ферганской долины (см.).

Пери (правильно: пери*и*) — фея; сказочная райская дева, красавица.

Пиала — небольшая круглая чашка без ручки.

Рахмат — спасибо, выражение благодарности.

Рубай — форма восточной классической поэзии; четверостишие, где зарифмованы первая, вторая и четвертая строки.

Рум — Византия, также вообще страны Запада.

Руми Искандар — см. Искандар.

Рустам — герой древнеиранского эпоса, могучий и благородный витязь, воспетый в «Шах-наме» (см.).

Сабит Муканов (1900-1973) — казахский советский писатель.

Саз — старинный музыкальный инструмент; обозначение музыки вообще, также поэтического таланта, мастерства, вдохновения.

Салам — полностью: ас-салам алейкум (букв. арабск.: «мир над вами») — традиционное на мусульманском Востоке приветствие.

Салар — большой канал в Ташкенте.

Самса — слоеный пирожок с начинкой.

Сейхун — древнее название реки Сырдарьи.

Сиам — прежнее название Таиланда.

Сина — см. Абу Али ибн Сина.

Сиявуш — один из героев «Шах-наме» (см.), сын царя Кей-Кавуса, умерщвленный по приказу Афрасиаба (см.).

Супа — глинобитное возвышение в саду или во дворе, служащее для отдыха.

Сури — деревянный помост, широкая кровать.

Сурнай — духовой музыкальный инструмент наподобие гобоя.

Сурьма — краска для бровей и ресниц.

Тал — тальник, ива разных видов.

Танап — мера площади (в разных местностях от $\frac{1}{6}$ до $\frac{1}{4}$ гектара), также веревка для обмера полей.

Темучин — см. Чингисхан.

Тимур (или Тамерлан, 1336–1405) — полководец и государственный деятель, в результате завоевательских походов, сопровождавшихся крайней жестокостью, основал громадную империю со столицей в Самарканде, распавшуюся после смерти властителя.

Тимуриды — среднеазиатская династия, родоначальником которой был Тимур (см.).

Той — пиршество, чаще — свадебное.

Туран — страны к северу от Памира и Копет-Дага, населенные тюрками (иногда отождествляются с

Туркестаном).

Туркестан (букв.: «Страна тюрков») — в прошлом общее название территории к востоку от Каспийского моря и к северу от гор Копет-Дага и Памира, населенной народами тюркской и иранской языковых семей.

Туркестанский хребет — горная гряда на востоке Узбекистана.

Турсуной Ахунова (р. 1937) — дважды Герой Социалистического Труда, прославленная сборщица хлопка.

Тут — тутовник, шелковица (дерево и ягоды).

Увайси (или Увайса) — настоящее имя: Джа-хан — кокандская поэтесса начала XIX в.

Улак — козлодрание, конно-спортивное состязание: всадники вырывают друг у друга тушу козленка, которую победитель доставляет к финишу.

Улугбек Мухаммад Тарагай (1394-1449) — внук Тимура (см.), правил в Самарканде; выдающийся астроном и математик, был злодейски убит в результате заговора реакционных феодалов и духовенства.

Уста (букв.: «мастер») — почтительное наименование человека, искусного в каком-либо деле.

Фархад — герой древних сказаний, использованных Низами (см.), а затем Навои для создания поэм «Хосров и Ширин» и «Фархад и Ширин»; образ самоотверженного человека, который ради любимой осуществляет грандиозный подвижнический труд, преодолевая могучее сопротивление природы.

Фархадгэс — Фархадская гидроэлектростанция в верховьях Сырдарьи.

Фархадские горы — горная гряда на севере Узбекистана.

Фергана — долина на юго-востоке Средней Азии, заключенная между Чаткальским и Алайским горными хребтами; была центром феодального государства; издавна славилась своим плодородием.

Физули Мухаммед (1498-1556) — азербайджанский поэт-классик, чрезвычайно популярный в Средней Азии.

Фуркат Закирджан (1858-1909) — узбекский поэт-демократ, умер на чужбине (в Западном Китае).

Хазарское море — Каспийское море.

Хакан — титул правителя у древних кочевых тюрок и монголов.

Хаккулло (букв. арабск.: «божья доля») — налог в пользу духовенства.

Халима Насырова (р. 1913) — узбекская певица, народная артистка СССР.

Хамаль — первый месяц мусульманского солнечного года (приходится на март-апрель).

Ханка — озеро в Приморском крае, на границе с Китаем.

Хауз — небольшой искусственный водоем.

Хафиз — настоящее имя: Шамсиддин Мухаммед Ширази (1325-1390) — великий таджикско-персидский поэт-лирик.

Хидыр, Хызр — мифический герой домусульманских и мусульманских легенд, хранитель источника живой воды, от которой он будто бы обрел бессмертие, покровитель растений.

Хирман — ток, где собирают и обмолачивают урожай зерновых или куда свозят хлопок.

Хна — красно-желтая краска растительного происхождения для ногтей, волос и др.

Ходра — площадь в центре бывшего старого Ташкента.

Хорасан — область по левому берегу Амударьи (в среднем течении), до предгорий Копет-Дага и

Паропамиза, в средние века была территорией крупного феодального государства, где правили Тимуриды (см.); сейчас — название одной из провинций на севере Ирана.

Хорезм — область в нижнем течении Амударьи, с древних времен была центром крупного феодального государства.

Хут — последний, двенадцатый месяц мусульманского солнечного года (приходится на февраль-март).

Хызр — см. Хидыр.

Чартак — горная местность на севере Ферганской долины (см.).

Чарыки — крестьянская кожаная обувь.

Чачван — по мусульманскому обычаю, принятому у горожан и крестьян-земледельцев, волосяная сетка, закрывающая лицо женщины; часть наряда, называемого «паранджа».

Чигирь — водополивное колесо.

Чигит — семена хлопчатника.

Чилла, чилляк — сорт винограда.

Чилим — кальян, прибор для курения табака.

Чин — название Китая, преимущественно Северного.

Чинара (чинар) — платан, дерево, достигающее большой высоты, отличающееся прямизной ствола; в поэзии олицетворяет стройность стана.

Чингис — Чингисхан (настоящее имя: Темучин, ок. 1155–1227), монгольский правитель и полководец, в результате грабительских походов создал громадную державу, распавшуюся после его смерти.

Чирчик — горная местность и река, протекающая по южной окраине Ташкента, ее энергия с 30-х гг. используется для каскада электростанций.

Чорак — примитивный светильник.

Чует — местность на севере Ферганской долины (см.).

Шайтан — дьявол.

Шам — вечерняя молитва, последняя из ежедневных пяти, обязательных для мусульманина.

Шариат — свод мусульманских религиозных догматов и гражданских установлений, основанный на Коране (см.) и поучениях пророка Мухаммада (см.).

Шах-бейт — двустишие, главное в стихотворении по смыслу или лучшее по форме.

«Шахнаме» — «Книга царей», монументальная эпическая поэма Абулькасыма Фирдоуси Туси (934 или 941— ок. 1080), великого таджикско-персидского поэта, вобравшая в себя сюжеты древнеиранских героических сказаний.

Шаш — древнее название Ташкента.

Шербет — сладкий напиток, сироп.

Шехерезада (правильнее: Шахразада) — героиня арабских сказок цикла «1001 ночь».

Ширази — см. Хафиз.

Ширвани Сеид-Азим (1835–1888) — азербайджанский поэт.

Ширин — героиня древних сказаний, возлюбленная Фархада (см.).

Шувиргон, шивиргани — сорт винограда.

Эдем — рай в Библии.

Юнан — Греция.

Янгиюль — город неподалеку от Ташкента.

Янычары — в султанской Турции корпус регулярной пехоты, учрежденный во второй половине XIV в., первоначально рекрутировался из пленных

христианских мальчиков; упразднен в 1826 г.; янычары отличались исключительной жестокостью.

Яр, яр; яр-яр — припев к народным песням («яр» — букв.; «друг», «возлюбленный», «возлюбленная»).

ОСНОВНЫЕ ИЗДАНИЯ СТИХОТВОРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ГАФУРА ГУЛЯМА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ИДУ С ВОСТОКА. Стихи, Ташкент, 1947.

ИЗБРАННОЕ, Ташкент, 1953.

ИЗБРАННОЕ. Стихи, М., 1958.

СПОР СЕРДЕЦ. Стихи и поэмы, М., 1964.

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В 5-ти ТОМАХ, тт. 1-2,
Ташкент, 1971-1972.

ГАФУР ГУЛЯМ. АЙБЕК. ХАМИД АЛИМДЖАН.
Стихотворения и поэмы, «Библиотека поэта», Большая
серия, Л., 1980.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной
электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

notes

Примечания

1

Дом Гафура Гуляма (с частью улицы) существует и поныне, в нем создается мемориальный музей поэта.

Поэт считал себя учеником Хамзы; он сожалел, что ему не довелось лично общаться с ним.

Связанные с этим события послужили основой для сценария кинофильма, одноименного со стихотворением Гафура Гуляма.